

ВЕСТНИК
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ПРОСВЕЩЕНИЯ

ISSN 2949-5156 (print)

2024 / № 4

ISSN 2949-5164 (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: История и политические науки

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки); 5.6.2. – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки); 5.6.5. – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки); 5.5.4. – Международные отношения (политические науки)

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 5.6.1. – Domestic history (historical sciences); 5.6.2. – Global history (historical sciences); 5.6.5. – Historiography, source-study and methods of historical research (historical sciences); 5.5.4. – International relations (political sciences).

ISSN 2949-5156 (print)

2024 / № 4

ISSN 2949-5164 (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN
OF FEDERAL STATE UNIVERSITY
OF EDUCATION

Учредитель журнала
«Вестник Государственного университета просвещения»
Серия: История и политические науки»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Багдасарян В. Э. – д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Волобуев О. В. – д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Федорченко С. Н. – д-р полит. наук, доц., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Воронин С. А. – д-р ист. наук, проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. – д-р полит. наук, канд. юрид. наук, проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалез Дж. – доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Ершов В. Ф. – д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Журавлев В. В. – д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Захаров В. Н. – д-р ист. наук, проф., Институт российской истории Российской академии наук;

Каширина Т. В. – д-р ист. наук, доц., Дипломатическая академия Министерства иностранных дел России (г. Москва);

Ковалев В. А. – д-р полит. наук, проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. – д-р ист. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. – д-р ист. наук, проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. – д-р полит. наук, проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. – доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединённое королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Смоленский Н. И. – д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения (научный руководитель журнала);

Сулакшин С. С. – д-р полит. наук, д-р физ.-мат. наук, проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Феофанов К. А. – д-р полит. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Фукс А. Н. – д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Штоль В. В. – д-р полит. наук, проф., Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ) (г. Москва)

ISSN 2949-5156 (print)
ISSN 2949-5164 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» – печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных учёных по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73347.

Индекс серии «История и политические науки» по Объединённому каталогу «Пресса России» – 40712

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru), а также на сайте журнала (www.istpolitmgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Государственного университета просвещения» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 4. 150 с.

© Государственный университет просвещения, 2024.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайты: www.istpolitmgou.ru; www.journals-gup.ru

**Founder of journal «Bulletin of Federal State University of Education.
Series: History and Political Sciences»
Federal State University of Education**

Issued 5 times a year

Editorial board

Editor-in-Chief:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

Deputy Editor-in-Chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

Executive secretary:

S. N. Fedorchenko – Doctor in Politology, Assoc. Prof., Federal State University of Education

Members of Editorial Board:

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Prof., Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Prof., Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. F. Ershov – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education;

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Prof., Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Assoc. Prof., Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Prof., Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Prof., Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Ph.D., Prof., University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Prof., Volgograd State University;

R. Sakwa – Ph.D., Prof., University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education (Scientific Consultant of Bulletin)

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Prof., Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

K.A. Feofanov – Doctor of Political Sciences, Prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

V. V. Stol' – The Institute of CIS countries (Institute of Diaspora and integration) (Moscow)

ISSN 2949-5156 (print)

ISSN 2949-5164 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin of Federal State University of Education, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series "History and Political Sciences" of the Bulletin of Federal State University of Education is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС77-73347.

Index of the series "History and Political Sciences" according to the Union catalog «Press of Russia» – 40712

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (www.cyberleninka.ru), as well as at the site of the journal (www.istpolitmgou.ru)

At citing the reference to a particular series of "Bulletin of Federal State University of Education" is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences, 2024, no. 4. 150 p.

© Federal State University of Education, 2024.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

sites: www.istpolitmgou.ru; www.journals-gup.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: ЦЕННОСТНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА МИРОВОГО БОЛЬШИНСТВА

Туртиайнен А., Багдасарян В. Э., Хадж Али А., Купилик В., Витова В., Зогранян Е. В., Камкин А. К., Плугару А. Ф., Степанян А. О., Митиборвала Ф., Квадри Ш. А., Калдаре И. Г. Ценностная и политическая повестка мирового большинства (круглый стол) . . . 7

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Чертков А. С. Присоединение Ленского края к Русскому государству служилыми людьми в XVII веке в концепте фронтального пространства 44

Кружалина А. А. «Россия – парламентская страна, начинающая новую, своеобразную эпоху»: участие духовенства в выборах депутатов Государственной думы Российской империи (на материалах Иркутского генерал-губернаторства) 59

Сергеев В. Н. Взаимоотношения Н. А. Семашко и профессуры Первого МГУ в 1920-е гг.: на примере вопроса о создании клиники социальных и профессиональных болезней 71

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Быков А. В. Особенности советской и современной российской историографии Великой Отечественной войны 84

Сотников А. А. Система местного правосудия Российской империи начала XX в. в современной отечественной историографии (2013–2023 гг.) 94

Сотникова А. И. К вопросу о содержании учебных программ по истории в школах Великобритании. 106

Судзальцев И. А. Современная немецкая историография Коминтерна 117

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ / МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Инь Мэнюань. Роль гуманитарного сотрудничества в российско-китайских отношениях на современном этапе. 127

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ланской Г. Н., Реснянский С. И., Хазанов А. М. Рецензия на книгу: Основы российской государственности: учебно-методический комплекс по дисциплине для образовательных организаций высшего образования / В. М. Марасанова, В. Э. Багдасарян, Ю. Ю. Иерусалимский, Л. Г. Титова, С. А. Кудрина. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2023. 212 с. 138

CONTENT

TEMA HOMEPA: THE VALUE AND POLITICAL AGENDA OF THE GLOBAL MAJORITY

- A. Turtiainen, V. E. Bagdasaryan, A. Haj Ali, V. Kupilik., V. Vitova, E. V. Zogranyan, A. K. Kamkin, A. F. Plugaru, A. O. Stepanyan, F. Mitiborwala, S. A. Quadri, I. G. Kaldare.*
Value and Political Agenda of the World Majority (Round Table) 7

DOMESTIC HISTORY

- A. Chertkov.* The Annexation of the Lena Region to the Russian State by Service People in the 17TH Century in the Concept of Frontier Space 44
A. Kruzhalina. "Russia is a Parliamentary Country Starting a New Peculiar Era": Participation of the Clergy in the Elections of Deputies of the State Duma (Based on the Materials of the Irkutsk Governor-Generalship) 59
V. Sergeev. Relationship Between N. A. Semashko and the Professorship of the First Moscow State University in the 1920s: Creating the Clinic of Social and Occupational Diseases. 71

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

- A. Bykov.* Features of the Soviet and Modern Russian Historiography of the Great Patriotic War . . 84
A. Sotnikov. The System of Local Justice of the Russian Empire at the Beginning of the Twentieth Century in Modern Russian Historiography (2013–2023) 94
A. Sotnikova. On the Issue of the Content of History Curricula in British Schools 106
I. Suzdaltsev. Modern German Historiography of the Comintern. 117

POLITICAL SCIENCES / INTERNATIONAL RELATIONS

- Yin Mengyuan.* The Role of Humanistic Cooperation in Sino-Russian Relations at the Current Stage 127

ACADEMIC LIFE

- G. Lanskoj, S. Resnyansky, A. Khazanov.* Book Review: Basic Points of Russian State System: Marasanova V. M., Bagdasaryan V. E., Iyerusalimskiy Yu. Yu., Titova L. G., Kudrina S. A. Educational and Methodical Complex on Discipline for Educational Organizations of High Education. Moscow, ID «Delo» Rankhigs Publ., 2023. 212 p. 138

Тема номера:

ЦЕННОСТНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА МИРОВОГО БОЛЬШИНСТВА

Предыдущий номер «Вестника» был посвящён осмыслению феномена Западной цивилизации. Для раскрытия его в качестве одной из цивилизационных систем, а не мировой универсалии, было введено понятие *вестернология* (концепт вводной статьи номера А. Г. Дугина). Однако до настоящего времени происходящие в мире процессы интерпретируются в логике западнцентризма. Западнцентризм доминирует и в общественных науках. Между тем Запад представляет меньшинство человечества и не имеет морального права говорить от его лица. Сам Запад внутри себя также не един. Есть основание считать, что взявшие под контроль сообщества европейских и североамериканских государств глобалистские элиты не отражают мнения, интересов и ценностей большинства соответствующих стран. Парадоксальным образом, несмотря на публичное декларирование приверженности принципам демократии, решения и повестки диктует меньшинство. Большинство же оказывается дискриминируемым. Отсюда следует важность постановки вопроса о политической и ценностной повестке с позиции мирового большинства.

С высокой долей вероятности эта повестка окажется корреспондентна повестке традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Традиционные ценности и составляют фундамент бытия большинства человечества. Меньшинство разделяет иные ценности, которые могут быть квалифицированы как антитрадиционные и противоестественные. Мировые медиаресурсы представляют интерпретацию актуального политического процесса именно с пози-

ции меньшинства. С позиции меньшинства формируется и деформированный под влиянием различных фобий образ России. Существует запрос ревизии этих подходов на основании ценностных представлений большинства человечества.

Замысел такого переосмысления составил задачу организованного Академией геополитических проблем международного Круглого стола. Экспертными мнениями в ходе его проведения поделились представители России, Индии, Ливана, Молдавии, Сирии, Финляндии, Чехии. Многие из экспертов – непосредственные участники политической жизни представляемых ими государств. Среди них есть и те, кто оппонировал политическому курсу прозападных элит соответствующих стран, что по нынешнему времени требует немалого гражданского мужества. Консолидация экспертов в понимании ценностного единства большинства человечества является сама по себе важной политической констатацией того, что цивилизационное единение потенциально возможно. Важно и то, что Россия единодушно была признана представителями разных стран и цивилизаций как форпост борьбы за интересы большинства человечества.

Круглый стол проводился в конкретное политическое время, что не могло не повлиять на акценты, сделанные участникам в своих выступлениях. Не все из оценок, прозвучавших в ходе обсуждения, могут быть приняты редакцией журнала. Но путь к обретению единства с позиции ценностного большинства человечества нам видится чрезвычайно важным и актуальным.

УДК 327

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-4-7-43

ЦЕННОСТНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА МИРОВОГО БОЛЬШИНСТВА (КРУГЛЫЙ СТОЛ)

*Туртиайнен А., Багдасарян В. Э., Хадж Али А., Купилик В., Витова В.,
Зогранян Е. В., Камкин А. К., Плугару А. Ф., Степанян А. О., Митиборвала Ф.,
Квадри Ш. А., Калдаре И. Г.*

Аннотация

Цель. Рассмотрение современной ценностной и политической повестки мирового развития с мировоззренческих позиций большинства человечества.

Процедуры и методы. Диалог представителей различных цивилизаций по актуальной повестке мирового развития. Диалоговый формат как основа формирования интегрированной позиции мирового большинства.

Результаты. Констатация совпадения позиций представителей разных цивилизаций, дающая основание для утверждения о возможности формирования единой позиции мирового большинства на основании традиционных духовно-нравственных ценностей. Сделан вывод о том, что глобалистским меньшинством навязываются ценности и взгляды, диссонирующие с позициями разных цивилизаций.

Теоретическая и/или практическая значимость. Показана возможность межцивилизационного диалога на платформе традиционных духовно-нравственных ценностей. Выработаны концептуальные основания формирования международного общественного движения большинства человечества.

Ключевые слова: мировое большинство, ценности, ООН, Россия, Запад, цивилизации, колониализм, человечество, война, мир, сценарии

VALUE AND POLITICAL AGENDA OF THE WORLD MAJORITY (ROUND TABLE)

*A. Turtiainen, V. E. Bagdasaryan, A. Haj Ali, V. Kupilik., V. Vitova, E. V. Zogranyan,
A. K. Kamkin, A. F. Plugaru, A. O. Stepanyan, F. Mitiborwala, S. A. Quadri, I. G. Kaldare*

Abstract

Aim. To consider the modern value and political agenda of modern world development from the ideological positions of the majority of humanity.

Methodology. Dialogue of representatives of different civilizations on the current agenda of world development. Dialogue format as a basis for the formation of an integrated position of the world majority.

Results. A statement is made of the coincidence of the positions of representatives of different civilizations, which gives grounds for asserting the possibility of forming a single position of the world majority on the basis of traditional spiritual and moral values. The conclusion is drawn about the imposition by the globalist minority of values and views dissonant from the standpoint of each of the civilizations.

© СС ВУ Туртиайнен А., Багдасарян В. Э., Хадж Али А., Купилик В., Витова В., Зогранян Е. В., Камкин А. К., Плугару А. Ф., Степанян А. О., Митиборвала Ф., Квадри Ш. А., Калдаре И. Г., 2024.

Research implication. The possibility of intercivilizational dialogue on the platform of traditional spiritual and moral values is demonstrated. Conceptual foundations for the formation of an international social movement of the majority of humanity are developed.

Keywords: world majority, values, UN, Russia, West, civilizations, colonialism, humanity, war, peace, scenarios

Введение

Современный миропорядок вошёл в зону глобальной турбулентности. Старый однополярный миропорядок во главе с США рухнул, и сегодня идёт построение более справедливого, равноправного и безопасного мироустройства. Западное сообщество во главе с США не хочет мириться с этой реальностью. Ради сохранения своего статуса мирового гегемона США и их союзники организуют и ведут гибридную войну с мировым большинством. Манипулируют международными организациями, своевольно выступают от имени мирового сообщества, незаконно применяют односторонние санкции. Спорт, культура, наука стали инструментом политического шантажа. Этнические чистки, уничтожение и разграбление памятников культуры: христианского, исламского и буддийского наследия древних народов – всё это становится обыденным делом и остаётся безнаказанным. Турбулентность управляемого хаоса направлена против народов мирового большинства. Цель этого хаоса – сохранить гегемонию США, за которыми стоят крупные финансовые транснациональные корпорации. Народы Латинской Америки, Евро-Азии и Африки как представители мирового «большинства» выступают за новое мироустройство, за справедливый, равноправный и безопасный мир, без гегемонии с позиции превосходства кого-либо.

В рамках Круглого стола представители разных цивилизаций обменялись мнениями по актуальной повестке развития человечества. Цель такого обсуждения заключается в нахождении консенсуса на основе фундаментальных ценностей мирового большинства. В настоящее вре-

мя такого рода диалогам акторы однополярности пытаются мешать любыми доступными средствами: санкциями, гибридными войнами, кампаниями «культуры отмены». Опасения очевидны – осознание большинством своей правоты, прозрение в отношении навязываемой повестки глобализма как идеологии деструктивизма. Большинство человечества может осознать себя большинством, а соответственно прозреть в отношении ложных установок, утверждаемых глобалистскими меньшинствами.

Ано Туртиайнен

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЙ И ОБЩИЙ ОТВЕТ НА ГИБРИДНЫЕ УГРОЗЫ ЗАПАДА

Все участники Круглого стола осознают сложившуюся в мире ситуацию и те процессы, которые продвигает Запад в повестке однополярного миропорядка. Нет никакой необходимости повторять это, но мы, большая часть мира, должны сейчас сосредоточить внимание на мерах по прекращению построения тоталитарной модели мироустройства. Именно поэтому мы собрались здесь, в Москве, чтобы создать последовательный и общий ответ на гибридные угрозы Запада.

Соединённые Штаты Америки и остальные представители Запада уже давно используют жёсткую силу, чтобы возмутительными путями продвигать свою программу, оправдываясь именем демократии. Они безжалостно используют военную мощь против более слабых стран, в которых, помимо всего прочего, они позволяют себе хладнокровно устранять руководителей государств (политически и физически). Информационная война уже зашла так далеко, что людям,

раскрывающим правду, приходится опасаться за свою жизнь. Правду называют дезинформацией, а защитников правды сажают в тюрьмы по различным сфабрикованным обвинениям. Даже убийства не выходят за рамки средств, которые они используют [11; 12].

Элита Запада – это совершенно безжалостная преступная группировка, с которой больше нельзя обращаться в так называемых «шёлковых перчатках». Мы – большая часть мира, и нам пора защитить себя всеми доступными средствами. Однако, несмотря на то, что США лидируют на Западе, никто не давал им права подвергать бомбардировкам или убивать ни в чём не повинных гражданских лиц.

Европа должна освободиться от беспощадной хватки глобалистов, иначе не будет мира ни в Евразии, ни в Африке. Это затрагивает все страны Старого Света, которые хотят жить в мире и освободиться от тирании Запада. Никаких исключений.

Коллективный гибридный ответ свободного мира должен быть поднят на тот же уровень, который Запад сейчас имеет в Европе. Внутри Европы имеются огромные ресурсы, которые мы можем использовать против действий Запада. Эти ресурсы сокрыты в тех массах людей, которые жаждут свободы от тирании глобалистов.

Люди имеют полное моральное право действовать во имя своей свободы и, следовательно, против глобализма. Они готовы работать ради свободы Европы, если им представится такая возможность. Однако для этого им нужна внешняя поддержка. Их необходимо объединить, чтобы они могли являться и действовать как часть более крупной организации. Им нужна сеть интеллектуальной поддержки вокруг себя, а также финансовая поддержка, чтобы иметь возможность действовать в тяжёлых условиях Запада.

Это вызов, на который должен ответить свободный мир, иначе мира не будет. Даже если нынешние кризисы, происхо-

дящие на Украине, в Тайване, Африке и на Ближнем Востоке, удастся разрешить, возникновение где-то нового конфликта против свободного мира – лишь вопрос времени. События на Украине доказывают, что глобалистам нельзя доверять ни в какой ситуации. Мира можно достичь только тогда, когда нарушители спокойствия будут обезоружены.

Информационная война является одной из наиболее значимых форм гибридной войны, и на этом фронте свободному миру пора начать действовать против элит Запада, которые уже спотыкаются о собственную ложь [47]. Нам необходимо использовать эту возможность в своих интересах и начать предпринимать масштабные шаги для того, чтобы правда о ситуации в мире дошла и до жителей Запада. Мировой порядок, спланированный дьяволом и движимый Западом, никому не выгоден, и каждый человек должен это понять. На эту информационную войну необходимо ответить предельно жёстко, нужно создать новые национальные информационные агентства, через которые люди узнают правду [27].

Необходимо подчеркнуть, что распространение информации имеет огромное влияние. На Западе информация долгое время использовалось только для лжи и готовых мнений, что нанесло большой ущерб. Финляндия является хорошим примером суженного медиаполя, где вся критика в адрес НАТО и ЕС подавляется, а критиков изображают предателями. Та же стратегия использовалась во время пандемии, когда под предлогом болезни людей лишили их основных прав. В результате американские вакцины, которые рекламировали западные СМИ, оказались гораздо опаснее самой болезни. Только сейчас, в разгар повышенной смертности, многие задаются вопросом, как такое произошло.

В мире есть много стран, которые вырываются из хватки США и других западных стран. Этим странам потребуется военная и финансовая поддержка

со стороны тех свободных стран мира, которые имеют для этого возможности. США и Европа даже вместе не способны на столкновение и реальный конфликт против России и Китая, не говоря уже о ряде других стран, готовых защищать свободный многополярный мир, не говоря уже о противоборствующих державах в странах ЕС и США, которые никогда не примут западный мировой порядок дьявола. У элит США и Европы нет другого выбора, кроме как отступить. Однако недостаточно просто остановить врага.

Мир, а также истинные и долгосрочные перемены будут достигнуты, когда преступники будут отстранены от власти и привлечены к ответственности за преступления, которые они совершили против человечества, которые они совершили безжалостно и без угрызений совести, используя мощь оружия и экономики США и Европы против других стран, наций и даже своих граждан.

В заключении хочу сказать миролюбивому свободному мировому большинству: кто сможет добиться успеха в битве против нас, когда Отец Небесный на нашей стороне?

Багдасарян В. Э.

ВСЕОБЩАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА 2.0: ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ

Начну с некоего художественного образа, который поможет далее развернуть соответствующую аргументацию. У русского философа конца XIX в. В. Соловьёва, искавшего пути неслиянного всеединства человечества, есть одна крайне интересная в повестке рассматриваемой проблематики повесть. Суть сюжета повести: обретение одним человеком мировой власти. Человек этот обладал сверхъестественными возможностями и мог творить различные чудеса. И вот решил он собрать всех представителей христианских церквей на Вселенском соборе в Иерусалиме. Там он обещал каждой из

конфессий разные блага. И тогда поднялся с места православный старец Иоанн. Старец признал, что все эти блага очень важны. Но главное для нас, – сказал старец, – это почитание Христа. Исповедуйся во Христе! – обратился он к правителю. Правитель поменялся в лице, как будто его нечто поразило. «Батюшки, так это антихрист!», – воскликнул Иоанн и пал тут же поражённый какой-то силой замертво. После этого антихриста изобличили и католики, и протестанты, несмотря на то, что между ними прежде существовало острое соперничество. Они узрели, что в мир пришло мировое зло [35].

Так вот, коллеги, можно зафиксировать сходную ситуацию с той, которая была описана В. Соловьёвым в «Повести об антихристе»: мировое зло пришло. И это зло угрожает каждому из сообществ. И все сообщества, равно тому, как лидеры церквей в повести В. Соловьёва, должны объединиться против наступающего мирового зла.

Президент России в 2022 г. произнёс очень важные слова о том, что западные элиты фактически перешли на платформу сатанизма¹. А в 2024 г. в продолжение этой темы им был использован образ непрекращающегося «бала вампиров»². Как понимать слова о сатанизме – как фигуру речи или отражение реальности – приверженность сатанинской идеологии в буквальном значении? Многие свидетельствуют о том, что речь идёт о реальном сатанизме. А если это не фигура речи, а реальный сатанизм, то компромисс в этой ситуации невозможен. Нельзя договариваться о чём-либо с Сатаной. Цель сатанистов – погубить души человеческие.

¹ Подписание договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России // Президент России: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69465> (дата обращения: 24.05.2024).

² Владимир Путин ответил на вопросы Дмитрия Киселёва // Президент России: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73648> (дата обращения: 24.05.2024).

Сошлюсь на недавно услышанный мной впечатляющий рассказ, который поведал один высокий чин Русской православной церкви. Сообщалось о беседе с некой супружеской четой – представителях мирового олигархата, вкладывающих средства в образование и современное искусство постмодерна. Собеседник поинтересовался, что ими движет в их стремлениях. Деньги, как обозначила супружеская пара, были уже не важны ввиду их неограниченности. «Может быть, – предположил собеседник, – Вы стремитесь развивать человеческие потенциалы?» В ответ раздался смех: «Наша цель – как можно больше людей вовлечь в тяжёлые грехи!»

Фактически можно зафиксировать возникновение нового феномена в цивилизационной истории человечества – глобальную антицивилизацию. Антицивилизация противоположна каждой из существующих цивилизаций и всем им в совокупности. Она и есть сегодня воплощение мирового зла. Антицивилизация уничтожает традиционные религии, национальные государства, культурные различия, семью, уничтожает пол, заменяя его тем, что называется «гендер». Антицивилизация в конечном итоге уничтожает человека [5].

И возникает вопрос, кто даст мировоззренческий и ценностный ответ на угрозы наступающей антицивилизации. Взоры многих обращены в этой критической ситуации к России. Россия сегодня столкнулась в прямом противоборстве с антицивилизацией. И ей не впервой генерировать такие ответы. Русское государство, подобно византийской традиции, мыслилось как катехон, т. е. сила, удерживающая мир от наступающего зла. В XX в. Россия генерировала идеологию советского коммунизма, которая была крайне важна для человечества как альтернатива и сдерживание того, что определялось понятием капитализм, содержащей в себе все эти установки расчеловечивания, которые наглядно проявля-

ются сегодня. Но рухнул Советский Союз, альтернатива снята, и силы зла получили монополию [3; 7]. Установившийся мировой либеральный диктат и явился, в сущности, диктатурой сатанизма [8].

Мировоззренческим ответом на продуцированные антицивилизацией угрозы расчеловечивания стало принятие в 2022 г. Указа президента РФ об основах государственной политики по защите и сохранению традиционных российских духовно-нравственных ценностей¹. Далее Положение о традиционных духовно-нравственных ценностях вошло в концепцию внешней политики России, т. е. было предложено человечеству². Традиционные духовно-нравственных ценности – это и есть тот фундамент, на котором Россия предлагает человечеству объединиться. На основе этих ценностей выстраивалась каждая из цивилизаций, и обращение к ним означает самовосстановление каждого из цивилизационных сообществ.

А противостоят традиционным духовно-нравственным ценностям ценностные установки постмодерна, расчеловечивания и децивилизации. В этом отношении мир по-прежнему биполярен. Только биполярность мира иная, чем та, которая была в XX столетии. С одной стороны, антицивилизация и постмодерн, с другой – традиционные духовно-нравственные ценности, объединяющие все цивилизации.

Социология наглядно демонстрирует имеющиеся различия. В качестве примера можно обратиться к материалам «Всемирного обзора ценностей». Инди-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России: [сайт]. URL <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 24.05.2024).

² Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации // Президент России: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 24.05.2024).

кативным является, в частности, различие в ответах западных респондентов и респондентов в остальном мире по вопросам о том, может ли гомосексуальная пара быть хорошими воспитателями детей, и обязаны ли дети заботиться о больных родителях. Западное сообщество в большинстве полагает, что гомосексуальная пара вполне может хорошо справляться с воспитательными функциями, а обязанности заботиться о больных родителях у детей не существует. Респонденты, представляющие другие цивилизации, считают иначе: гомосексуалисты хорошими воспитателями быть не могут, а забота о больных родителях является для детей долгом. Хотим ли мы прийти к тому состоянию, которое фиксируют социологические замеры применительно к современному Западу? Если мы туда не хотим, то нужно выстраивать систему сопротивления этим тенденциям¹.

Мы фиксируем, что с Западной цивилизацией случилась некая беда. Но мы не против Запада. Мы против антицивилизации, жертвой которой стал Запад – первой из потенциальных жертв. Причина – произошедший исторически конкордат с Сатаной, искушение Фауста. Напомню, что фаустовским определил содержание западного историко-культурного типа один из основоположников цивилизационного подхода О. Шпенглер. Мы сегодня не боремся с Западом, а защищаем его, защищаем Данте и Шекспира, защищаем лежавшие когда-то в основе Западной цивилизации христианские ценности [46].

Вопрос о новой ценностной повестке как альтернативы расчеловечивания делает актуальным запрос на выявление тех фундаментальных позиций, в которых традиционные ценности большинства человечества совпадают.

Важно установление иерархии ценностных компонент. Очевидно, что ценности не являются равновесными. Одни

ценностные ориентиры приоритетны по отношению к другим. Такая характерная для народов Евразии *система приоритетов* устанавливается по следующим 15 позициям:

1. – коллективного над индивидуальным, общего над частным;
2. – идеального над материальным;
3. – служения над владением;
4. – традиции над конъюнктурой;
5. – духа над буквой, справедливости над законом;
6. – воина над торговцем;
7. – учителя над учеником;
8. – старшего над младшим;
9. – народа над элитой;
10. – идеологии над технологиями;
11. – долга над свободой;
12. – цивилизации над этносом;
13. – миссии над интересом;
14. – труда над капиталом;
15. – Родины над жизнью (во всех цивилизациях герои отдавали свою жизнь за Родину, а значит, были некие ценностные идеалы, которые выше жизни).

Принятие в 1948 г. Всеобщей декларации прав человека на определённом историческом этапе стало важным шагом, направленным на недопущение реанимации нацизма². Но сегодня очевидно, что тех положений Декларации недостаточно. Безусловно, она была принята на основе определённой идеологии, и этой идеологией был либерализм. Следует напомнить, что Советский Союз и его сторонники тогда в 1948 г., хотя и не были категорически против Декларации, но выражали сомнение в достаточности выдвигаемых положений. Недостаточность была, прежде всего, связана с определением того, что понимается под Человеком [2]. Но сегодня, по прошествии десятилетий, становится очевидным необходимость принятия новой Декларации – Де-

¹ World Values Survey (Всемирный обзор ценностей): [сайт]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>

² Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 24.05.2024).

кларации большинства человечества. И для её разработки необходимо ответить на ряд фундаментальных вопросов человеческого бытия [6].

1. Кто такой человек?

Без ответа на вопрос «кто такой человек?» невозможно и целевое человекостроительство. Насаждение как самоочевидного взгляда на человека как на индивидуума, буквально – атома, задаёт логику индивидуализации, являясь фактически компонентой либеральной пропаганды. Таким же насаждаемым штампом является определение человека в качестве социального или иного животного. Атомизация, равно как и биологизация человека ведут с очевидностью к разложению. Традиционное для большинства человечества раскрытие природы человека связывалось с осмыслением его, с одной стороны, как образа и подобия Божьего, а с другой, как социального существа, соратника большой общности.

2. Что такое добро и зло?

Познание добра и зла определяет развёртку человеческой истории. С вопроса о добре и зле начинается цивилизационное. Каждое сообщество устанавливает, что оно считает хорошим и плохим, строя на этой основе законы и мораль. Разграничение добра и зла должно составлять суть воспитания и образования. К сожалению, эти категории фактически полностью выведены из образовательного контента. Понятий добра и зла нельзя найти ни в образовательных программах, ни в учебниках. Смещение же добра и зла может иметь для общества самые деструктивные последствия.

3. В чём смысл жизни?

Как-то нивелирован в массовом сознании оказался вопрос – ради чего человек живёт. Ведь он не живёт лишь для того, чтобы потреблять – установка, задаваемая потребительским обществом. Обесмысливание бытия человека приводит в итоге к деструктивным последствиям, как для психики отдельного человека, так и для общества в целом.

4. Откуда пошло человечество?

Вопрос предполагает обращение к прошлому, к истокам человечества. А это, в свою очередь, выводит на вопрос об исторической миссии человека.

5. Куда мы идём?

Необходимо сформулировать видение будущего как «желаемого завтра». Без определения желаемого будущего невозможна постановка целей. Вопрос о будущем – это не только прогнозирование, но и проектирование. Надо определиться, какой мы мир как человечество строим.

6. Почему Победа будет за нами?

Необходимо, чтобы человечество, люди доброй воли, были уверены в грядущей Победе. Эта уверенность должна проистекать из представления о нахождении на «правильной стороне истории». Перефразируя слова из повести 1941 г, «Победа будет за нами» потому, что «наше дело правое». Правда же в борьбе в свою очередь с правотой традиционных ценностей. Добро, безусловно, должно победить зло.

Ахмад Хаж Али

ОБЗОР СИТУАЦИЙ ВОКРУГ ГАЗЫ И НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ ПОСЛЕ ИРАНСКОГО КОНТРУДАРА

Как известно, существование Израиля не признаётся 30 государствами – членами Организации Объединённых Наций. Среди них есть не только арабские и даже не только мусульманские страны. Израильский контроль над палестинскими территориями рассматривается с позиций этих государств как режим оккупации [30]. Игнорирование этой позиции ведёт к воспроизводству конфликта на Ближнем Востоке. И в этой оккупации видятся истоки современного конфликта, способного перерасти в региональную, и даже глобальную войну [40].

В ночь на 13 апреля 2024 г. один журналист из анклава опубликовал видеоклип, в котором показал, что в небе Газы нет израильских дронов. Связано это

было с иранским ударом – операцией «Правдивое обещание», который отвлек на нескольких часов внимание Израиля от Сектора Газа. ПВО израильского режима оказались переключены на отражение ракет и иранских беспилотников, направленных в сторону военных объектов контролируемых израильтянами территорий¹.

До иранского ответного удара на убийство лидеров Корпуса стражей исламской революции в Сирии в течение почти двух недель режим Израиля испытывал большую тревогу, опасаясь последствий иранского возмездия. Было представлено множество сценариев его осуществления и характера иранского ответа, несмотря на подтверждение на различных военных и политических уровнях Ирана, как официальном, так и неофициальном, того, что ответный удар неизбежен. В этот период израильский режим максимально усилил свои угрожающие выступления в адрес Ирана в случае, если тот ответит, и тем более, если удар будет по географическим объектам самого Израиля. Позиция США и Запада в этом отношении была твёрдой в плане возражения против данного контрудара и в утверждении готовности защищать Израиль в любой ситуации. События показали, что такая защита подразумевала участие в перехвате ракет и беспилотников, а не деградирования до прямого участия в войне против Ирана. Однако, несмотря на жесткую риторику и эскалацию в СМИ, а также обмен сообщениями, Исламская Республика Иран не удержалась от ответа, проведя широкую и точную атаку².

¹ Israel getting punished with Operation 'True Promise' // Tehran Times: [сайт]. URL: <https://www.tehran-times.com/news/497075/Israel-getting-punished-with-Operation-True-Promise> (дата обращения: 24.05.2024).

² Iran's Strikes on Israel Open a Dangerous New Chapter for Old Rivals // The New York Times: [сайт]. URL: <https://www.nytimes.com/2024/04/14/world/middleeast/israel-response-iran-attack.html> (дата обращения: 24.05.2024).

Реакция Исламской Республики Иран на 14 апреля разрушила стену сдерживания между ней и Израилем. Иранский удар стал первым в своём роде по оккупированным территориям с момента объявления Исламской Республикой Иран враждебности израильскому режиму. И этот ответ произошёл в то время, когда регион переживает нестабильность. Это важно и в свете рассмотрения последствий операции «Наводнение Аль-Аксы» 7 октября 2023 года.

Иран выходит из навязываемого формата конфликта

Израиль на различных фронтах борьбы с «Осью сопротивления», особенно на Ливанском фронте, пытался демонстрировать своё превосходство. Имея преимущество в определении направлений конфронтации, повышая уровень ударов, Израиль выстраивал повестку конфликта так, чтобы ответные варианты оставались непропорциональными и только в рамках права на ответ, который он бы был в состоянии поглощать. Именно такую тактику Израиль пытался применять с Ираном, убив командира Корпуса Стражей Исламской Революции Хаджа Захеда и его соратников. Однако реакция Ирана последовала на неожиданном уровне, т. к. она затронула территории от Голан до Эйлата большим количеством БПЛА и баллистических ракет³. Таким образом, Иран в описываемых обстоятельствах перешёл навязываемый Израилем формат конфликта.

Раскрытие планов защиты Израиля

С первого же момента, когда Иран объявил о своём намерении отреагировать на убийство командиров в иранском консульстве в Сирии, Израиль и его союзники в регионе начали принимать обо-

³ Fatima Al-Kassab. What is the 'axis of resistance' of Iran-backed groups in the Middle East? // NPR: [сайт]. URL: <https://www.npr.org/2023/10/26/1208456496/iran-hamas-axis-of-resistance-hezbollah-israel> (дата обращения: 24.05.2024).

ронительные меры, чтобы предотвратить любые действия со стороны иранцев, которые могут произойти. В течение двух недель были раскрыты все оборонительные возможности режима и его союзников. В день ответа по пути БПЛА и ракет, направленных на израильские территории, были выявлены страны, которые участвовали в отражении иранского контрудара. Это открыло компетентным властям Ирана степень способности соответствующих государств реагировать на угрозы, планы, составленные для отражения атак, а также время, необходимое для того, чтобы ракеты и беспилотники достигли территорий Израиля. Вся эта информация может помочь в будущем совершенствовать и развивать военный потенциал. Следует отметить, что иранское оружие, использованное в атаке, довольно старое и известное по своим возможностям и характеристикам. Так что Ирану не пришлось раскрывать свои военные секреты о современном вооружении, которым он обладает.

Ошибка в расчётах

С начала израильской войны в секторе Газа военный кабинет режима поставил перед собой 2 основные цели: вернуть пленных из сектора Газа и ликвидировать ХАМАС. Однако по прошествии года войны враг не смог достичь этих целей, чему способствует множество причин, в т. ч. стойкость сопротивления палестинского народа, а также операции поддержки всех сил движения сопротивления. Ввиду этого у Израиля начали накапливаться стратегические потери, в первую очередь связанные с задачами сдерживания. До 7 октября 2023 г. руководство Израиля считало, что палестинские группировки не в силах противостоять Израилу. Но операция «Наводнение Аль-Акса»¹ доказала обратное и превзошла в

военном смысле все ожидания. Израильтяне думали, что силы сопротивления не будут предпринимать наступательные действия, но уже со второго дня войны Хезболла в Ливане начала операцию по поддержке сектора Газа. За операциями следили различные фракции в Йемене и Ираке. Израильтяне полагали, что в партнёрстве с Соединёнными Штатами Америки они смогут остановить противника посредством последовательных интенсивных операций [20]. Правительство Израиля во главе с Б. Нетаньяху стремилось расширить масштаб конфронтации. Однако на сегодняшний день они так и не достигли поставленной цели, поскольку операции по поддержке антиизраильских сил всё ещё продолжаются, а давление на Израиль последовательно возрастает. Многие аналитики задаются вопросом, был ли переход на ограниченное противостояние стратегической ошибкой Израиля?

Есть много факторов, позволяющих квалифицировать политические шаги Израиля в качестве стратегических ошибок. Большинство из них связано с личностью премьер-министра². Современная ситуация показывает, в какой степени личные интересы влияют на принятие политических решений. Война началась потому, что Нетаньяху нужны были козыри, которые укрепили бы его положение внутри режима и защитили бы от свержения. Военные действия им были предприняты даже в ущерб американо-израильским интересам.

Непримиримость и неправильная оценка ситуации со стороны израильского правительства во главе с Нетаньяху побудили его пойти на ещё один невер-

¹ United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (OCHA) (20 October 2023). "Fact Sheet: Israel and Palestine Conflict (19 October 2023)". URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-

ru.ru.ea7fd40f-66f69cfb-729b1ba3-74722d776562/https://reliefweb.int/report/occupied-palestinian-territory/fact-sheet-israel-and-palestine-conflict-19-october-2023 (дата обращения: 24.08.2024).

² Вандышева О. Каринэ Геворгян: «Некоторые сомневаются в психической адекватности Нетаньяху» // Бизнес OnLine: [сайт]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/643770> (дата обращения: 24.08.2024).

ный шаг – убийство иранских военных чиновников в консульстве Ирана в Сирии. Нетаньяху на протяжении многих лет рассматривал насилие как способ сдерживания, и такая позиция не могла не привести к кризису.

Тактическая установка Израиля на применение насилия против палестинских движений в секторе Газа предшествовала непосредственно операции «Наводнение Аль-Акса». Исторические события показали, что эта тактика не имела никакого стратегического воздействия, а, напротив, привела израильский режим к перспективе последовательных потерь.

В случае с Ираном израильское правительство полагало, что, убив командира Революционной гвардии «Захеда» и его товарищей в иранском консульстве в Сирии, оно сможет навязать уравнение, которое поставит Иран в неловкое положение и в целом уменьшит объём операции по поддержке Газы. Такая тактика могла бы сработать при абсолютной американской гегемонии. Но ситуация сегодня уже принципиально иная, чем та, которая была в 1990-е гг. И Иран не мог не ответить.

Вероятные сценарии

Ответ Ирана привёл к формированию новой реальности. Развитие ситуации видится в разных сценариях.

Сценарий 1: Остановка войны.

Ответ Ирана имеет, скорее, стратегическое воздействие, чем тактическое. Чтобы максимально ограничить стратегическое воздействие иранского ответа и предотвратить эскалацию в соответствии с желаниями США, Израиль, по согласованию с американской администрацией, может пойти на прекращение войны. Вероятно, будет решена проблема израильских пленных, удерживаемых ХАМАС. Но после войны, с большой вероятностью, возобновится.

Сценарий 2: Война продолжится в нынешних темпах.

Чтобы избежать эскалации в регионе и возможности широкой региональной

войны, а также в согласии с американской волей предотвратить масштабирование конфликта, Израиль может взять на себя обязательство воздержаться от ответа Ирану, сохраняя при этом существующие темпы боевых действий. Но это не мешает Израилю проводить скрытые операции («без отпечатков пальцев»). Эти операции будут нацелены на иранские фигуры и объекты, которые, в первую очередь, связаны с произведённой атакой, а во-вторых, имеют связи с движениями «Оси сопротивления».

Сценарий 3: Эволюция и усовершенствование стратегии Оси сопротивления.

Израильский режим может работать над усилением своих ударов, направленных против движения Сопротивления, увеличивая степень их мощи и влияния. Для их предотвращения силы сопротивления в регионе могут применить оружие, которое не использовалось ранее.

Сценарий 4: Продолжающийся обмен атаками.

Сложившаяся ситуация представляет собой сценарий взаимной реакции между Ираном и Израилем, которая постепенно, но медленно обостряется и приведёт к возможной смене диспозиции в войне.

Вариант А. Остановка войны в секторе Газа: если правительство Нетаньяху решит ответить Ирану, многие факторы могут привести к выбору прекращения войны в секторе Газа и изменение вектора противостояния на израильско-иранский.

Вариант Б. Рассредоточение силы противника: режим Израиля пытается, насколько это возможно, изолировать сектор Газа от остальных стран Оси Сопротивления и приблизиться к сектору Газа без какого-либо внешнего противодействия. Однако Ось Сопротивления продемонстрировала большую настойчивость в поддержке Газы. Операции по поддержке не прекратились до сих пор, и кабинет войны был вынужден перенаправить часть своих сил в сторону движений, которые его атаковали, что кон-

кретно называется «рассредоточением сил противника», причём с выходом на новую арену – Иран. Сегодня Израиль сталкивается с дилеммой «ответа на ответ», и, если он решит продолжить, он столкнётся с реальностью нового иранского удара. Иранские ответы заставят ослабить внимание на арене Газы и осложнят политическое и военное положение Израиля.

Вариант В. Война на истощение: если «режим Нетаньяху» решит отреагировать на ответ Ирана, то, согласно тому, что было заявлено многими официальными лицами в Тегеране, он получит ещё один более мощный ответ со стороны Исламской Республики. И таким образом Израиль столкнётся с водоворотом взаимных ответных контрударов, которые поставят его в состояние сильного военного истощения. Тем более, что эта война будет вестись на нескольких аренах одновременно. Такая эскалация наиболее вероятно приведёт к стадии региональной войны, когда Соединённые Штаты Америки будут вынуждены вступить в конфронтацию в защиту своего союзника.

Вариант Г. Американская гегемония над принятием решений Израилем: в ночь иранского ответа различные международные СМИ обнародовали разговор, который состоялся между Дж. Байденом и Б. Нетаньяху. Наиболее заметной позицией, которая имела место во время этого разговора, была позиция американского президента, просившего Нетаньяху воздержаться от ответа, чтобы не допустить эскалации и перехода к региональной войне. В течение нескольких месяцев американцы пытались успокоить ситуацию и не допустить перерастания ситуации в региональную войну, и день за днём между Нетаньяху и американской администрацией появлялись разногласия по поводу ведения войны. Но эскалация конфликта с Ираном вывела вектор конфронтации в регионе на уровень большой войны. Американская администрация, в соответствии со стремлением предотвра-

щения крупной конфронтации в регионе накануне американских президентских выборов и, исходя из накопления проблем между ней и правительством Нетаньяху, не даёт последнему предпринять стратегические шаги. Но США могли бы, в силу имеющегося влияния, навязать Израилю решение прекратить военные действия. Однако такой политической воли Соединённые Штаты не проявляют.

Сценарий 5: Масштабы войны расширятся

Эскалация в регионе и возможность движения к всеобъемлющей и региональной войне присутствовали с первого дня войны. Но с появлением фактора взаимного реагирования между Израилем и Ираном вероятность такого сценария возросла. Учитывая потребность Израиля в американской поддержке, масштабирование может быть огромным. Совокупность факторов ставит регион в исключительную и критическую ситуацию, очень близкую к взрыву, который приведёт к региональной войне, исход которой неизвестен.

В. Купилик

ЗА МИР НАДО БОРЬТЬСЯ

Я родился и вырос в Чехословакии в 70-х – 80-х гг. прошлого века. Я помню, как меня учили, что мы живём в мире, потому что:

- а) были освобождены в 1945 г. Советским Союзом;
- б) нашу страну защищает наша армия;
- в) наша страна живет в дружбе, братстве и сотрудничестве с другими странами Восточного блока.

Благодаря тому, что страны Восточного блока объединились, были сильными и являлись противовесом Западу, это действительно обеспечивало мир в Европе [36].

Но затем наступил 1989 г., а вместе с ним произошли и политические изменения в Восточном блоке. Сплочённость Восточного блока была разрушена. Как

следствие, разрушен и баланс в Европе [16]. В некоторых восточноевропейских странах началось разрушение и разделение. Чехословакия раскололась на Чехию и Словакию. В некоторые части Европы вернулась война.

С политическими изменениями в Чехии изменилась и её политическая ориентация. Политики начали говорить чешскому народу, что мы принадлежим Западу. В Чехии больше не было разговоров о мире на политическом уровне. Само слово «мир» исчезло из политического языка. На смену концепции борьбы за мир пришла другая концепция. Политики вдруг начали говорить, что мы должны поддержать эту войну, что мы должны послать на неё наших профессиональных солдат, поддержать Запад и его войны. Они втянули Чехию в НАТО¹, так что у нас не было другого выхода, кроме как согласиться на их войны, поддержать их и участвовать в них. В настоящее время дело дошло до того, что начинают говорить, что надо готовиться к тому, что мы все пойдём на войну. Но мы не хотим участвовать в зарубежных войнах. Больше всего говорят о войнах и посылают на войну людей те, кому туда идти не обязательно.

Одно из моих любимых занятий – путешествия. Всякий раз, когда я путешествую и встречаю людей из других стран и других культур, мне нравится говорить с ними об их жизни, их культуре и их стране. Поговорив со многими людьми со всего мира, я понял, что не имеет значения, откуда люди, какой расы или вероисповедания, все они хотят одного и того же: получить образование, найти хорошую работу, весело провести время с друзьями, найти партнёра, построить дом, создать семью, вырастить детей. Но всё это возможно только при наличии мира.

¹ NATO | Ministry of Defence & Armed Forces of the Czech Republic [Электронный ресурс]. URL: <https://www.army.cz/scripts/detail.php?id=8504> (дата обращения: 24.08.2024).

Чтобы манипулировать простыми людьми, чешские политики используют ложь и создают страх. Они делают всё это против интересов своей страны и в интересах иностранной державы, державы, которая устраивает войны и использует их для продвижения своих собственных интересов. Люди слышат бесконечное количество лжи, искажённых фактов и полуправды из СМИ. Политики искажают нашу историю. Один пример для всех. Европейский парламент сравнительно недавно согласился заявить, что Германия и Советский Союз несут равную ответственность за Вторую мировую войну [41]. Благодаря некоммерческим организациям, спонсируемым из-за границы, школьные программы изменяются, и нашим детям преподают ложное, извращённое прошлое.

Тот, кто хочет войны, должен иметь и врага. И поэтому нам начали врать, что наша братская страна, Россия, вдруг стала нашим врагом, и нам нужно бороться с ней. Нам постоянно лгут по этому поводу и совершают против России различные провокации, основанные только на лжи. Распространяется ложь, что Россия хочет вторгнуться в Европу, оккупировать и поработить её. Иногда политикам даже не приходится лгать, они просто не говорят правду. Как, например, о том, что Россия даже не может отобрать у нас нашу страну. Наша страна больше не принадлежит нам. Она была украдена у нас после 1989 г. и оккупирована западными корпорациями, которые владеют и контролируют большую часть нашей национальной экономики.

Ложь они поддерживают страхом. Речь идёт не только о создании страха перед Россией, речь главным образом о создании страха говорить правду. К сожалению, часть нашей страны верит и поддерживает эту ложь, а также воспринимает призывы к войне. Но большинство населения испытывают страх перед наказанием за то, что они скажут правду. Небольшая часть людей не боится гово-

речь правду, поэтому на них нападают при помощи клеветы, обструкции, запугивания, существует цензура, даже альтернативных СМИ, есть притеснения со стороны полиции и суда. Полиция может позвонить в дверь любому человеку из-за его попытки сказать правду в социальных сетях. Людей приглашают в полицию для дачи объяснений, а в некоторых случаях они оказываются даже в суде.

На людей, не боящихся говорить правду, навешивают искусственно созданные ярлыки, призванные создать негативное и уничижительное впечатление о данном человеке или группе. Достаточно, если человек выразит любовь к своей нации и выступит в защиту от западных идеологий, и его тут же назовут «пророссийским путинским агентом, проплаченным Кремлём» [14]. Интересно, что часто об этом говорят и пишут предатели, которым платят западные некоммерческие организации. Они даже создали новое слово для людей, которые не боятся выступать против войн и против риторики «возможной войны с Россией». Это слово призвано создать постыдный и насмешливый образ данного человека. Это слово «чимир». Я бы перевёл это на английский как «*peacewanter*» (тот, кто хочет мира).

Если мы хотим жить в мире и безопасности, мы должны говорить правду. Мы должны стремиться сохранить и обезопасить наши государства, наши страны, наши народы. Мы должны сохранить нашу истинную историю, чтобы извлечь из неё уроки, а также найти в ней силу наших предков, которая даст нам силы для будущего. Люди и народы всего мира должны встречаться, разговаривать, чтобы узнать друг друга и понять, что большинство не хочет войны, что подавляющее большинство людей хочет мира. Мировое большинство должно держаться вместе и противостоять меньшинству, которое жаждет войны.

К сожалению, мы живем в то время, когда мир не является данностью. Вот почему мы должны беречь мир, стремиться

к нему и бороться за него. Те, кто хочет будущего понимают, что за мир нужно бороться.

Витова В.

УНИЧТОЖЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ НАРОДОВ ЕВРОПЫ

В 2024 г. Европарламент одобрил Миграционный пакт¹, включающий механизм обязательного перераспределения так называемых беженцев по отдельным странам ЕС. Процесс Великого замещения – то есть замены коренного населения Европы другими этническими сообществами – действительно начался. Ввоз мигрантов в Европу призван вызвать напряжённость и гражданские волнения в обществе. Речь идёт о запланированном распаде Европы [23; 45].

ЕС уже давно стремится создать механизм обязательного перераспределения мигрантов в Европе. Спустя 10 лет с начала реализации этого замысла сделать задумываемое удалось.

Утверждённый пакт устанавливает механизм ежегодных квот для каждой страны. ЕС сам организует, логистически обеспечивает и финансирует ввоз так называемых беженцев в Европу. Речь фактически идёт о ликвидации цивилизации в Европе под предлогом «помощи» мигрантам из стран Африки и Ближнего Востока.

Этот пакт даёт огромное оружие в руки крупных европейских государств, поддерживающих миграцию, против Чехии, Венгрии, Словакии и других государств, скептически относящихся к миграции. Крупные государства ЕС вынуждают малые государства принимать мигрантов. Результатом соответствующей деятельности ЕС является оружие

¹ Pact on Migration and Asylum – European Commission [Электронный ресурс]. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/policies/migration-and-asylum/pact-migration-and-asylum_en (дата обращения: 24.08.2024).

массового уничтожения национальных государств Европы.

Членство в ЕС вынуждает государства идти по пути, который сами жители пока отвергают. Однако в СМИ представлена лишь ложная информация, что усиливает настроения населения относительно того, что быть частью ЕС – это большая победа. Критические материалы не доходят до средств массовой информации, а их авторы подвергаются критике и наказанию. Сторонники глобализации пытаются убедить всех отказаться от своих традиций и корней, утверждая, что этот процесс является прогрессивным и гуманитарным актом, а любое сопротивление объявляется «расизмом», который криминализируется.

Во время голосования по миграционному пакту чешские депутаты были против его принятия, но мы проиграли. Эта потеря является результатом членства Чехии в ЕС, где решающим является результат большинства в парламенте Евросоюза.

Единственный способ спасти нас – это выйти из ЕС. Однако подобные мнения вообще не доходят до СМИ. Они запрещены [22].

Между тем ежегодно добавляются сотни тысяч новых избирателей, которых уже учат в школах соглашаться с миграционной политикой ЕС и разрушением собственной страны. В обществе СМИ уже много лет культивируют такое мнение:

Старики (обладающие здравым смыслом) представляются СМИ и культурным фронтом смешными, раздражающими и глупыми, являющимися не чем иным, как неприятностью. Новое и лучшее будущее нашей страны СМИ преподносят только через молодых (в подавляющем большинстве необразованных) людей, так называемых „COOL“! Планируется и осуществляется великий раскол поколений.

Мы являемся свидетелями трансформации Европы в категорию третьего мира. «Новое гражданство» насильно навязывается населению путём мультикуль-

турализма, посредством плановой иммиграции с целью замены первоначальной европейской идентичности [32; 39].

Вопрос в том, хочет ли ЕС изгнать африканцев из Африки, или политики планируют создать новую Газу? Миллионы африканцев были обмануты с помощью социальных сетей и пропаганды ЕС и подкуплены некоммерческими организациями, чтобы они поехали в Европу. Они думали, что в Европе «жареные голуби падают прямо в рот», но на практике оказалось, что это не так. Однако для них было уже слишком поздно.

ЕС недооценивает Африку так же, как недооценил Россию. В Евросоюзе живут иллюзией, что у них все под контролем. Но Африка уже не та, какой её знал Билл Гейтс, когда импортировал туда вакцины, вызвавшие вспышки эпидемий¹.

При этом миграционный пакт ЕС таит в себе огромную опасность. Любые преступники и террористы, собранные по всему миру, вероятно, будут отправлены в Европу. Речь идёт и о внедрении в Европу Исламского государства (запрещённой в России организации) [33; 42].

Как предотвратить разрушение европейских государств?

Под давлением дезинформации и средств массовой информации европейцы были вынуждены отрицать своё происхождение и этническую идентичность. Весь план реализуется для того, чтобы элит ЕС были слепые и покладистые потребители. Поэтому в настоящее время абсолютно необходимо активно реагировать на ложь, порождаемую этой системой, контролируемой закулисами кланами, и пробудить дух восстания среди коренных европейцев.

Теперь всем необходимо осознать, что проект массовой иммиграции равносиль-

¹ ООН признала, что вакцина, финансируемая Гейтсом, вызвала вспышку полиомиелита в Африке [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/other/44788583-oon-priznala-chto-vaktsina-finansiruemaya-geytsom-vyzvala-vspyshku-poliomielita-v-afrike/> (дата обращения: 24.08.2024).

геноциду. Европейский Союз должен быть разрушен. Европа должна снова стать территорией национальных государств.

Зогранян Е. В.

ОБЪЕДИНЕНИЕ МИРОВОГО БОЛЬШИНСТВА

Сегодняшний мир может быть охарактеризован как турбулентный и меняющийся. Многие старые институты переживают кризис, причём как на региональном, так и на международном уровне. Зачастую структуры, которые были призваны защищать интересы граждан, не выполняют свои функции или выполняют их частично. В связи с этим возникает необходимость поиска новых инструментов защиты интересов обычных граждан по всему миру, т. к. зачастую санкции и незаконные односторонние аресты имущества наносят вред не только стране, против которой они принимаются, но и коренному населению тех стран, чьё правительство одобряет их, при этом такие шаги не выносятся на всеобщее обсуждение, а признаются меньшинством и в интересах меньшинства. Из этого следует, что в данных странах политические лидеры не учитывают мнение большинства, чьи интересы они обязаны защищать как с моральной, так и с юридической точки зрения [29; 31]. В связи с этим возникает вопрос, каким образом большинство может, соблюдая закон, защищать свои интересы?

Сегодня мы наблюдаем, как обычные граждане в различных странах начали выступать против такого порядка вещей, например, прошедший недавно ряд протестов аграриев в странах ЕС (Германии, Франции, Португалии, Нидерландах, Греции и др.). Эти события говорят о том, что люди готовы объединяться в общности для защиты своих интересов, не только экономических, но и социальных, культурных, религиозных и др.

Стоит отметить, что сама по себе ситуация, когда большинство угнетается

меньшинством не является чем-то новым ни с исторической точки зрения, ни с концептуальной, тогда чем сегодняшняя ситуация отличается от всего того, что было до? Ответом на этот вопрос может послужить фактор глубокой интеграции ИКТ в современное общество. Количество пользователей различных цифровых платформ в 2024 г. превысило 5.04 млрд, а общее число пользователей Интернета в январе достигло 5.35 млрд¹ человек. При этом среднестатистический пользователь проводит 2 ч 23 мин. в день на различных цифровых платформах.

Люди сегодня в значительной степени опираются на ИКТ, как для поиска информации и приятного времяпрепровождения, так и для коммуникации. Многие сферы повседневной жизни частично переносятся в цифровое социальное пространство. Широкою огласку вышеупомянутые протесты фермеров получили именно благодаря социальным сетям, таким как Instagram (запрещенной в РФ), TikTok, YouTube. На смену классических СМИ приходят так называемые «альтернативные СМИ», растёт скорость распространения информации, а с ней растёт и скорость коммуникации и обратной реакции пользователей на ту информацию, которую они получают.

Можно задать вопрос, какое отношение данный факт имеет к защите интересов обычных граждан и мирового большинства? Большинство современных цифровых платформ позволяют пользователям объединяться в сетевые общности, при этом зачастую такое объединение происходит на основе определённых идей, идентичностей, интересов или целей. Если мы рассмотрим цифровую платформу Telegram, то мы увидим, что институционально она наилучшим образом подходит для объединения как малых групп людей в сетевые общности,

¹ Digital 2024 Global Overview Report [Электронный ресурс]. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report> (дата обращения: 24.08.2024).

так и больших, численность которых может превышать 8 млн, как, например, у новостного канала «Топор 18+». Помимо этого, стоит отметить, что создание сетевых общностей на основе данной цифровой платформы успешно использовались в политических целях: в 2020 г. после выборов президента Республики Беларусь, в 2022 г. после начала СВО, в 2024 г. после оглашения результатов выборов президента Российской Федерации. Какой вывод из этого мы можем сделать?

Наиболее очевидным выводом является возникновение нового инструмента политического и социального воздействия, как на общество, так и на политические и социальные процессы. Мы можем видеть, что присутствующие на этой конференции представители политических партий Чехии («Альянс национальных сил»¹) и Финляндии («Власть принадлежит народу»²), уже используют сетевые политические общности в рамках цифровой платформы Telegram для того, чтобы вести прямой диалог со своими сторонниками, с людьми, представляющими мировое большинство в их странах, с людьми, которые сплотились на основе общих идей, целей и общей идентичности.

При этом стоит сказать, что за такой коммуникацией будущее, именно так можно вести диалог с теми, кто угнетает и кто не верит в то, что ситуация может измениться в лучшую сторону. Проблема мирового большинства заключается в том, что обычные люди не верят в то, что можно что-то изменить, что можно высказывать свою точку зрения и не бояться, что тебя признают «агентом Кремля» только потому, что ты не хочешь отдавать

свои налоги в НАТО или покупать оружие для Украины [34].

Сегодня мировое большинство имеет возможность осуществления прямой демократии, ведь отказ любым правительством учитывать мнение значительной части общества по своей сути является нелегитимным и дискредитирует то правительство, которое не будет следовать воле народа. При этом мы говорим о настоящей воле народа, а не о той видимости, которая создаётся во время цветных революций, когда активное меньшинство под молчаливое бездействие большинства легитимизирует то, что наносит вред стране и обществу. Поэтому можно утверждать, что будущее за использованием сетевых политических общностей как инструмента объединения представителей мирового большинства в интересах мирового большинства.

Камкин А. К.

ГЕНОЦИД РУССКОГО НАРОДА НА ВОСТОКЕ УКРАИНЫ – ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ

Когда 24 февраля 2022 г. началась Специальная военная операция России с целью защиты мирного населения ЛНР и ДНР и денацификации Украины, самым главным вопросом стал факт геноцида в отношении русского населения этих регионов со стороны киевского режима.

Геноцидом называл происходящее на Донбассе президент России В. В. Путин в ходе встречи с канцлером Германии О. Шольцем 15 февраля 2022 г.³ В ответ на такую постановку вопроса последний заявил, что это «смешно».

Так, председатель Совета безопасности России Николай Патрушев прямо заявил о целях СВО: «У специальной военной операции есть конкретные цели, от достижения которых зависит не просто

¹ Alliance of National Forces (Aliance národních sil) [Электронный ресурс]. URL: <https://aliancenarodnichsil.cz> (дата обращения: 24.08.2024).

² Power Belongs to the People (Valta kuuluu kansalle) [Электронный ресурс]. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.45ae5d77-66f69a86-3b4a875d-74722d776562/vkkpuolue.fi/ (дата обращения: 24.08.2024).

³ Пресс-конференция по итогам российско-германских переговоров // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67774> (дата обращения: 24.08.2024).

благополучие, а жизни миллионов людей, спасение населения ЛНР и ДНР от геноцида, который творился 8 лет украинскими неонацистами».

Разберёмся в юридических аспектах понятия «геноцид».

В Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятая резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций 9 декабря 1948 г.¹, под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

- а) убийство членов такой группы;
- б) причинение серьёзных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- в) преднамеренное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение её;
- г) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- д) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.

Поэтому геноцид – это не только массовые убийства (с а 2014 г. на территории ЛДНР, в Одессе и других городах совокупно было убито несколько тысяч мирных граждан именно по национальному признаку), но и создание таких условий, при которых будет возможна гибель даже части представителей определённой группы, или создание условий, препятствующих жизни её представителей. Поэтому элементами геноцида русского населения Донбасса можно считать и перекрытие подачи питьевой воды в 2014–2015 гг., гонения вплоть до убийств православных на территории, подконтрольной киевско-

му режиму (преследования религиозных групп также прописаны в Конвенции как элемент геноцида), убийство пророссийских активистов в Одессе в мае 2014 г., убийство пророссийского писателя и журналиста Олеся Бузины в Киеве 2015 г. (убийство представителей языковых групп по языковому признаку – также элемент геноцида согласно Конвенции) и пр.

Следует отметить, что начало геноциду русских на Украине было положено отнюдь не майданом 2013–2014 гг. Начало физическому геноциду русского населения на Донбассе послужила операция по отторжению от России Украины. Если в 1991 г. между русскими и украинцами была проведена государственная граница, впрочем, достаточно прозрачная, то в течение всех последующих лет пропаганда официального Киева старательно создавала отдельную украинскую нацию, которая ничем не должна быть похожа на великороссов. Бывший президент Украины Л. Кучма на одном из мероприятий, посвящённых Т. Шевченко, сказал примечательную фразу: «Украину мы создали, теперь осталось создать украинцев»². Это очень красноречивое высказывание, которое свидетельствует об искусственном разделении фактически одного народа на два не просто якобы различных, но и ещё антагонистически друг к другу настроенных. Это было теоретическим обоснованием геноцида, который готовили радикальные украинские нацисты под плотным кураторством западных спецслужб [4].

Распад СССР в 1991 г. был не просто крахом социалистической системы хозяйствования. Фактически была уничтожена Россия в границах исторической империи за исключением некоторых территорий. Исторически Россия была больше, чем просто механическое нагромождение географических областей и народов.

¹ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него // Президент России: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 24.05.2024).

² Кучма представил свою книгу «Украина – не Россия» // РИА: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20030903/428590.html> (дата обращения: 24.08.2024).

Так, русский мыслитель И. А. Ильин писал в своей поистине провидческой работе «Что сулит миру расчленение России»: «Россия есть не случайное нагромождение территорий и племён и не искусственно слаженный "механизм" "областей", но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся организм, не подлежащий произвольному расчленению. Этот организм есть географическое единство, ... этот организм есть духовное, языковое и культурное единство, исторически связавшее русский народ с его национально младшими братьями духовным взаимопониманием; он есть государственное и стратегическое единство, доказавшее миру свою волю и свою способность к самообороне; он есть сущий оплот европейско-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия» [17].

Как же создавали самостийные киевские власти украинцев, исполнителей геноцида? В 1959 г. президентом США Д. Эйзенхауэром был подписан документ, определивший на десятилетия взаимоотношения коллективного Запада с СССР (геополитически Россией). Он назывался «Закон о порабощённых нациях» (PL 8690)¹. По сути дела, он послужил становым хребтом не только антисоветской, но и антироссийской политики Запада (действие закона не отменено до сих пор). Его основная идея заключается в том, что СССР являлся по сути дела «тюрьмой народов», где тюремщиками были великороссы как главные носители большевизма. Задачей Запада авторы закона ставили освобождение порабощённых великороссами народов СССР и предоставление им независимости. Фактически закон предписывал расчленение СССР на пару десятков номинально независимых, но ориентированных на западные державы территорий.

Такая же концепция была прописана в знаменитом гитлеровском плане «Ост», принятом незадолго до начала плана «Барбаросса». В нём также шла речь о разделе СССР на генерал-губернаторства, вассальные территории и пр., о выделении окраинным народам Советского Союза определённых преимуществ по сравнению с великороссами. Именно в таком ключе проводилась политика нацистских оккупационных властей в годы оккупации. Из числа окраинных народов и самостийников формировались многочисленные карательные воинские подразделения, в частности, дивизия СС «Галичина», несколько прибалтийских дивизий Ваффен СС. Многие бойцы этих подразделений после войны сумели избежать правосудия и осели в Канаде, США, Западной Европе, составив костяк антисоветских и русофобских структур, которые мобилизовал «Закон о порабощённых нациях».

Ярким примером таких структур может служить «Антибольшевистский блок народов (АБН)», сформированный англо-американцами в Мюнхене вскоре после знаменитой Фултонской речи У. Черчилля. Он включал в себя различные антикоммунистические организации ряда государств Европы и Азии. Примечательно, что первым президентом АБН стал соратник и правая рука С. Бандеры Ярослав Стецько, руководитель гитлеровских коллаборационистов на Украине, уже тогда активно участвовавших в геноциде русских, белорусов, евреев на оккупированных Третьим Рейхом территориях. При этом он возглавлял эту структуру почти 40 лет до самой своей смерти в 1986 г. Более того, уже после провозглашения Украиной независимости в 1991 г. в Киеве чествовали вдову Стецько, Ярославу Стецько, на праздновании 50-летия «Акта провозглашения восстановления независимости Украины» (после немецкой оккупации летом 1941 г. – *авт.*). В 1998 г. Стецько даже избрали депутатом Верховной Рады [15].

¹ Public Law 86-90 [Электронный ресурс]. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.congress.gov/86/statute/STATUTE-73/STATUTE-73-Pg212.pdf (дата обращения: 24.08.2024).

Ярослава Стецько отнюдь не является исключением. Американский след в политической элите независимой Украины весьма разнообразен. Л. Добрянски в 1949 г. стал президентом Комитета украинского конгресса Америки (КУКА), который был основан в Вашингтоне ещё 24 мая 1940 г. в целях борьбы «за независимость украинской нации».

Например, ведущим советником государственного секретаря США Кондолизы Райс по проблемам постсоветского пространства была Пола Добрянски, дочь воинствующего русофоба Л. Добрянски, учредителя созданного в 1940 г. в США Комитета украинского конгресса Америки. Она сделала карьеру от сотрудника до директора отдела СССР и Восточной Европы Совета национальной безопасности в Белом доме. Другой пример – супруга будущего президента Украины В. Ющенко, Екатерина Чумаченко, возглавляла Национальное информационное бюро Украины, которое было учреждено в 1976 г. в США.

Идейные наследники Бандеры во многом определяли внутреннюю и внешнюю политику Украины и были главными идеологами очередного майдана зимой 2013–2014 гг. Именно это событие послужило точкой водораздела в отношениях России и Украины, когда западные партнёры, оказывая медийную, информационную и дипломатическую поддержку киевской хунте, довели отношения двух народов до полноценной войны между ними. Помимо этого, активисты радикальных украинских организаций ведут активную подрывную работу на территории самой России, вербуя активистов, готовя нацистское подполье для проведения терактов и пр. [24].

Население востока Украины и Крыма, не пожелав принимать идеологию и образ жизни новой Украины, предпочло связать свою судьбу с российским государством. Аналогию с событиями на Украине и в Югославии и опасности балканского сценария в случае дальнейшей дезинтеграции

российского государства признал и российский президент В. В. Путин в одном из своих интервью¹. Это особо актуально в свете вынашиваемых планов некоторых беглых российских оппозиционеров, ищущих поддержки на Западе, по дальнейшему расчленению российского государства, о чём в ноябре 2021 г. заявил один из спонсоров несистемной оппозиции в России М. Ходорковский, указавший на возможный отход от России целого ряда регионов Северного Кавказа, Поволжья и пр. Если эти планы будут реализованы, кровопролитные конфликты по линиям разлома единого государства более чем вероятны².

Поддержка Западом террористического киевского режима, финансовая помощь на многие миллиарды долларов, информационная поддержка режима П. Порошенко, а затем В. Зеленского, поставки самых различных вооружений для террористических атак по территории РФ – всё это делает лидеров стран Запада соучастниками геноцида, за который они должны понести ответственность.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что Украина занимала особое место, как в плане «Ост», так и в законе Д. Эйзенхауэра. Вообще отрыв Украины от единства с Россией считается крупнейшей геополитической победой противников России в XX в., а также наглядной иллюстрацией стратегии двойных стандартов и геополитической изоляции России в начале XXI в. Геноцид русского населения на востоке Украины, который отрицает как коллективный Запад, так и киевские нацисты и национальные предатели из числа беглых либералов, но неопровержимые свидетельства которого кропотливо собирают на территории освобожденных территорий, ждёт своего Нюрнбергского трибунала.

¹ Путин сравнил события в Югославии с Донбассом после 2014 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/putin-sravnil-sobytiya-v-yugoslavii-i-donbasse-posle-2014-goda-5940548> (дата обращения: 24.08.2024).

² Деколонизация: кто и как продвигает и готовит распад России: доклад. М.: ЭИСИ, 2023. 35 с.

Плугару А. Ф.

ДЕГРАДАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Есть проблемы, которые касаются и объединяют определённую территорию, страну, и это первичный уровень сообщества. Есть континенты и люди, населяющие их. Но есть планета, есть мировое большинство, и это высшая форма сообществ.

Что нас объединяет? Наверное, прежде всего, наши сердца, которые бьются одинаково! Независимо от цвета кожи, расы, религии.

Молдаване – мирные люди. И они были такими всегда. В те времена, когда предки нынешних «цивилизаторов» убивали, истребляли и грабили Африку, Азию и Америку, когда тысячи кораблей везли золото, серебро и рабов в Англию, Испанию и Португалию, мы мирно пасли овец и жили тихой христианской жизнью [38]. Мы не рождали ни Колумба, ни тамплиеров, ни других завоевателей – крестоносцев, не устраивали опиумных войн, не продавали заражённых оспой одеял! Мы в этом не участвовали! И мы не наследники убийц! [18].

Молдаване по объективным причинам не способны проглотить всё то, чем нас «кормят» современные демократизаторы. Примерно такое же прошлое имеют и остальные народы, составляющие сейчас мировое большинство.

Сегодня молдавский народ переживает, пожалуй, самый острый политический, экономический и моральный кризис за всю свою историю. Продолжается депопуляция нашей территории. Весьма вероятно, что они готовят её для других – прибывших из регионов, где много песка. Степень колонизации нашей некогда процветающей республики углубляется полным ходом.

В Молдавии уже несколько лет во власти находятся какие-то странные молодые люди – то ли неомарксисты, то ли необольшевики. Но, в отличие от боль-

шевиков, которые, несмотря на все свои недостатки, всё же работали на интересы своей нации, эта новая порода менеджеров, воспитанная Дж. Соросом, работает на кого угодно, но не на свою нацию.

Конституция Молдовы попирается, практически все права и свободы граждан грубо нарушаются. Самым высокочисленным образом нынешнее молдавское правительство полностью игнорирует важнейшее конституционное положение о нейтралитете Республики Молдова. Строго юридически говоря, сегодня Республикой Молдова управляет меньшинство, узурпировавшее всю власть.

На улицах молдавских городов всё чаще говорят по-английски. Солдаты НАТО ходят по территории Молдовы, как дома. Идёт тонко прикрытая подготовка к всеобщей мобилизации. Манёвры, совместные военные учения, авиация НАТО, секретные соглашения с Францией, Румынией и другими членами Североатлантического блока.

В очередной раз неблагодарные румынские «братья» предпринимают попытки ревизии прошлого. Заявляется о недовольстве итогами Второй мировой войны. А между тем, по её итогам за Румынией остались и Трансильвания, и западная Молдавия. Не лишне было бы им напомнить в этой связи «героический» совместный поход румынских войск с гитлеровцами на Сталинград [37].

Имеются все признаки подготовки к нападению на вооружённые силы РФ со стороны молдавско-украинской границы.

Естественно, люди в панике. Но самое страшное то, что в условиях массового обнищания и отсутствия наиболее (политически и экономически) активной его части в стране, молдавский народ сегодня не способен самостоятельно организовать даже самое элементарное протестное антивоенное движение. В то же время президент Майя Санду во главе своей партии новообразованных воинов продолжает с возрастающей энергией пугать народ тем, что Российская Федера-

ция вот-вот нападёт, а, значит, нужно защищаться. И вот в этих «превентивных» целях Молдавию принуждают вступить в войну на стороне Украины... против России. Мало того что в этой войне уже погибло несколько сотен тысяч украинцев, надо добавить к ним десятки тысяч молдаван.

В этой ситуации вся надежда молдаван возлагается на Россию и лично президента Российской Федерации.

Молдавский народ и Майя Санду – это далеко не одно и то же. Эта выпускница Гарвардского института государственного управления им. Джона Ф. Кеннеди не представляет молдавскую нацию. Более 80% граждан Молдовы в той или иной степени выступают против Майи Санду и её «партии». Многие из тех, кто голосовал за нее 4 года назад, голосовали за избрание от И. Додона [25].

Конечно, нынешняя система наднациональных, международных организаций, призванных обеспечивать мир и общую безопасность, во многом устарела и отошла от выполнения первоначально утверждённых задач. Сегодня эта система просто неадекватна и нуждается в срочном изменении.

Международное право перестало действовать (по крайней мере, на несколько десятилетий). Сила Права долгое время не давала о себе знать. Вместо этого процветает Право Силы.

Наиболее важные положения Конвенции о предупреждении преступлений геноцида и наказании за них были полностью проигнорированы практически всеми подписавшими сторонами¹. Государства, подписавшие эту конвенцию «на удивление дружно», даже не заметили очевидного геноцида русских на Украине: одесские события в мае 2014 г.,

отключение Крыма от системы водоснабжения и пресловутая так называемая АТО – открытое истребление киевской хунтой значительной части собственного народа. Геноцид осуществлялся просто потому, что люди требовали уважения своих прав на родной язык, на участие в управлении государством, не были согласны с внешнеполитическим вектором центральной власти [48].

Прошёл мимо внимания мирового сообщества и явно геноцидный характер экономических и других санкций, применяемых объединённым Западом против российского народа, против всех народов Российской Федерации. Предлагаю назвать это позорное явление «санкционным геноцидом».

Абсолютно неэффективная организация ООН не заметила постепенного превращения отдельных, эпизодических, региональных этнических чисток в настоящий геноцид (или даже прямо – «демоцид»). А массовое возникновение гомосексуальных отклонений, педофилии, зоофилии и других отвратительных практик – разве это не массовая дискриминация миллиардов верующих на планете? Для обеспечения торжества ценностей мирового большинства нам предстоит много работы.

Степанян А. О.

ОСНОВНЫЕ ВЫЗОВЫ МИРОВОМУ БОЛЬШИНСТВУ И МЕТОДЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

По воле судьбы нам выпала доля жить в эпоху перемен. Мы стали свидетелями развала биполярного мирового порядка и попытки построения монополярного миропорядка во главе с США. В итоге мы получили мировой беспорядок, где англосаксонский мир решил использовать своё военно-политическое превосходство, а также глобальные информационные коммуникации для достижения мирового господства, одновременно нарушая и игнорируя международное

¹ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml; Gellately R., Kiernan B. The Specter of Genocide: Mass Murder in Historical Perspective. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003. 385 p.

право и гуманитарные ценности, применяя политику двойных стандартов [1]. В нарушении международного права и в обход СБ ООН, США и НАТО вторгались в суверенные государства или наносили ракетно-бомбовые удары, совершали перевороты и цветные революции в странах Ближнего Востока, Южного Кавказа, Центральной Азии и Латинской Америки [43]. Народы этих регионов становились жертвами политики гибридных и преэмптивных войн США и НАТО. Со времён Римской империи в истории человечества сегодня впервые ставится под сомнение авторитет западной цивилизации в целом. Фанатичное стремление англо-протестантской элиты к тотальному мировому господству растоптало международное право, уничтожило авторитет международных организаций – ООН, МОК, ВАДА, ВОЗ, МАГАТЭ и т. п. Сегодня англо-саксонский мир от страха утраты своего доминирования в мире спровоцировал мировую войну. Без преувеличения можно сказать, что сегодня идёт мировая гибридная война, цель этой войны: сокрушить своего геополитического противника путём сужения его геополитического пространства. Западные аналитики делают неутешительные прогнозы, а именно говорят о том, что ошибочные расчёты Запада могут привести к ядерной войне в Европе.

Соединённые Штаты осознают, что они сегодня не являются супердержавой номер один и поэтому готовы взорвать мир, чтобы не уступить свою гегемонию. Симптомы уходящей супердержавы у США: отказ от человеческих ценностей, подавление свободы слова, права человека, неадекватный президент, неразрешимые противоречия элит, культурный раскол в обществе и т. д. Все эти признаки показывают, что страна готова к распаду. Однако это не значит, что мощь Америки куда-то исчезнет. Англо-протестантская элита всё равно будет доминировать в западной цивилизации. Они никогда не откажутся от идеи мирового господства,

т. к. для достижения этой цели всегда стояли следующие задачи:

- создать хаос, гуманитарный кризис и локальные войны в Центральной Азии и Юго-восточной Азии и Европе;

- создать конфликты на Ближнем Востоке и Южном Кавказе

- дестабилизировать Латинскую Америку в целом и Бразилию в частности [20].

В целом Запад бросил вызов мировому большинству, а точнее БРИКС. Против каждого члена БРИКС разработана стратегия сдерживания. Например, для сдерживания России Украину превратили в анти-Россию, устроили геноцид русских на Донбассе, столкнули Украину с Россией, теперь планируется сталкивать Европу с Россией. Для сдерживания Китая Тайвань превратили в анти-Китай. Англо-протестантский священный союз в лице АУКУС (акроним, образованный по названиям сообщества участников – *Australia, United Kingdom, United States*) продолжает затягивать петлю анаконды вокруг Китая. Активно вовлекают в эту стратегию Японию, Тайвань, Южную Корею и страны Центральной Азии [26]. Для сдерживания Ирана Израиль спровоцировал войну на Ближнем Востоке, а также на Южном Кавказе, а Азербайджан превратился в антииранский плацдарм для Израиля. Будут попытки провоцирование военного конфликта между Индией и Китаем, а также Индией и Пакистаном. Аргентина будет постепенно превращаться в антибразильский плацдарм для НАТО, потому что Аргентина хочет стать глобальным партнером НАТО и направила Североатлантическому альянсу соответствующий запрос. Честно говоря, НАТО – это террористическая организация, за которой тянется шлейф военных преступлений.

Казалось бы, после принятой конвенции ООН по предупреждению геноцида подобные преступления невозможны. Но, увы, мы стали свидетелями геноцида русского населения на Украине, палестинцев на своей земле и этнических чи-

сток в Нагорно-Карабахской Республике. Казалось бы, эти 3 события не связаны друг с другом, но более детальный анализ показывает, что эти преступления совершались под единым замыслом. Они имеют глубокие общие корни.

После вооружённого захвата власти на Украине в феврале 2014 г. нацистами, русофобия стала государственной политикой Киева. 7 апреля 2014 г. и. о. президента Украины А. В. Турчинов в своём телеобращении объявил о начале анти-террористической операции против Донбасса. С этого дня 8 лет продолжалась русская Голгофа. На все обращения России к Западному сообществу с просьбой остановить нацистский произвол в отношении русских на Украине у них был один ответ – на Украине нацизма нет, потому что президентом этой страны является этнический еврей. А раз еврей, то там нацизма не может быть в принципе.

Неужели еврейское происхождение освобождает от обвинения в нацизме или в других военных преступлениях? Я считаю, что такой подход не допустим, когда за совершённые преступления даётся индульгенция исключительно по этническому признаку. Сегодня мы наблюдаем преступления, которые совершает режим Б. Нетаньяху в Палестине. Неужели для премьер-министра Израиля Нетаньяху есть оправдания за геноцид палестинцев в секторе Газа только потому, что он еврей? Такому преступлению нет оправданий и срока давности. Он настолько чувствует свою безнаказанность, что наносит ракетный удар по зданию консульства Ирана в Сирии! Это грубое нарушение международного права!

Постпред РФ в ООН В. Небензя 2 апреля призвал Совет Безопасности ООН безоговорочно осудить безрассудные действия Израиля, нарушающие суверенитет Сирии и неприкосновенность дипломатической собственности. После бездействия Совета Безопасности ООН ответ Ирана не заставил себя долго ждать. Должен отметить, что действия

Тегерана были легитимными, справедливыми, жёсткими, благородными и ювелирными. Нетаньяху обратился к западным странам с просьбой считать КСИР террористической организацией из-за удара по Израилю, хотя сам Тель-Авив систематически наносит удары по суверенным территориям Сирии и Ливана. Я надеюсь, что этот человек понесёт ответственность за свои злодеяния.

После ударов по Израилю Иран стал региональной державой, и теперь США и НАТО должны будут с этим считаться. Хочу процитировать президента России В. В. Путина, который в телефонном разговоре с президентом Ирана Э. Раиси сказал: «ИРИ является одним из главных столпов стабильности и безопасности в регионе»¹.

Необходимо также коснуться вопроса биологической безопасности. Практика с COVID-19 показала, что не далёк тот час, когда нам подбросят новый вирус, например, вирус-Х, и объявят новую пандемию. Таковы требования крупных ТНК, которые очень «озабочены» ростом населения мирового большинства. В пользу политики крупных ТНК активную, но отрицательную роль играет Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). Они через свои структуры внедряют государственные институты и вмешиваются во внутренние дела стран. Специалисты нашей Академии следят за деятельностью ВОЗ. Разоблачают заказные лженаучные проекты крупных ТНК. Находиться в этой организации, значит, подвергать риску здоровье собственного населения. Необходимо создать новую аналогичную организацию, но подотчётному мировому большинству.

Полным ходом работают биологические лаборатории Пентагона, разбросанные по всему миру. Они являются инструментом в руках США в гибридной войне против ми-

¹ Телефонный разговор с Президентом Ирана Эбрахимом Раиси [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72346> (дата обращения: 24.05.2024).

рового большинства. Эти лаборатории не только для изучения вирусов, но и для их распространения и торговли человеческими органами. До сих пор Украина остаётся главным экспортёром человеческих органов¹.

Есть ещё один инструмент гибридной войны – это санкции. Запад принимает односторонние санкции против неудобных ему стран, арестовывает их счета, незаконно конфискует их имущество и частную собственность, притом без суда и следствия и по политическим мотивам.

Поражает лицемерие Международного олимпийского комитета (МОК) и его политика двойных стандартов, которые давно превратили спорт в политический инструмент в руках США². Против российских и белорусских спортсменов принимаются санкции за политику их стран, но закрывают глаза перед политикой геноцида и этнических чисток Украины, Азербайджана и Израиля. Одной из причин такого поведения международных организаций является тот факт, что их штаб-квартиры находятся в Западной Европе и США. Для сохранения нейтральности и независимости этих организаций необходимо перевести их штаб-квартиры в Евроазиатский и Африканский континент.

Есть ещё один инструмент гибридной войны в руках англосаксов – это миграционные потоки. Сначала они разрушают страну, например, Афганистан, Ирак, Ливию, Сирию и т. д. а потом заставляют пассионарную и прогрессивную часть населения покинуть свою родину и искать убежище в развитых странах Европы и Северной Америки. Этим они решают 2 задачи:

¹ Ирина Яровая представила доклад о результатах деятельности Парламентской комиссии по расследованию деятельности лабораторий США на Украине [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/56838/> (дата обращения: 24.05.2024).

² Глава МОК Бах признал влияние политики на деятельность организации [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1673768/2024-03-29/glava-mok-bakh-priznal-vliianie-politiki-na-deiatelnost-organi-zatsii> (дата обращения: 24.05.2024).

1. разрушение инфраструктуры государства и остановка развития страны, поскольку активные и просвещённые люди покидают её пределы;

2. уничтожение идентичности европейских народов и создание в Европе базы для межэтнических и межконфессиональных конфликтов.

Есть ещё одна сфера, которая должна нас беспокоить – это космос. Человек развивал свой разум для выживания, но иногда на досуге, глядя на звезды, мечтал о космосе. Это мечту советский народ реализовал в XX в., и с тех пор идёт борьба между великими державами за космос. Казалось бы, Вселенная всех может приютить, и человеческий интеллект будет служить освоению космоса для мирных целей. Но алчная мораль англосаксов не позволяет использовать интеллект человека для гармоничного освоения космоса.

США активно спекулирует на теме космоса и космических программах, придумывают разные отвлекающие темы про НЛО, пришельцев и угрозы, исходящие из космоса. Но они это делают лишь с одной целью – захватить почву, расширить своё влияние на всей нашей планете.

Я перечислил действующие вызовы мировому большинству, теперь хочу обозначить, что уже сделано для преодоления этих вызовов и что предстоит сделать.

Первый шаг мирового большинства был сделан в 2001 г. созданием Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Россия, Китай, Казахстан, Таджикистан, Киргизия и Узбекистан очертили контуры нового региона. В дальнейшем организация превратилась в огромный континент с традиционными ценностями.

Второй шаг мирового большинства – это создания БРИКС как союз или солидарность незападных, кроме Японии, цивилизаций. БРИКС очертил контуры будущего мироустройства – справедливого, равноправного и безопасного. Тройгольник Россия–Иран–Китай становится

стержнем стабильности и безопасности Евро-Азиатского континента [28; 29].

ШОС и БРИКС медленно и осторожно расширяют свои ряды. Почему так? Потому что англо-протестантская элита периодически пытается в странах – членах БРИКС и ШОС совершать перевороты или привести к власти человека противника этих организаций. Так они поступили с Аргентиной – кандидатом в БРИКС. Да, ни одна страна не застрахована от цветных революций и переворотов. Поэтому нужно задействовать народы мирового большинства, которые могут стать опорой и двигателем для своих стран. Могут выступить с инициативами перед своим правительством. Какие могут быть инициативы? Например, если ООН не выполняет свои функции или по каким-то причинам утратила свой авторитет, то нужно создать новую организацию – Организацию объединённых народов мирового большинства. Если МОК шантажирует страны и спортсменов – нужно создать новый Олимпийский комитет международного большинства. И так поступить со всеми международными организациями, которые превратились в инструменты шантажа в руках США и их союзников. ООН МБ может стать ускорителями этих процессов.

Название Круглого стола явно намекает на то, что есть проблема со справедливостью, равноправием и безопасностью для стран мирового большинства. И главный вопрос, который возникает, а одинаково ли мы и англосаксы воспринимаем категории «справедливость», «равноправие» и «безопасность»? Конечно, нет! Здесь конфликт идентичностей. Суть западной цивилизации – агрессия и экспансия [10]. Поэтому справедливо для грабителя то, что помогает или позволяет ему грабить других.

Равенство США не признают, ибо они «исключительная нация» и «безопасность должна быть только для тех, кто живет в райском саду». А мы, по мнению Дж. Барреля, живём в джунглях. А кто

мы? Мы, народы мирового большинства, являемся созидателями и тружениками. Интересы созидателя, труженика и грабителя, паразита-ростовщика не совпадают. И лишь только сильное мировое большинство может сохранить баланс сил и не допустить эксплуатацию и грабёж народов мира.

Миссия мирового большинства заключается не только в защите прав угнетённых народов, но и прав адекватного человека, который признаёт свою человеческую идентичность без всяких гендерных многообразий. На Западе сегодня такой человек угнетается. Мы должны сохранить и культивировать в человеке человечность, сделать человечество человечным. Таким образом, мы ограничим на земле зло и дадим шанс человеческому разуму развиваться не только для обеспечения своей безопасности, но и для мирного освоения космоса.

Фероз Митиборвала

ОСТАНОВИТЕ ИЗРАИЛЬСКИЙ ГЕНОЦИД ПАЛЕСТИНСКОЙ НАЦИИ!

Мы, народы мира, совершенно потрясены развращённостью и варварством израильского преступного режима. Война и геноцид, развязанные израильскими силами в Газе и остальной части оккупированной Палестины, унесла жизни более 33 000 ни в чём не повинных мирных жителей, из которых 13 000 – дети, более 75 000 получили тяжёлые ранения, а тысячи всё ещё находятся под руинами. Женщины и дети составляют 70% жертв, всё население подвергается голоду и убийствам, и это является ещё одним свидетельством антигуманной и преступной политики режима Б. Нетаньяху.

Израиль практически сравнял с землей всю Газу с применением бомб, количество которых в 2 раза превышает сброшенные США на Хиросиму и Нагасаки. Израиль систематически бомбил жилые дома, больницы, школы, медицинские центры, водоочистные сооружения, электростанции.

тростанции, дороги, разрушая тем самым всю гражданскую инфраструктуру. Они систематически убивали журналистов, врачей, учителей, работников здравоохранения, уничтожая целый пласт палестинского общества.

Это геноцид и новый Холокост, и об этом необходимо прямо заявить.

Программа израильских действий – это тотальная этническая чистка палестинского населения. Примечательно, что, несмотря на все трудности, палестинское сопротивление продолжает бороться, а израильское политическое и военное руководство терпит поражение.

Радикальное руководство Израиля также угрожает всему населению ужасными последствиями, если они не уедут и не найдут убежища в Синайской пустыне в Египте. Палестинцы знают, что как только они покинут свою землю, им никогда не будет разрешено вернуться на родину, и они будут низведены до статуса беженцев [19].

Это явное военное преступление по международному праву. В Конвенции 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказании за него говорится: «Ст. II: В настоящей Конвенции геноцид означает любое из следующих действий, совершённых с намерением уничтожить, полностью или частично, национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую: а) убийство членов группы; б) причинение тяжкого телесного или психического вреда членам группы; в) умышленное создание группе условий жизни, рассчитанных на полное или частичное её физическое уничтожение; д) введение мер, направленных на предотвращение рождаемости внутри группы; е) принудительный перевод детей из группы в другую групп»¹. Очевидно, что Израиль виновен во всём вышеперечисленном.

¹ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 24.05.2024).

На повестке дня стоит этническая чистка всего палестинского населения на оккупированных территориях Газы, Западного берега р. Иордан и Восточного Иерусалима. Это продолжение «Накбы» 1948 г., «катастрофы», постигшей палестинский народ, когда Израиль провёл этническую чистку 750 000 палестинцев, составляющих половину населения, и превратил их в беженцев. Израиль – порождение британского и американского империализма – был навязан исторической Палестине как колониальное государство апартеида, построенное на идеологии сионизма, расового превосходства и этнических чисток. Его идеология основана на предполагаемой концепции избранного народа, крайне исключительной системе убеждений, которой другие нации должны будут подчиняться. Весь этнорелигиозный радикальный экстремистский и насильственный характер сегодня стал виден всему миру.

Первопричиной нынешней фазы насилия является непрерывная серия геноцидных войн на протяжении 107 лет с тех пор, как британцы в 1917 г. опубликовали Декларацию Бальфура² и решили отдать Палестину для создания еврейского государства за счёт коренных жителей этой земли. Таким образом, первопричиной является «оккупация Палестины», которую необходимо рассмотреть и решить на основе всех резолюций ООН 181(11) (1947), 242(1967) и 338(1973) и др., а также соответствующих положений международного права³.

Газа, которая находится в самом эпицентре этого кризиса, продолжает оставаться тюрьмой под открытым небом и концентрационным лагерем. Ежедневная резня, которой подвергаются палестинцы, разрушение их ферм и домов, расту-

² More than a century on: The Balfour Declaration explained. URL: <https://www.aljazeera.com/features/2018/11/2/more-than-a-century-on-the-balfour-declaration-explained> (дата обращения: 24.05.2024).

³ Вопрос о Палестине и Организация Объединённых Наций. Организация Объединённых Наций, Нью-Йорк, 2008 год. 130 с.

щие еврейские поселения, отбирающие их землю, полный контроль над их водой, контрольно-пропускные пункты, стена апартеида по всему Западному берегу, осада и бесчеловечная блокада сектора Газа, регулярные убийства и жестокое обращение с палестинским гражданским населением, долгая история жестоких израильских провокаций – всё это не могло не вызвать ответных действий.

Конечно, война – это не решение проблем. Международное сообщество должно немедленно вмешаться и призвать к прекращению огня, гуманитарному коридору для обеспечения безопасности населения Газы, немедленному восстановлению всех предметов первой необходимости, продуктов питания, воды и электроэнергии. И на это, к сожалению, США неоднократно накладывали вето в СБ ООН. Одной из причин радикальных действий Израиля является политическая защита вето США, слепая поддержка контролируемых израильским лобби западных СМИ и ежегодная сумма в 3,3 млрд долларов, которую руководство США предоставляет Израилю. Таким образом, США, Германия, Великобритания, Франция и другие западные страны явно несут ответственность за военные преступления Израиля [44].

В контексте Индии и нашей богатой антиколониальной истории было шокирующим увидеть прямую поддержку, которую премьер-министр Н. Моди предложил Израилю. Эта позиция одновременно антиисторична и предаёт идеалы и принципы нашей борьбы за свободу. Мы продолжали поддерживать все антиколониальные движения за свободу, но поддержка израильского колониального государства явно противоречит этим принципам. Позже Министерство иностранных дел исправило грубую ошибку и выступило с заявлением в пользу решения о создании 2 государств, основанного на резолюциях ООН и международном консенсусе.

Следуя духу мирового сообщества, мы требуем следующего:

1. немедленного прекращения огня, прекращения геноцидной войны в секторе Газа;

2. вывод всех израильских войск из сектора Газа;

3. прекращение израильской блокады Газы, где проживают 2,3 млн человек;

4. обеспечение гуманитарной помощи, продовольствием, водой, медикаментами, электричеством и восстановление гражданской инфраструктуры;

5. освобождение всех палестинских политических заключённых в израильских тюрьмах, все 10 000, в обмен на израильских заключённых (в действительности, все из более чем 7 млн палестинцев, живущих в условиях жестокой израильской оккупации по всей исторической Палестине, являются заложниками, все являются политическими заключёнными).

6. демонтаж стены апартеида, которая удерживает 3,5 млн палестинцев в бантустанах на Западном берегу и в Восточном Иерусалиме;

7. демонтаж всех незаконных израильских поселений на Западном берегу, Восточном Иерусалиме и в районе Газы;

8. немедленного перехода к политическому решению, основанному на всех соответствующих резолюциях ООН и международном праве, создавая тем самым 2 государства, а именно Палестину со столицей в Восточном Иерусалиме и Израиль, сосуществующие бок о бок;

9. создание трибунала по военным преступлениям, чтобы расследовать и судить всех виновных в гибели мирных жителей.

Это также призыв ко всем странам и народам всего мира поддержать Палестину и укрепить глобальное движение солидарности, призывая к бойкоту Израиля, подняв свой голос против этой варварской чудовищной сионистской оккупации.

Палестина будет свободна! Только тогда будет достигнут мир, мир, основанный на равенстве, справедливости, уважении человеческого достоинства и жизни.

Шуджаат Али Куадри

УТРАТА АВТОРИТЕТА ООН И ДРУГИХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Многие международные организации, включая Организацию Объединённых Наций, в настоящее время испытывают трудности и теряют авторитет. Появляются альтернативные формы международного сотрудничества, такие, как БРИКС. Сегодня мы видим, что БРИКС+ и региональные организации снизили центральную роль ООН в глобальном управлении и уменьшили её авторитет как главной платформы для решения глобальных проблем. Рост односторонней и националистической политики в некоторых странах подорвал дух многостороннего сотрудничества, на котором была основана ООН, снизив способность организации эффективно решать глобальные проблемы и уменьшив её авторитет как формы международного сотрудничества [13].

Способность ООН обеспечивать соблюдение своих резолюций ограничена необходимостью достижения консенсуса среди её государств-членов, что часто приводит к параличу в ситуациях, когда ключевые заинтересованные стороны имеют конфликтующие интересы. Такое отсутствие правоприменительного потенциала подрывает доверие к решениям ООН. Редко в истории организованных международных отношений оговоренные законы нарушались так нагло и жестоко, как мы можем видеть в случае продолжающегося конфликта между Израилем и ХАМАСом (Газа).

Как мир или международные организации (ООН и родственные ей организации) отреагировали на этот ежедневно разворачивающуюся гуманитарную катастрофу, сводящую на нет существова-

ние ООН? Что ж, 5 держав, обладающих правом вето? США, Россия, Китай, Великобритания и Франция продемонстрировали, как некоторые маскируются под маску оправданий или не двигаются со своих позиций, одни – с целью позволить конфликту разгореться, другие – чтобы установить немедленный и долгосрочный мир [21].

Одного примера было бы достаточно, чтобы проиллюстрировать, как Запад (США, Великобритания, Франция) не только не приложил все усилия, чтобы остановить кризис, они решили быть участниками израильских зверств во имя его защиты. При этом Россия и Китай твёрдо применили свою дипломатию для поиска скорейшего решения. Однако этот конфликт в Западной Азии в целом выявил острые ограничения таких институтов, как ООН, и показал, насколько срочно необходимо провести реформы, чтобы сделать её настолько эффективной, насколько этого желает любой человек, жаждущий справедливости в мире.

Калдаре И. Г.

МОЛДОВА СЕГОДНЯ

Молдова сегодня находится в состоянии тревожного ожидания... Наша проблема (молдаван всех национальностей)... Поясню, что синтагма: «молдаване всех национальностей» в моём вольном изложении означает: «граждане Молдовы всех национальностей». Итак, проблема молдаван всех национальностей в том, что мы смотрим себе под ноги и топчемся в проамериканской политической реальности. Решение у этой проблемы простое, нужно всего-навсего поднять голову и посмотреть на линию горизонта, точнее, определить для себя цель (как минимум направление движения). Необходимо определить наш горизонт планирования (нашу цель) как на одну, так и на 5-6 пятилеток вперёд.

После детального определения среднесрочной цели нужно решить, как к ней

двигаться, и начать движение,... а «грязь с лодыжек и пяток» высохнет и сама отвалится во время движения.

Нынешний исторический момент во многом схож с одним важным событием Великой Отечественной войны. Тогда в 1943 г. наступило понимание что фашизм (немецкий, румынский, итальянский и т. д.) будет повержен. Это понимание привело к Тегеранской встрече по планированию будущего [9].

Сегодня Россия стабильно-уверенно побеждает коалицию НАТО, которая руками украинских бандеровцев пыталась обнулить стратегическую безопасность РФ. Аналогия с «Тегераном-43» навеивает мысль о неизбежности в скором будущем событий аналогичным «Ялте-45» и «Потсдаму 45».

Новая форма организации восточной Европы будет решена на «Ялте-2» большими политическими игроками. Присутствие Молдовы на «Ялте-2» не предвидится (категорически!). Но! Молдова может и должна чётко артикулировать возможные сценарии, а также своё место в этих сценариях. Молдова обязана формулировать, естественно с доказательной базой, выгоды, которые могут получить крупные политические игроки, естественно, не забывая при этом и о своих молдавских национальных интересах.

Рассмотрим 4 базовых сценария.

Сценарий №1: Румыния мошеннически-силовым методом осуществляет захват территории Молдовы.

Подготовка для реализации этого сценария ведётся давно и весьма тщательно:

- при В. В. Филате был подписан договор о румынской вооружённой поддержке молдавского руководства против молдавского народа;
- при И. Додоне изменили форму молдавских полицейских на идентичную (100%) с формой румынских полицейских;
- при М. Санду в дополнение к 7 мостам и 1 дамбе была сооружена во-

енная пантонная переправа из Румынии в Молдову (через р. Прут);

- при М. Санду завозится в условиях строжайшей секретности (мы предполагаем) оружие. Только в апреле этого года в Мэркулештах совершили посадку 6, а в Кишиневе 1 военно-транспортный самолёт «Геркулес». Грузы этих самолётов (зелёные ящики) не прошли стандартные таможенные процедуры и были перевезены в воинскую часть вблизи г. Унгены;

- при М. Санду западными инструкторами проводилось обучение подразделений молдавского спецназа технологиям уличных боев и подавления манифестантов.

Этот список можно продолжить, но нас больше интересуют последствия силового захвата Молдовы.

Предположим, что румыны захватили Молдову. Вопрос: «Может ли появиться народное партизанское сопротивление захватчикам?». Ответ: Да.

Партизанское движение может быть обусловлено несколькими факторами:

- молдаване всех национальностей на уровне исторической памяти живут с девизом: «Жандармул ромын ну ва фи ланой стэпын!»;

– есть резонное предположение, что после вооружённого конфликта на Днестре (1992 г.) в огородах, под грядками петрушки и сельдерея, в заводской смазке закопано очень много огнестрельного оружия;

– есть точная статистика, что в Молдове 7% населения (примерно 170 000 чел.) легально владеют оружием, примерно 1/3 от всего легального арсенала (64 000 ед.) – это короткоствольное нарезное боевое оружие.). Предположим, что румынские жандармы перестреляют всех молдавских вооружённых партизан (по разным оценкам в партизаны могут пойти от 5 000 до 20 000 молдаван всех национальностей).

Для захватчиков (румыны, наёмники французы, поляки, американцы...) оста-

ются нерешенными, ещё как минимум, 2 проблемы:

1. Гагаузы (молдаване гагаузкой национальности) с их ст. 111 Конституции Молдовы. Они как автономно-территориальное образование с особым статусом объявят о выходе из состава Молдовы. Румынские жандармы не смогут перебить всех гагаузов, т. к. с вероятностью 95% за них вступится Турция. Как результат на территории Молдовы между собой будут воевать армии двух стран – членов НАТО – Румынии и Турции;

2. это 1 из 5 мирных договоров, подписанных в феврале 1947 г. По этому договору, страны-победители (СССР, США, Великобритания и Франция) передали Трансильванию в подарок Румынии и чётко определили границы Румынии. Если Румыния отодвинет или попытается отодвинуть свою восточную границу к Днестру, тогда договор 1947 г. теряет силу, и Венгрия под звуки духового оркестра с мажоритарной поддержкой местного населения освободит Трансильванию. А это уже война между двумя другими членами НАТО – Румынией и Венгрией.

Как результат, Румыния потеряет Трансильванию и не факт, что оккупирует Молдову. Этот сценарий для Румынии крайне неблагоприятный. В выигрыше по описываемому сценарию может оказаться только США, т. к. война на востоке Балкан неизбежно приведёт к бегству из всей Европы энергоёмких и технологически сложных предприятий туда, куда безопаснее (в т. ч. и в США).

Сценарий №2

Предположим, «Ялта-2» определит, что Молдова остаётся там, где и была: в границах 1991 г., независимое и нейтральное государство, своего рода одна из буферных территорий между Новой Россией (от Камчатки до Одессы) и странами блока НАТО. По этому сценарию у России появляются 2 проблемные территории – Белгород-Днестровская и Черновицкая области; эти территории можно смело на-

звать «чемоданом без ручки», которые и нести неудобно и бросить жалко...

Сценарий № 3

Третий сценарий, на мой взгляд, наиболее приемлем для всех, кроме США и НАТО.

Предположим, что на «Ялта-2» политическое руководство России вспомнит о недвусмысленном намёке Путина о необходимости создания пояса безопасности между Новой Россией и странами блока НАТО (пояса безопасности от Чёрного до Балтийского моря). Этот пояс логично вписывается в линию Белгород–Днестровск–Калининград.

Рассмотрим, как по этому сценарию может выглядеть Молдова. «Ялта-2» возвращает Молдову в состояние 1912 г., в территорию Бессарабской губернии с Приднестровьем и с регионом Балта.

Молдова де юре (сегодня) унитарное государство, но де факто мы имеем федеративное устройство. Кто не верит, рекомендую почитать ст. 111 Конституции Молдовы.

Этот сценарий предусматривает изменение Конституции РМ и переименование Республики Молдова в Федеративную Республику Молдова с 5 субъектами федерации: Центральная Молдова (столица Кишинев), Гагаузия (столица Комрат), Южная Молдова (столица Белгород-Днестровск), Приднестровье (столица Тирасполь) и Северная Молдова (столица Черновцы). Обязательным условием третьего сценария должен быть очень глубокий и детально прописанный в Конституции нейтральный статус Федеративной Республики Молдова, естественно с серией двусторонних договоров (Молдова–Россия, Молдова–Китай, Молдова–Белоруссия и т. д.) о гарантиях, в т. ч. военных, защиты нейтралитета Молдовы.

Что выигрывает Молдова:

1. гарантию сохранения мира для себя;

2. возвращение незаконно отнятых территорий;

3. стратегического партнёра, заинтересованного в нейтральной Молдове как в сегменте пояса своей (РФ) безопасности.

Для России в этой ситуации будет выгодно интегрировать экономику Молдовы и её рабочие ресурсы в совместные проекты (этот аспект сценария № 3 крайне важен и требует детального рассмотрения, ... но в другой раз).

Выигрыш России по третьему сценарию:

1. стабильность в южном сегменте нейтрального пояса безопасности – от Чёрного моря до Черновиц;

2. квалифицированная рабочая сила, необходимая для восстановления инфраструктуры и экономики в новых регионах России;

3. спасая себя и православную Молдову от безвозвратного разрушения традиционных ценностей, коллективной исторической памяти, религии и т. д., Россия совершит беспрецедентный акт по спасению одного из небольших православных народов, тем самым снискав на многие века благодарность от дружественных молдаван всех национальностей.

Сценарий № 4

Если Румыния продолжит военную и логистическую помощь украинской бандеровской хунте, то на «Ялте-2» может быть и такой сценарий: пересмотр Бухарестского договора от 1812 г. Пересмотр объединения двух дунайских княжеств – Молдовы и Валахии, – признанного в 1861 г. тогдашним региональным лидером (Османской Империей) и создание Большой Молдавии с западными границами до Карпат.

Тогда (по четвёртому сценарию) Молдова получит шестой субъект федерации – Западную Молдову со столицей в Сучаве.

Завершаю своё выступление тем, чем и начал, а именно грязью (человеческой), которая захватила все институты власти в Молдове.

В феврале 2023 г. соросовско-американские ставленники продвинули в пар-

ламенте несколько поправок и дополнений к Уголовному кодексу Молдовы. Сообразно с ними за недонесение молдавскому гражданину грозит уголовное наказание до 3 лет тюрьмы. Эта ч. 352 ст. 2 скопирована с аналогичной статьи фашистской Румынии, на принятии которой в своё время настоял фашист Й. Антонеску¹.

Позвольте мне использовать эту трибуну, чтобы заявить, что я не нарушаю ст. 352 УК РМ и добровольно доношу о том, что молдавская властно-политическая группировка своими действиями (о которых говорилось в моём докладе) нарушили: ст. 337 ч. 1, п. 1 (от 12 до 20 лет заключения), ст. 338 ч. 1 (от 7 до 10 лет), ст. 338 ч. 2 (от 2 до 7 лет), ст. 338 ч. 3 (от 3 до 7 лет) и ст. 340 ч. 1, п.п. 1, 2, 3, 4 и 5 и т. д.

Хотелось бы надеяться, что вышеназванные лица будут задержаны и после проведения законных следственных действий, подтверждающих совершённые ими преступления, будут преданы суду и осуждены.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Состоявшийся обмен мнениями представителей разных цивилизаций подтвердил представления о единстве позиций между ними по актуальным проблемам современного развития мира. Полученный результат говорит, с одной стороны, о мнимом характере угрозы цивилизационных войн при обращении цивилизаций к традиционным духовно-нравственным ценностям. С другой – подтвердилось представление о различии видения актуальных проблем с навязываемыми в качестве универсальных взглядами и оценками глобалистских меньшинств. Обнаружился акцентированный в каждом из выступлений конфликт большинства и меньшинства человечества.

¹ Президент Молдавии утвердила поправки в статью УК о госизмене [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20240610/moldaviya-1951984371.html> (дата обращения: 25.05.2024).

Тема конфликта большинства и меньшинства не впервые поднимается в качестве ключевой проблемы мирового развития. Центральное значение она имела, в частности, в марксистском дискурсе. Но сегодня эта проблема видится не только и не столько в противоречии классовых интересов, сколько в противоречии ценностей. Традиционные ценности большинства противопоставляются идеологии меньшинств, выстраиваемой вокруг идеи антропологического превосходства и неравенства.

Запад навязал фактически через систему колониализма и неоколониализма как универсальные позиции западноцентризм и западническую точку зрения. Дискуссия показала, что западный путь не только не является универсальным, но

и представляет собой разрыв с ценностями большинства человечества. Да и для самой цивилизации Запада это отклонение явилось поворотом к проявляемому всё более очевидно самоуничтожению.

Участники Круглого стола солидаризировались в оценке особой роли России в качестве защиты ценностей большинства человечества. Глобалистское меньшинство пытается подменить реальность симулякрами в виде контрреальности. Россия – защитница ценностей большинства представляется в ней изгоем, «чёрной дырой истории». В этом отношении восстановление ценностной картины мира с позиции большинства человечества – это и восстановление подлинной цивилизационной роли России для мира.

Дата поступления в редакцию 28.07.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А. В. Незападная политология: национальные научные школы // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 4. С. 8–24
2. Аксенов А. Б. Всеобщая декларация прав человека и проблема универсализации прав человека // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 1. С. 59–62.
3. Багдасарян В. Э. Советский Катехон и всемирно-исторические последствия его гибели // Изборский клуб. 2022. № 1. С. 3–15.
4. Багдасарян В. Э. Украинский нацизм: исторические истоки. М.: Наше завтра, 2023. 528 с.
5. Багдасарян В. Э., Иерусалимский Ю. Ю., Сильвестр, архимандрит (Лукашенко С. П.). Хаос как стратегия глобализма. М.: Отчий дом, 2023. 688 с.
6. Багдасарян В. Э., Иерусалимский Ю. Ю., Сильвестр, архимандрит (Лукашенко С. П.). Традиционные ценности как основа нового мировоззренческого строительства. Ярославль: Шукаева и семья, 2024. 296 с.
7. Багдасарян В. Э., Реснянский С. И. Советский Союз как цивилизация: от расцвета до заката. Санкт-Петербург: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2023. 328 с.
8. Багдасарян В. Э., Сильвестр, архимандрит (Лукашенко С. П.). Исторический генезис антихристианства на современном западе: сатанизм западных элит как политическая реальность // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 22–39.
9. Бережков В. Тегеран 1943. М.: Издательство АПН, 1968. 128 с.
10. Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2010. 264 с.
11. Блум У. Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в период холодной войны / пер. с англ. под рук. А. Чернова, Е. Логинова. М.: Кучково поле, 2013. 704 с.
12. Блум У., Розофф Р., Петрас Дж. Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период / пер. с англ. А. Верченкова. М.: Кучково поле, 2017. 480 с.
13. Гришаева Л. Е. Системный кризис ООН // Дипломатическая служба. 2015. № 2. С. 37–53.
14. Дериглазова Л. В., Погорельская А. М. Культура отмены в политике и международных отношениях // Вестник МГИМО-Университета. 2023. № 16. С. 7–33.

15. Дюков А. Р. Второстепенный враг. ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». М.: Regnum, 2008. 152 с.
16. Жиряков И. Г. «Бархатные революции» в социалистических восточноевропейских странах: общее и особенное // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2016. № 1. С. 46–56.
17. Ильин И. А. Что сулит миру расчленение России? М.: Рус. центр "Пересвет", 1992. 61 с.
18. История Молдавской ССР: С древнейших времен до наших дней / под ред. В. И. Царанова. Кишинев: Штиинца, 1984. 551 с.
19. Каплан А. Палестина и Израиль. От начала XX века до 7 октября 2023 года. М.: Эксмо, 2024. 444 с.
20. Кара-Мурза С. Г. Революция на экспорт. М.: Алгоритм, 2010. 525 с.
21. Карасова Т. А. Израиль и США: Основные этапы становления стратегического партнерства (1948–2014). М.: Аспект Пресс, 2015. 464 с.
22. Кнайсль К. Реквием по Европе / пер. с нем. Е. Крепак, А. Новицкой. М.: РОССПЭН, 2024. 216 с.
23. Крастев И. После Европы. М.: Дело, 2018. 144 с.
24. Крашенинникова В. Ю., Суржик Д. В. Украинский национализм на службе Западу. М.: Кучково поле, 2023. 143 с.
25. Лавренов С. Я. Политический процесс в Молдове после президентских выборов: тенденции и перспективы // Постсоветский материк. 2021. № 1. С. 4–20
26. Маккиндер Х., Бжезинский З. «Петля анаконды». Стратегия геополитического превосходства. М.: Родина, 2020. 224 с.
27. Манойло А. В., Петренко А. И., Фролов Д. Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. М.: Горячая Линия-Телеком, 2024. 636 с.
28. Марков А. П. БРИКС как цивилизационная альтернатива западной гегемонии: проблемы и ресурсы солидарности народов и культур // Вестник МГУКИ. 2024. № 4. С. 28–38.
29. Мухин Ю. И. Народ без элиты. М.: Алгоритм, 2020. 352 с.
30. Мухин Ю. Опасная тайна. Неприглядная история образования Израиля. М.: Родина, 2024. 304 с.
31. Осколков П. Мультикультурализм и европейские правые: в поисках другого // Современная Европа. 2019. № 3. С. 83–92.
32. Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2000. 348 с.
33. Саррацин Т. Германия: самоликвидация. М.: АСТ, 2016. 558 с.
34. Сетров М. И. Воинствующая олигархия США против всего мира и нас. М.: Алгоритм, 2019. 336 с.
35. Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. Три свидания. М.: Карамзин, 2018. 186 с.
36. СССР–ЧССР: сотрудничество и сближение: К 10-летию Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ЧССР от 6 мая 1970 г. / В. Курка, В. И. Попов, Ч. Аморт и др. М.: Международные отношения. Прага: Горизонт, 1980. 246 с.
37. Суляк С. Г. Бессарабия в годы Великой Отечественной Войны // Русин. 2015. № 2. С. 80–97.
38. Тарле Е. В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV – начало XIX века). М.: Юрайт, 2024. 418 с.
39. Толстых В. Л. Международно-правовые аспекты конфликта между Израилем и Палестиной // Международное право. Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2018. № 4. С. 5–20.
40. Тэвдой-Бурмули А. И. Мультикультурализм: между панацеей и проклятием // Актуальные проблемы Европы. 2011. № 4. С. 14–34.
41. Федоров К. В. Проблема ответственности за развязывание Второй мировой войны в зарубежной историографии 1945–1990 гг. // Гуманитарный вестник. МГТУ им. Баумана. 2015. Вып. 7. С. 1–16.
42. Цагурия С. А. Ненасильственная революция. От теории к практике. М.: РУДН, 2015. 280 с.
43. Чудинова Е. Мечеть парижской богоматери: 2048 год. М.: Ridero, 2019. 338 с.
44. Широкоград А. Израиль – Палестина. 75 лет великого противостояния. М.: Вече, 2024. 464 с.

45. Шпенглер О. Закат Западного мира. Очерки морфологии мировой истории. М.: Азбука, 2023. 1152 с.
46. Шумилов М. М., Шмидт О. И. Миграционный кризис как нарастающая угроза европейской безопасности (2015–2023) // Управленческое консультирование. 2023. № 8. С. 9–23.
47. Armistead L. Information warfare. Separating hype from reality. Washington, 2007. 189 p.
48. Gellately R., Kiernan B. The Specter of Genocide: Mass Murder in Historical Perspective. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003. 385 p.

REFERENCES

1. Abramov A. V. [Non-Western political science: national scientific schools]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of Moscow Region State University], 2021, no. 4, pp. 8–24
2. Aksyonov A. B. [Universal Declaration of Human Rights and the Problem of Universalization of Human Rights]. In: *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [Bulletin of Economics, Law and Sociology], 2018, no. 1, pp. 59–62.
3. Baghdasaryan V. E. [Soviet Katechon and the World-Historical Consequences of Its Death]. In: *Izborskiy klub* [Izborsk Club], 2022, no. 1, pp. 3–15.
4. Baghdasaryan V. E. *Ukrainskiy natsizm: istoricheskiye istoki* [Ukrainian Nazism: Historical Origins]. Moscow, Nashe Tomorrow, 2023. 528 p.
5. Baghdasaryan V. E., Ierusalimsky Yu. Yu., Sylvester, Archimandrite (Lukashenko S. P.). *Khaos kak strategiya globalizma* [Chaos as a strategy of globalism]. Moscow, Otchiy dom Publ., 2023. 688 p.
6. Baghdasaryan V. E., Ierusalimsky Yu. Yu., Sylvester, Archimandrite (Lukashenko S. P.). *Traditsionnyye tsennosti kak osnova novogo mirovozzrencheskogo stroitelstva* [Traditional values as the basis for new ideological construction]. Yaroslavl, Shukaeva i semya Publ., 2024. 296 p.
7. Baghdasaryan V. E., Resnyansky S. I. *Sovetskiy Soyuz kak tsivilizatsiya: ot rastsвета do zakata* [The Soviet Union as a Civilization: From Rise to Fall]. St. Petersburg, SPb, Izd-vo Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii Publ., 2023. 328 p.
8. Baghdasaryan V. E., Sylvester, Archimandrite (Lukashenko S. P.). [Historical Genesis of Anti-Christianity in the Modern West: Satanism of Western Elites as a Political Reality]. In: *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Istoriya i politicheskaya nauka* [Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences], 2024, no. 3, pp. 22–39.
9. Berezhkov V. *Tegeran 1943* [Tehran 1943]. Moscow, Izdatelstvo APN Publ., 1968. 128 p.
10. Brzezinski Z. *Mirovoye gosподство ili globalnoye liderstvo* [The Choice. World Domination or Global Leadership]. Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 2010. 264 p.
11. Blum W. *Killing Democracy: CIA and Pentagon Operations During the Cold War* (Rus. ed.: Chernov A., Loginov E., transl. *Ubiystvo demokratii: operatsii TSRU i Pentagony v period kholodnoy voyny*. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2013. 704 p.)
12. Blum W., Rosoff R., Petras J. *Killing Democracy: CIA and Pentagon Operations in the Post-Soviet Period* (Rus. ed.: *Ubiystvo demokratii: operatsii TSRU i Pentagona v postsovetskiy period*. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2017. 480 p)
13. Grishaeva L. E. [Systemic Crisis of the UN]. In: *Diplomaticheskaya sluzhba* [Diplomatic Service], 2015, no. 2, pp. 37–53.
14. Deriglazova L. V., Pogorelskaya A. M. [Cancel Culture in Politics and International Relations]. In: *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO University], 2023, no. 16, pp. 7–33.
15. Dyukov A. R. *Vtorostepennyy vrag. OUN, UPA i resheniye “yevreyskogo voprosa”* [Secondary Enemy. OUN, UPA and the Solution to the “Jewish Question”]. Moscow, Regnum Publ., 2008. 152 p.
16. Zhiryakov I. G. [“Velvet Revolutions” in the Socialist Eastern European Countries: General and Specific]. In: *Lokus: lyudi, obshchestvo, kultura, smysly* [Locus: People, Society, Cultures, Meanings], 2016, no. 1, pp. 46–56.
17. Ilyin I. A. *Chto sulit mir raschleneniya Rossii?* [What Does the Dismemberment of Russia Promise the World?]. Moscow, Rus. tsentr “Peresvet”, 1992. 61 p.
18. Tsaranova V. I., ed. *Istoriya Moldavskoy SSR: ot drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of the Moldavian SSR: From Ancient Times to the Present Day]. Kishinev, Shiinta Publ., 1984. 551 p.
19. Kaplan A. *Palestina i Izrail'. S nachala XX veka po 7 oktyabrya 2023 goda* [Palestine and Israel. From the Beginning of the 20th Century to October 7, 2023]. Moscow, Eksmo Publ., 2024. 444 p.

20. Kara-Murza S. G. *Revolyuetsiya na eksporte* [Revolution for Export]. Moscow, Algorithm Publ., 2010. 525 p.
21. Karasova T. A. *Izrail' i SSHA: osnovnyye etapy stanovleniya mezhdunarodnogo partnerstva (1948–2014 gg.)* [Israel and the United States: The Main Stages of the Formation of Strategic Partnership (1948–2014)]. Moscow, Aspect Press Publ., 2015. 464 p.
22. Kneissl K. *Requiem für Europa*. (Rus. ed.: Krepak E., Novitskaya A., trans. *Rekviyem po Yevrope* Moscow, ROSSPEN Publ., 2024. 216 p.)
23. Krastev I. *Posle Yevropy* [After Europe]. Moscow, Delo Publ., 2018. 144 p.
24. Krashennnikova V. Yu., Surzhik D. V. *Ukrainskiy natsionalizm na sluzhbe Zapadu* [Ukrainian Nationalism in the Service of the West]. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2023. 143 p.
25. Lavrenov S. Ya. [Political Process in Moldova after the Presidential Elections: Trends and Prospects]. In: *Postsovetskiy material* [Post-Soviet Continent], 2021, no. 1, pp. 4–20.
26. Mackinder H., Brzezinski Z. “*Petlya anakondy*”. *Strategiya geopoliticheskogo prevoskhodstva* [“The Anaconda Noose”. Strategy of Geopolitical Superiority]. Moscow, Rodina Publ., 2020. 224 p.
27. Manoilov A. V., Petrenko A. I., Frolov D. B. *Gosudarstvennaya informatsionnaya politika v usloviyakh informatsionno-psikhologicheskoy voyny* [State Information Policy in the Context of Information and Psychological Warfare]. Moscow, Goryachaya Liniya-Telecom Publ., 2024. 636 p.
28. Markov A. P. [BRICS as a Civilizational Alternative to Western Hegemony: Problems and Resources of Solidarity of Peoples and Cultures]. In: *Vestnik MGUKI* [Bulletin of MGUKI], 2024, no. 4, pp. 28–38.
29. Mukhin Yu. I. *Narod bez elity* [People without an Elite]. Moscow, Algorithm Publ., 2020. 352 p.
30. Mukhin Yu. *Opasnaya tayna. Nepriglyadnaya istoriya obrazovaniya Izrailiya* [Dangerous Secret. The Unsightly History of the Formation of Israel]. Moscow, Rodina Publ., 2024. 304 p.
31. Oskolkov P. [Multiculturalism and the European Right: in Search of the Other]. In: *Sovremennaya Yevropa* [Modern Europe], 2019, no. 3, pp. 83–92.
32. Panarin A. S. *Globalnoye politicheskoye prognozirovaniye* [Global Political Forecasting]. Moscow, Algorithm Publ., 2000. 348 p.
33. Sarrazin T. *Germaniya: samolikvidatsiya* [Germany: Self-Liquidation]. Moscow, AST Publ., 2016. 558 p.
34. Setrov M. I. [The Militant Oligarchy of the USA against the Whole World and us]. Moscow, Algorithm Publ., 2019. 336 p.
35. Soloviev V. S. *Tri razgovora o voyne, progresse i kontse vsemirnoy istorii. Tri svidaniya* [Three Conversations about War, Progress, and the End of World History. Three Dates]. Moscow, Karamzin Publ., 2018. 186 p.
36. Kurka V., Popov V. I., Amort C., et al. [USSR–Czechoslovakia: cooperation and rapprochement: On the 10th anniversary of the Treaty of Friendship, Cooperation, and Mutual Assistance between the USSR and the Czechoslovakia of May 6, 1970]. Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., Praga, Gorizont Publ., 1980. 246 p.
37. Sulyak S. G. [Bessarabia during the Great Patriotic War]. In: *Rusin* [Rusin], 2015, no. 2, pp. 80–97.
38. Tarle E. V. *Ocherki istorii kolonialnoy politiki zapadnoyevropeyskikh gosudarstv (konets XV – nachalo XIX veka)* [Essays on the History of the Colonial Policy of Western European States (late 15th – early 19th centuries)]. Moscow, Yurait Publ., 2024. 418 p.
39. Tolstykh V. L. [International Legal Aspects of the Conflict between Israel and Palestine]. In: *Mezhdunarodnoye pravo. Elektronnoye prilozheniye k Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu* [International Law. Electronic Supplement to the Russian Law Journal], 2018, no. 4, pp. 5–20.
40. Tevdoy-Burmuli A. I. [Multiculturalism: Between a Panacea and a Curse]. In: *Aktualnyye problemy Yevropy* [Actual Problems of Europe], 2011, no. 4, pp. 14–34.
41. Fedorov K. V. [The Problem of Responsibility for Unleashing World War II in Foreign Historiography of 1945–1990]. In: *Gumanitarnyy vestnik. MGTU im. Baumana* [Humanitarian Bulletin. Bauman Moscow State Technical University], 2015, iss. 7, pp. 1–16.
42. Tsaturyan S. A. *Nenasilstvennaya revolyutsiya. Ot teorii k primeneniyu* [Nonviolent Revolution. From Theory to Practice]. Moscow, RUDN Publ., 2015. 280 p.
43. Chudinova E. *Mechet parizhskoy bogomateri: 2048 god* [Notre Dame Mosque: 2048]. Moscow, Ridero Publ., 2019. 338 p.
44. Shirokorad A. *Izrail – Palestina. 75 let velikogo protivostoyaniya* [Israel – Palestine. 75 Years of the Great Confrontation]. Moscow, Veche Publ., 2024. 464 p.

45. Spengler O. *Zakat Zapadnogo mira. Oчерki morfologii mirovoy istorii* [The Decline of the Western World. Essays on the Morphology of World History]. Moscow, Azbuka Publ., 2023. 1152 p.
46. Shumilov M. M., Schmidt O. I. [The Migration Crisis as a Growing Threat to European Security (2015–2023)]. In: *Upravlencheskoye konsultirovaniye* [Management Consulting], 2023, no. 8, pp. 9–23.
47. Armistead L. *Information warfare. Separating hype from reality*. Washington, 2007. 189 p.
48. Gellately R., Kiernan B. *The Specter of Genocide: Mass Murder in Historical Perspective*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003. 385 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ано Туртиайнен – основатель и лидер партии «Власть принадлежит народу» (Финляндия);
e-mail: ano.turtiainen@yandex.ru

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения (Россия);
e-mail: vardanb@mail.ru

Ахмад Хадж Али – журналист-международник, эксперт по вопросам Ближнего Востока (Ливан);
e-mail: akilahaja@hotmail.com

Купилик Вацлав – председатель политической партии «Альянс национальных сил» (Чехия);
e-mail: geopolis@mail.ru

Витова Владимира – доктор философии, председатель Чешского форума мира и политической партии «Альянс национальных сил» (Чехия);
e-mail: Vitova.vladimira@centrum.cz

Зогранян Евгений Владленович – ответственный секретарь Академии геополитических проблем, РАНХиГС (Россия);
e-mail: zogranyane@mail.ru

Камкин Александр Константинович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник ИМЭМО РАН им. Е. М. Примакова (Россия), доцент Финансового Университета при правительстве Российской Федерации;
e-mail: serbija-rusija@yandex.ru

Плугару Анатолий Федорович – экс-депутат парламента Молдовы, бывший заместитель министра иностранных дел, бывший министр национальной безопасности Молдовы;
e-mail: plugarul@mail.ru

Степанян Араик Оганесович – кандидат философских наук, доцент Государственного университета просвещения, президент Академии геополитических проблем (Россия);
e-mail: geopolis@mail.ru

Фероз Митиборвала – общественный деятель, правозащитник (Индия);
e-mail: feroze.moses777@gmail.com

Шуджаат Али Квадри – председатель Мусульманской студенческой организации Индии, соучредитель Центра цифровой криминалистики, исследований и аналитики, заместитель директора Центра исламского наследия (Индия);
e-mail: shujaatquadri@gmail.com

Калдаре Игорь Георгиевич – доктор технических наук, вице-председатель общественно-политического движения «Республика» (Молдова);
e-mail: geopolis@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ano Turtiainen – founder and leader of the party “Power belongs to the people” (Finland);
e-mail: ano.turtiainen@yandex.ru

Varдан E. Bagdasaryan – Dr. Sci. (History), Prof., Dean of the Faculty of History, Political Science and Law of the State University of Education (Russia);
e-mail: vardanb@mail.ru

Ahmad Haj Ali – international journalist, expert on Middle East issues (Lebanon);

e-mail: akilahaja@hotmail.com

Kupilik Vaclav – Chairman of the political party “Alliance of National Forces” (Czech Republic);

e-mail: geopolis@mail.ru

Vitova Vladimira – Dr. Sci. (Philosophy), Chairman of the Czech Peace Forum and the political party “Alliance of National Forces” (Czech Republic);

e-mail: Vitova.vladimira@centrum.cz

Evgeny V. Zogranyan – executive secretary, Academy of Geopolitical Problems, RANEPА (Russia);

e-mail: zogranyane@mail.ru

Alexander K. Kamkin – Cand. Sci. (Philosophy), Senior Research, Primakov Institute of World Economy and International Relations (Russia), Assoc. Prof., Financial University under the Government of the Russian Federation;

e-mail: serbija-rusija@yandex.ru

Anatoly F. Plugaru – former member of the Moldovan Parliament, former Deputy Minister of Foreign Affairs, former Minister of National Security of Moldova;

e-mail: plugarul@mail.ru

Araik O. Stepanyan – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., State University of Education, president of the Academy of Geopolitical Problems (Russia);

e-mail: geopolis@mail.ru

Feroz Mitiborwala – public figure, human rights activist (India);

e-mail: feroze.moses777@gmail.com

Shujaat Ali Quadri – Chairman of the Muslim Student Organization of India, co-founder of the Center for Digital Forensics, Research and Analytics, Deputy Director of the Center for Islamic Heritage (India);

e-mail: shujaatquadri@gmail.com

Igor G. Caldare – Dr. Sci. (Technical Sciences), Vice-Chairman of the socio-political movement “Republic” (Moldova);

e-mail: geopolis@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ценностная и политическая повестка мирового большинства (Круглый стол) / А. Туртиайнен, В. Э. Багдасарян, А. Хаж Али, В. Купилик, В. Витова, Е. В. Зограмян, А. К. Камкин, А. Ф. Плугару, А. О. Степанян, Ф. Митиборвала, Ш. А. Квадри, И. Г. Калдаре // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 4. С. 7–43.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-4-7-43

FOR CITATION

Turtiainen A., Bagdasaryan V. E., Haj Ali A., Kupilik V., Vitova V., Zogranyan E. V., Kamkin A. K., Plugaru A. F., Stepanyan A. O., Mitiborwala F., Quadri S. A., Kaldare I. G. Value and political agenda of the world majority (Round Table). In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 4, pp. 7–43.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-4-7-43

УДК 94(57)

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-4-44-58

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ЛЕНСКОГО КРАЯ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ СЛУЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ В XVII ВЕКЕ В КОНЦЕПТЕ ФРОНТИРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Чертков А. С.

Дипломатическая академия МИД России

119021, г. Москва, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить особенности применения фронтирного концепта для исследования событий присоединения Ленского края к Русскому государству в XVII в. служилыми людьми.

Процедура и методы. Осуществлён анализ трудов российских историков, посвящённых изучению истории колонизации Сибири и Северо-Востока Азии, рассматривающих данный процесс с позиций фронтирного концепта. Применён метод компаративного анализа источников, изучен большой объём документальных, историографических и фольклорных материалов.

Результаты. На основе изучения разных подходов к применению фронтирного концепта к исследованию различных сторон многомерного процесса присоединения русскими людьми сибирских и северо-восточных земель автором установлено, что концепт фронта остаётся востребован в данной области исторических изысканий, т. к. способствует раскрытию дополнительных аспектов социально-культурного взаимодействия пришлого и аборигенных народов. Сделан вывод, что в условиях освоения русскими служилыми людьми значительных пространств целесообразно исследовать возникающие «ментальной границы» – территориальные фронтиры вокруг острогов, острожков и зимовий, являвшихся опорными пунктами колонизации региона, расположенных по крупнейшим рекам Северо-Востока Азии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Учитывая масштабы и скорость передвижения отрядов служилых людей вглубь северо-восточных земель, автором обосновано применение термина «перемещаемый фронт», раскрыты причины мирного характера взаимодействия в пространстве фронта русских первопроходцев с якутами.

Ключевые слова: колонизация Сибири, первопроходцы, присоединение Ленского края, русские служилые люди, сбор ясака, фронтирный концепт, ясачное население

THE ANNEXATION OF THE LENA REGION TO THE RUSSIAN STATE BY SERVICE PEOPLE IN THE 17TH CENTURY IN THE CONCEPT OF FRONTIER SPACE

A. Chertkov

*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
ul. Ostozhenka 53/2-1, Moscow 119021, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the features of the application of the frontier concept for research into the events of the annexation of the Lena region to the Russian state in the 17th century by service people.

Methodology. The analysis of works by Russian historians devoted to the study of the history of colonization of Siberia and North-East Asia, considering this process from the position of the frontier concept, was carried out. The method of comparative analysis of sources was applied, a large volume of documentary, historiographic and folklore materials was studied.

Results. Based on the study of various approaches to the application of the frontier concept to the study of various aspects of the multidimensional process of the annexation of Siberian and north-eastern lands by Russian people, the author found that the frontier concept remains in demand in this area of historical research since it helps to reveal additional aspects of the socio-cultural interaction of newcomers and indigenous peoples. The author concludes that, in the context of the development of significant spaces by Russian service people, it is advisable to study the emerging “mental boundaries” – territorial frontiers around forts and winter quarters, which were strongholds for the colonization of the region located along the largest rivers of Northeast Asia.

Research implications. Considering the scale and speed of movement of detachments of service people deep into the north-eastern lands, the author substantiates the use of the term “movable frontier” and reveals the reasons for the peaceful nature of interaction in the frontier space of Russian pioneers with the Yakuts.

Keywords: colonization of Siberia, pioneers, annexation of the Lena region, Russian service people, collection of yasak, frontier concept, yasak population

Введение

Изучение истории периода присоединения к Русскому государству сибирских земель в проблематике фронтальных исследований российские учёные начали в 1990-х гг. «Фронт для заселения» исчерпаем: «никогда не появится такого подарка – свободных земель», – отмечал автор теории фронта американский историк Ф. Дж. Тернер [17, с. 40]. Как оказалось, исчерпаемым могли оказаться и возможности исследовательского подхода фронта, если бы он не был подхвачен междисциплинарной практикой изучения границ и пограничий, в рамках которых концепт продолжает раздвигать области первоначальных смыслов при изучении процессов «присоединения»

(«колонизации», «завоевания», «включения», «вхождения») соседних регионов к Русскому государству.

В данном исследовании мы применяем термины «присоединение» и «колонизация», понимая под ними начальную стадию продвижения русских людей на Северо-Восток Азии в XVII в., ознаменованную значительными географическими открытиями и включающую в себя процессы прихода, заселения и освоения новых земель мирными, насильственными, административными и экономическими методами. Такой подход был обоснован в трудах историков советской школы С. В. Бахрушина, В. И. Шункова, Н. В. Устюгова, Ф. Г. Сафронова, А. А. Преображенского и др. Находясь

под влиянием «формационного подхода» к историческому процессу, они, тем не менее, успешно воссоздали события прошлого, оставив современным исследователям возможность «заглянуть» в небольшие лакуны, в подвижных границах которых можно проследить различные черты социальных групп, вынужденных в силу обстоятельств взаимодействовать друг с другом и формировать представление о возможном соседстве или сопротивлении новым порядкам, устанавливаемым пришлыми на земли коренных народов людьми.

В последнее время, сравнивая процессы колониального освоения Сибири и Нового Света, российские историки начали указывать на недостаточный градус «восторга» в трудах предшественников, содержащихся в оценке подвига русских землепроходцев. «Русская же территориальная экспансия не стала торжеством отечественной истории и географии. Даже близко нет у нас того же восторга перед землепроходцами, как у американцев перед их пионерами Запада [5, с. 52]. Думается, подобные выводы являются больше следствием эмоционального порядка, чем знания отечественных историографических традиций. Советская историография отдала должное подвигам землепроходцев и служилых людей, совершившим не только «проведывание новых земель», но и установившим систему легитимизации власти Русского государства путём закрепления «территориальных политико-административных (судебных, военных) и фискальных институтов (сбор ясака и пошлин)» [6, с. 350] на огромных пространствах Северо-Востока Азии.

Особенности «Ленского фронта»

Вслед за присоединением Западной Сибири к Русскому государству в конце XVI в. и сокращением там пушного промысла торгово-промышленные интересы властных институтов, необходимость пополнения государственной казны за счёт

«мягкой рухляди» «погналы» отряды служилых и других «охочих» людей в поиске дополнительных ресурсов «проведывать новые земли» на Северо-Востоке Азии. Опорными пунктами последующей колониальной экспансии русских стали Мангазей, Туруханск и возведённый в 1619 г. Енисейский острог, где в том же году от пленённого князя кипанских эвенков Илтика стало известно о «великой реке Лены» в расстоянии «на два дня ходу» от месторасположения енисейских служилых [15, с. 7–8.]. Полученные сведения о существовании «Лин, большой реки» и живущем на ней народе, были подтверждены в 1621 г. пленными тунгусами-буляшами в Мангазее. Аборигенный народ, о котором свидетельствовали тунгусы, был идентифицирован С. В. Бахрушиным как якуты [1, с. 12].

Предпринятые енисейскими и мангазейскими воеводами последующие действия могли стать причиной снаряжения первого отряда русских людей в количестве 40 человек под командой «гулящего» или «промышленного человека» Пенды (Пантелей Демидов Пянда). По отдельным сведениям, мангазейский отряд Пенды в промежуток времени от первых сведений о якутах и до 1624 г., даты упоминания одного из зимовий установленного отрядом, не только проплыл по Нижней Тунгуске до верховьев реки, преодолел по Чечуйскому волоку пространство до р. Лены, но и осуществил нелёгкое плавание вниз по реке до места в районе будущего Якутского острога [1, с. 12]. По другим источникам, Панда мог выйти на Лену через р. Вилюй [14, с. 283–284]. Совершив столь масштабный первооткрывательский поход, Панда с отрядом вернулся в верховья Лены, затем по бурятской степи прошёл к Ангаре и по Енисею вернулся в пункт отправления – Туруханск.

Мангазейцы во главе с Пендой стали не только первооткрывателями Ленского края, но и одними из первых русских людей, коммуницирующих в составе

группы с кангаласскими якутами из рода местного князя Тыгына. Окладников А. П. писал, что приход русских людей зафиксирован якутами в одном из преданий, согласно которому «появились неведомые пришельцы, поразившие Тыгына своим умением работать и мудростью. Пришли они неожиданно и так же неожиданно исчезли. Только спустя несколько лет здесь вновь появились русские» [12, с. 94–102]. Далее последовали походы на Лену отрядов тобольских, мангазейских служилых людей, подвергавшихся нападению якутских князцов. С открытием пути по Вилюю на Лену, обследованию рек Алдан и Амга и строительством в 1632 г. «Ленского острожка» русские служилые люди основательно закрепились в новом для себя регионе.

Воссоздание событий прихода русских людей в Ленский край сделано для определения области свободных границ, рубежей фронта (и особенностей коммуникационного процесса в тот момент между пришлым и аборигенным населением), окраины которых по Ф. Дж. Тернеру являлись «внешним краем волны – местом контакта дикости и цивилизации» [17, с. 14]. Применимость фронтального подхода к изучению исторических процессов на рубежных территориях, в т. ч. и в Сибири, первоначально выставлялась рядом современных российских историков и культурологов альтернативой формационному. Однако со временем многочисленные «фронтановеды» стали понимать, что на российском историческом материале, в частности, сибирской истории, невозможно добиться адаптации друг к другу событий и явлений, происходивших на разных континентах и в разных исторических условиях, проводить параллели, составляющие характерные черты колониального освоения Нового Света.

На примере «вольной земледельческой колонизации» земель по рекам Бухтарме и Нарыму в XVIII в. поселенцами, известными как «каменщики» (живущие

в горах), оказавшимися за пределами обретенных русскими государевых земель, в районах Верхнего Прииртышья, Л. И. Шерстова доказывала неприменимость теории фронта к сибирской истории. «Не прослеживается ни ментальная, ни этническая, ни культурная граница между пришлым и коренным населением» [20, с. 219–220]. В основу своих выводов, отрицающих фронтальный компонент «при колонизации Сибири русскими в XVII в. и даже позже», учёный положила следующие постулаты: царское правительство и московские промышленники добивались власти «не столько над территорией, сколько над живущим на ней населением», что являлось «рецидивом евразийского наследия» («от гуннов до монголов»); «подданными сначала становились люди, а уж потом, спустя десятки лет, российскими становились и их территории»; раз «вольная земледельческая колонизация опережала государственное закрепление новых земель», то в отдельных случаях это может говорить о поселении таких групп людей «за пределами фронта»; отсутствие фронта «в культурных, хозяйственных отношениях (он отсутствовал на ментальном уровне тех, кто приходил в Сибирь», т. е. русских) объяснялось невыраженными отличиями у них культурно-конфессиональных различий «европейской части», что «мало отличалось от того, с чем они встретились в Сибири» [20, с. 218, 220–221].

В целом, поддерживая мнение Л. И. Шерстовой о неоднозначности применения фронтального концепта к исследованию различных сторон многомерного процесса присоединения русскими людьми сибирских земель, нельзя согласиться с отдельными постулатами, лёгшими в основу её антифронтальных выводов. Речь идёт об утверждении историка о том, «что во взгляде на аборигенную культуру у русских переселенцев в начальный период освоения Сибири не было ни оценочных суждений, ни чувства

культурного превосходства» [20, с. 217], что в целом верно и подтверждается научными исследованиями [2, с. 66–97], вернее – отсутствием в них публикаций самих фактов демонстрации ментального превосходства представителей пришлой культуры над аборигенной.

Дело не в том, что «русские в XVII в. не были знакомы с европейскими учениями о стадильности развития человечества», предопределявшие их «паритетные отношения», а следовательно, «не могли противопоставить аборигенов и пришельцев на общественно-экономическом уровне», – как пишет Л. И. Шерстова [20, с. 217]. Было бы, безусловно, странно требовать от русских служилых людей XVII в., предпринявших первые попытки вторгнуться в земли, населённые иными северными народами, знания европейских концепций развития общества, но стоит согласиться с доводами Ф. Дж. Тернера, что «дикая местность подчиняет себе колониста», приходящего туда «европейцем», «по одежде..., мыслительным привычкам» и превращающегося в «индейцев чероки и ирокезов»: «он должен либо принять все предъявляемые условия, либо погибнуть» [17, с. 15].

Придя к выводу о «превращении» под воздействием природного фактора колониста в индейца и говоря здесь же о том, что «фронтир – это полоса наиболее быстрой и эффективной американизации», Ф. Дж. Тернер, на наш взгляд, опустил обратную сторону процесса, а именно: «превращение» аборигенов в американцев, не в прямом, конечно, смысле, а в восприятии и принятии коренными народами части «европейских» традиций, выразившихся в обретении ими строительных навыков, образцов социальной организации, способов обработки земли, ведения хозяйства, культурных особенностей и т. д. Именно так произошло с тобольскими, березовскими, енисейскими служилыми людьми, вынужденными приспособляться к суровым условиям якутской действительности: использо-

вать одежду аборигенов в условиях холодной зимы, употреблять традиционную пищу местных народов, учитывать народные приметы, чтобы правильно определять маршруты следования, устраивать календарный цикл возделывания сельскохозяйственных, огородных культур, пользоваться изобретёнными здесь орудиями труда и промысла.

Концепт фронта определяет его не просто как «границу», «рубеж» или географическое понятие, он остаётся востребован и сейчас, прежде всего, в конструкте «ментальной границы» и территориальных ареалов, внутри которых могли возникать в американской версии «фронтиры торговцев, скотоводов, горняков, фермеров» [17, с. 21], а в сибирской – фронтиры острогов, острожков, зимовий. Именно строительство служилыми людьми опорных пунктов (острогов) на основных северо-восточных реках (Лене, Вилюю, Олекме, Яне, Индигирке, Колыме) являлось факторами обозначения на данный момент присутствия служилых команд территориальных границ (областей) воеводства, а следовательно, и Московского государства. Другое дело, что быстрые темпы, с которыми служилые, промышленные и другие охочие люди продвигались «встречь солнцу» раз за разом создавали всё новые фронтиры, вмещающая в себя «проведанные» земли и обложенных ясаком роды и племена, проживавших на них людей.

В условиях масштабных походов русских служилых людей в предельно сжатый период времени, обеспечивших им выход к берегам Ледовитого и Тихого океанов, следует говорить о существовании особого «плавающего» или «перемещаемого», причём многократно в течение нескольких лет, вида фронта. В 1620-х – начале 1630-х гг. служилые люди подчинили московскому царю Ленскую речную долину, в 1632–1639 гг. – районы притоков Лены (Вилюя, Алдана и Олекмы), в 1639 г. вышли к Тихому океану и открыли Охотское море, в 1644 г. достигли Амура,

с 1630 до 1650 г. состоялось открытие заполярных рек, впадающих в Ледовитый океан – Оленька, Яны, Индигирки, Алазеи, Колымы и Анадыря. Приход русских людей в любую из вышеперечисленных местностей сопровождался созданием нового фронта как места «неустойчивого равновесия», требующего с обеих сторон максимум усилий для создания условий, обеспечивающих социальный порядок и межкультурное взаимодействие разных народов.

Встречавшиеся служилым и казакам на огромных просторах территориально-родовые группы населения вели полукочевую жизнь, занимались скотоводством, рыболовством, охотой, ремёслами. Особенностью хозяйственного уклада якутов были регулярные «перекочевки» для выпаса скота и заготовки сена, «оленные народы» разводили особую породу северных оленей, воинственные чукотские племена занимались звериным и морским промыслами. Каждое из «воистых» племён тунгусов, конных эвенков, части коряков, камчадалов также образовывало в зоне ареала своей жизнедеятельности особые фронты (охотничьи, промысловые, рыболовные, оленные и т. д.), внутри которых от участников процесса требовались усилия для налаживания элементарного порядка, хозяйственной жизни, создания условий для сосуществования, предотвращения конфликтов и т. д.

Устанавливая первые коммуникации, где мирным путём, а где и при помощи насильственных методов, колонисты объявляли своё право на сбор ясака, что служило причиной многих конфликтов. Взаимодействие в зоне конфликта-фронта требовало от служилых людей применения методов особого убеждения (словом, обещаниями защиты от внешних врагов, запугивания, подкупа, обмана), а если этого не удавалось, то и принуждения. Со стороны коренного населения принятие правил фронта также требовало осмысления: права силы

пришлых людей на отъём части нажитого ими имущества (пушнины), на пользование исконными удобными для промысла местами, следования правилам меновой торговли и определения стоимостных эквивалентов меняемых товаров и многое другое. Все перечисленные обстоятельства становились предметом для договорённостей или конфликтной области между представителями новой силы и старых родовых порядков, что требовало времени, если пришлые люди сразу не объявляли зоны своих интересов, которые надо было отстаивать в условиях враждебного окружения. В пользу «перемещаемых» раз за разом возникающих по мере перемещения русских колонистов в других местах фронтов говорит и то, что каждый род или племя говорило на своём языке или диалекте, отличалось особенностями хозяйственного уклада, различиями ведения промыслов, навыками защиты территории своего обитания от непрошенных гостей и все эти многочисленные условия нужно было урегулировать в рамках новых фронтальных обязательств как стороны, нарушившей сложившееся в конкретном месте равновесие.

Российские «фронтоведы» недавно также обратили внимание на наличие подобных «перемещаемых» фронтов. Рассматривая выделенные А. Т. Урушадзе особенности фронта, они определили для себя задачу выявления «закономерностей появления гибридных (“дрейфующих”) идентичностей и стратегий присвоения/удержания территорий в пространстве фронта» [7, с. 99]. Использование термина «перемещаемый фронт», на наш взгляд, больше типизирует данный вид подобных фронтальных образований, т. к. в условиях поступательного движения русских людей на Северо-Восток Азии в XVII в. оно имело не стихийную «дрейфующую» основу, а представляло из себя целенаправленную стратегию институтов Московского государства, направленную на колониза-

цию земель до самых границ внешнего фронта на Севере – выход к Ледовитому океану, на юге – выход к Амуру, на Востоке – выход к Тихому океану. Термин «перемещаемый фронт» оставляет за служилыми людьми и остальными группами русских людей субъектность в предпринятых ими огромных по масштабам походах, географических открытиях, благодаря воле которых они были совершены, и вмещает в себя их неумолимое стремление развивать достигнутые успехи (строительство острогов как базы своего влияния в регионе) и удерживать территории, ясачных людей в повиновении русскому царю.

Движущими силами процесса столь масштабного по расстояниям, быстрого по времени и сложным по воплощению продвижения отрядов русских людей в географическом пространстве Северо-Востока Азии (недаром походы казаков сравнивали с Великими географическими открытиями XV–XVII вв.) являлись торгово-промышленные интересы феодального Московского царства, стимулирующего колонизаторские устремления мотивированных на сбор «мягкой рухляди» как русских служилых, так и других парамилитарных (близких к военному) и промышленных групп людей.

В качестве чуть ли не универсального инструмента покорения индейских племён колонистами Ф. Дж. Тернер привёл в пример торговлю как «разрушительную силу цивилизации, проникающую в дикие местности» [17, с. 21]. Торговля оружием, другими товарами «постепенно подрывала мощь краснокожих, сделав их племена, в конечном счёте, зависимыми от белых» [17, с. 22]. Наличие торговых фронтов в условиях индейского пограничья способствовало и скорости колонизации земель аборигенов.

Ситуация с колонизацией русскими земель на Северо-Востоке Азии в XVII в. в свете «торгового фронта» обострялась по многим причинам. Правительственными указами 1649 г. и осо-

бенно 1690-х гг. сборщикам ясака была запрещена торговля в ясачных волостях и улусах вина, табака, игральными картами, оружием вплоть до смертной казни с конфискацией имущества нарушителя [18, с. 28].

Деятельность торговых и промышленных людей облагалась различного вида налогами. В неизменном виде вплоть до конца 1680-х гг. существовали следующие виды сборов:

– по прибытию в уезд – «явчая пошлина» по алтыну с человека;

– «полавочная» – 8 денег с человека за каждую неделю;

– «записная порублевая» – с оборота проданного товара по алтыну с каждого рубля;

– «роговая» – за купленный скот по 1-2 алтына;

– «пошерстная» – за купленную лошадь;

– «весчая» – за продажу товаров на вес по 1-2 деньги;

– «печатная» – с рубля по деньге;

– «бестоварная» – по гривне с человека;

– «отъезжая» – за отпуск на собольные уголья по алтыну с человека;

– «отъезжие» (при отбытии на родину сразу три налога) – по алтыну с человека;

– «посороковая» – с каждых сорока увозимых соболей по 4 деньги;

– «порублевая» – с каждого накопленного рубля по 4 деньги;

– «десятичная» – со всего ввозимого в регион и увозимого товара по десятой части;

– «оброчные деньги» – по 8 алтын 2 деньги с человека в год и «указные деньги» – по 16 алтын 4 деньги [16, с. 9–10].

Ставка на торговый фронт по-американски без большого числа ограничений, таможенных препятствий и казённого контроля привела к тому, что нередко колонистов там встречали индейцы с ружьями, вооружённые продавцами-европейцами или контрабандистами. В условиях одоления фронта первыми отрядами русских служилых

людей в Ленском крае и последующих их действиях на «перемещаемых» фронтах, где открывались новые возможности для сбора ясака, «оскуднение» хозяйственного состояния самих сборщиков, неготовность их в массе своей выстраивать торгово-меновые отношения с местными родами, ясачными жителями не способствовали обороту огнестрельного оружия. «Служивые люди оскудали, что к службе лошадей и ружьё купить им стало не на что, и в том их недостатке в разных походах от неприятелей многие побиты до смерти» [18, с. 29]. Торговля оружием на землях коренных народов Якутии в XVII в. не стала одним из решающих факторов создания «торгового» или «военного» фронта в его американском понимании ещё и потому, что местные ремесленники из якутов к тому времени изготавливали «высококачественное наступательное и защитное вооружение» не только для воинов своего рода, но и «на рынок» [3, с. 193], а обходиться без других благ цивилизации, будь то металлическая посуда, одежда и др., для аборигенного населения было делом привычным.

Указанные ограничения стали значительными сдерживающими факторами развития торгово-меновых отношений в крае в XVII в., но в целом они не могли помешать расширению торговли между пришлым и коренным населением ввиду крайней заинтересованности первых в приобретении пушнины как высоко маржинального товара.

Ментальность русских служилых людей в зоне фронтального взаимодействия

Отсутствие «оценочных суждений и чувства культурного превосходства» у русских служилых людей по отношению к встретившимся им в походах на Лену и другие северо-восточные реки группам аборигенного населения, «ментальной, культурной границы» между ними не должно вводить в заблуждение исследователей, оценивающих события присо-

единения этих земель с позиций фронтального концепта [20, с. 217, 220].

Для изучения вопросов «ментальности» первых русских людей следует иметь представление об их социальной принадлежности. Особенности менталитета людей, покорявших сибирские просторы, по мнению Н. И. Никитина, являлось присутствие в них 2 типов казаков-землепроходцев: «типичный конкистадор, смыслом жизни которого были военные походы и военная добыча» и людей, которых «отличали осмотрительность, неторопливость, деловитость, степенность», умение проявить себя в ратном деле, но предпочитавшим «решать все вопросы мирным путём» [8, с. 401–402].

В Ленский край с воеводами были направлены в основном тобольские, мангазейские и енисейские служилые. Они, в свою очередь, в конце XVI – начале XVII вв. формировались из числа «прибранных на службу» из северных городов Русского государства – пермских («новоторжцы», «можаитин», «донцы»), терских и «польских» казаков, служили и «холмогорцы», «вятчане», «угличане», «москвичи»; в конце XVI в. начали принимать на службу представителей местного сибирского населения. Имеются сведения о службе в первых сибирских гарнизонах «выходцев из-за рубежа: “литва”, “черкасы” и “немцы”, татары, кодские ханты (“служилые остяки”))» и др. [10, с. 26–27].

Используя значительный объём архивных источников, советские и российские историки [10; 16; 18] доказали промежуточное положение приборных служилых людей в системе классово-сословного строя Русского государства XVII в. – между сословием феодалов и эксплуатируемыми массами. Сами служилые люди являлись трудовой частью населения Сибири, одной из эксплуатируемых её групп, платили основные налоги и сборы, в хозяйственном отношении существовали в условиях, сблизивших их с низшими прослойками феодального общества. В целом русское население

Сибири «несло, по сравнению с аборигенным, неизмеримо больший объём налогов и повинностей» [9, с. 43]. «Вплоть до конца XVII в. приборные люди формально входили в “служилое сословие”, включавшее и большую часть класса феодалов. Однако вся история существования группы приборных людей была историей её вытеснения из служилого сословия» [10, с. 195]. Первые служилые, объявившиеся на Лене-реке в XVII в., были выходцами из «деклассированных» слоёв русского общества. Собранные в опорных сибирских городах для освоения «украинных земель», эти люди были не передовыми отрядами, несущими аборигенным народам европейскую культуру, а являлись органической частью того населения Сибири, которое так же, как и они, выживало с помощью службы по прибору в суровых условиях, выполняя самые разнообразные обязанности.

Тяготы воинской службы, постоянные перебои с получением жалования и хлебного довольствия, отсутствие времени для ведения хозяйства и удобных для занятия земледелием и различными промыслами наделов, ставили служилое сословие в зависимое от воевод, атаманов и начальников положение. Такое лоскутно скроенное образование представляло из себя служилое сословие в XVII в., призванное «проведывать» «дальние от века неслыханные земли». Не стоит удивляться, что собранные в команды разнородные по происхождению и статусу служилые люди при встрече с коренными жителями не выражали к ним своего «чувства культурного превосходства», т. к. представляли собой зависимые, беднеющие слои русского общества.

Однако вернёмся к многократно повторяемому Л. И. Шерстовой тезису о «власти не столько над территорией, сколько над живущим на ней населением»: «Русской власти в Сибири в начальный период колонизации не столько была нужна земля как таковая, сколько люди – ещё одно тяглое сословие Москов-

ского царства» [20, с. 217–218]. Истоки подобного взгляда на процесс обретения сибирских земель следует искать, как и указывает учёный, в «наследии кочевых империй Центральной Азии от гуннов до монголов, когда сила правителя опиралась на численность подданного населения... В условиях «кочевого» образа жизни населения контролировать территории было бессмысленно, но «привязав» определённое количество людей к представителям господствующего слоя, можно было легко управлять ими» [20, с. 217–218]. Вышеописанный подход имеет право на существование, когда исследователь рассматривает события прошлого с точки зрения лишь надвигающейся на аборигенные народы силы колониальной экспансии, в данном случае – с позиций торгово-промышленных интересов Московского царства, озабоченных сбором ясака и не заботящихся о последствиях своих деяний после актов изъятия пушнины у местных родов и племён.

К данной трактовке тактики «от гуннов до монголов» в условиях «обретения» северо-восточных земель русскими служилыми людьми в XVII в. следует подходить с учётом следующей специфики. Во-первых, у якутов существование большого количества родоплеменных групп было тесно связано со строго ограниченной родовой территорией. Родовая земля охранялась от различных посягательств соседних родов, пригодные для ведения хозяйства участки бережно возделывались. Во-вторых, местные народы в основном вели не «кочевой», а полукочевой образ жизни, они перемещались на «летники» для выпаса скота, «зимовки» для его содержания, возвращаясь в свои исконные места обитания. В-третьих, перемещаться в труднодоступных северных условиях на большие расстояния в поисках лучших условий для ведения хозяйства было затруднительно, т. к. специфика и время подготовки земель к использованию имели больший природный цикл и трудоёмкость, чем в любом другом

регионе. В целом говорить о мобильности коренных народов в условиях труднопреодолимых северных территорий, усугубляемых деятельностью в зоне рискованного земледелия, как аргументе «кочевого» образа жизни, который было «бесмысленно контролировать», не приходится.

Вариантов «привязки» ясачных людей «к представителям господствующего слоя» для того, чтобы «легко управлять ими», было не так уж много: возможность менового обмена на невиданные в дальних местах товары да межкультурный обмен, носителями которого выступали те же «приписанные к классу угнетателей» служилые люди. Сборщики ясака, торговые, промышленные и другие «охочие» люди несли коренным народам своими действиями «привязки» иного характера: признание «воли Белого царя», установление ясачного режима, предусматривающего систему сбора налога с «новокрещенов» пушниной и другими податями, обязанность выполнять поручения воевод и казачьих атаманов, служилых людей, власть которых для них в улусах исходила из острожков, зимовий, казачьих постов и перевозах.

В очерченной нами «области фронта», где происходило непосредственное взаимодействие пришлых в XVII в. на северо-восток людей и коренных обитателей тех мест, возникала ещё одна нематериальная сила, заставляющая аборигенов подчиняться новым порядкам. Американские учёные Д. Норт, Д. Уоллис и Б. Вайнгаст, изучая систему принуждения к повиновению военной власти как «части логики естественного государства», определили, что «угроза насилия становится частью организации контроля фактического применения насилия» [11, с. 67–68]. Обозначенная нематериальная сила – «угроза насилия» в условиях ужесточения ясачного режима – быстро обращалась в материальную в случаях неповиновения улусных жителей растущим потребностям якутских воевод, требующих исполнения государева

заказа на пополнение казны и возмещения затрат самих сборщиков, присваивающих часть пушнины, невзирая на грозящие им санкции. Сложившаяся система «привязки» и «угроза насилием» в отношении коренного населения вкупе с ограниченными возможностями к миграции (массовому бегству) из-за природно-климатических особенностей территории, удалённости от центров принятия решений (воеводств) и близость к казачьим острожкам как местам силы являлись в том числе причинами подчинения новым колониальным порядкам.

Описываемые условия принятия коренными народами Северо-Востока Азии в XVII в. порядков, диктуемых Московским государством через своих представителей на местах, характерен стадии «ранней колонизации» присоединения новых территорий, сопровождаемой «созданием анклавов колонистов в автохтонной среде и начальной деятельностью по хозяйственному освоению этих территорий» [4, с. 34–35, 37].

Многочисленные исследования советских, а затем и российских исследователей упускают, на наш взгляд, немаловажный аспект, связанный с рефлексией якутов на появление русских людей на Средней Лене, в частности, похода мангазейских служилых людей под началом Пенды в начале 1620-х гг. При следовании из Туруханска до Тунгуски отряд Пенды не раз подвергался нападению тунгусов, но успешно отбивался от них, используя преимущество в огнестрельном оружии. На этом отрезке пути служилые построили 3 зимовья, где занимались соболиным промыслом и ожидали «открытия водного пути». Опасаясь, что на Лене-реке на отряд вновь могут напасть преследующие его тунгусы, Пенда все же «проехал по Лене до тех мест, где после был построен Якутск» [12, с. 94–102].

Почему отряд Пенды, ступивший на земли кангаласского князца Тыгына, создавшего, по мифологическим источникам, прообраз племенного протого-

сударства и являвшегося лидером якутских родов центральных ленских улусов, судя по преданию, пересказанному академиком А. П. Окладниковым, якуты встретили мирно? По какой причине воинственный род «Якутского “царя” Тыгына» [13, с. 188–210] позволил казакам двинуться дальше, проделать огромный путь в низовья р. Лены, вернуться обратно и отсюда направиться к месту своей постоянной дислокации в Туруханск? Отчего в 1630 г., 1631 г., т. е. спустя всего лишь несколько лет, после удививших якутов своими умениями в работе и «мудростью» русских (из отряда Пенды), они (или их соплеменники) уже подвергали вооружённому нападению острожек, построенный отрядом служилых людей под началом А. Добрынского и М. Васильева?

Безусловно, можно было бы сослаться на известное «северное гостеприимство», но это явно не тот случай, когда, зная толк в междоусобных столкновениях с конкурирующими за ресурсы с соседними родами «тыгынцы», дали спокойно передвигаться по своим землям вооружённому отряду русских служилых людей. Можно было бы взять во внимание пресловутое отсутствие «культурного превосходства» русских над коренными народами, которое было рассмотрено нами выше, и что оно помешало или не позволило им взяться за оружие и расправиться с пришлыми на их территорию с оружием людьми – носителями неведомой доселе европейской цивилизации.

Логика мирной встречи и межэтнической коммуникации в рамках образовавшегося на Ленской земле фронтального взаимодействия первых русских людей под командованием Пенды с якутскими воинами может говорить об отсутствии на тот момент коренных противоречий между столкнувшимися на берегах Лены-реки группами людей, не проявивших по отношению друг к другу недружественных намерений или об отсутствии у служилых специального задания – воеводской грамоты на приведение мест-

ных родов в «ясачное звание». Служилые люди не предприняли попыток призвать «иноземцев» в подданство русскому царю посредством оглашения «жалованного слова», как это было принято в сибирских походах конца XVI в., или привести их к шерти (присяге) – распространённому способу легитимации царской власти для народов Якутии XVII в. [19, с. 70–71]. В вариантах преданий, пересказанных А. П. Окладниковым, как в записанных со слов мангазейских казаков, так и по свидетельствам кангаласских якутов, о подобных посягательствах не сказано, а говорится лишь об их мирном общении, не нарушающим сложившийся между группами на тот момент статус-кво. В отсутствии документальных подтверждений можно допустить, что отряд Пенды либо не имел наказной грамоты с предписанием приводить «под высокую государеву руку» повстречавшихся им в пути «иноземцев», либо не решился этого сделать в силу явного перевеса сил якутской стороны.

Как русские служилые люди могли лишь догадываться об истинных масштабах открываемых ими пространств по другую сторону реки Лены, богатых разнообразными природными ресурсами, так и вожди кангаласских якутов не в полной мере оценивали последствия и опасности, исходящие от встречи с представителями иного цивилизационного миропорядка. «Пришли они неожиданно и так же неожиданно исчезли», – говорится в якутском предании о русских. Скорее всего, потрепанный в столкновениях с тунгусами отряд Пенды, пробиравшийся на земли якутов четвертый год подряд, не представлял из себя угрозы сплочённому дисциплиной и порядком роду Тыгына. «Эти новые люди, поразившие бесхитростного якутского вождя своим искусством работать и мудростью» [12, с. 188–210], не проявили себя как источник потенциальной опасности, «угрозы насилия», а, напротив, каким-то образом сумели продемонстрировать на-

выки трудолюбия: «искусство работать» и «мудрости», всегда высоко ценившиеся в людях в якутском народе. Можно определённо говорить о том, что команда Пенды представляла собой не столько вооружённую единицу, призванную любой ценой отыскать новые промыслы, сколько отряд первопроходцев, менталитет которых отличался от отчаянных и нахрапистых «пассионариев» «осмотрительностью, неторопливостью, деловитостью, степенностью»: «Им были свойственны совестливость, уживчивость и умение находить общий язык с представителями самых различных племён и народов» [8, с. 401–402].

По-видимому, русские и якуты при первой групповой встрече (отряд Пянды в начале похода насчитывал 40 человек) заключили между собой нечто вроде неформального институционального соглашения не применять оружие в пределах территориальной ответственности и власти «Якутского “царя” Тыгына», находили во взаимном общении ценности иного порядка, раздвигавшие границы первоначальных представлений о сопредельных с их ареалом обитания пространствах (фронтиров), обменивались знаниями о мироустройстве неведомых им доселе социумов.

Заключение

Применение теории фронтального концепта в исследовании процесса присоединения русскими служилыми людьми XVII в. земель на Северо-Востоке Азии позволяет раскрыть дополнительные области социально-культурного взаимодействия различных народов, объяснить побудительные мотивы, причины мирного или воинствующего отношения аборигенных племён к отрядам перво-

проходцев. В процессе межкультурного взаимодействия менялись не только «новокрещены», но и сами служилые люди, вынужденные приспосабливаться к суровым условиям якутской действительности. Строительство служилыми людьми и казаками острогов являлось показателем закрепления области фронта за новой властью, разделяющей с местными князьками ответственность за безопасность и хозяйственное состояние обрётённой территории. Скорость и масштабы первооткрывательских устремлений русских служилых людей создавали условия для образования своеобразных «перемещаемых» фронтиров, в рамках которых раз за разом, мирным путём или насильственными методами, создавались условия для налаживания порядка и хозяйственной жизни.

Служилые люди по прибору, рядовые казаки – выходцы из северных сибирских городов в социальном плане в силу ряда причин относились к бедным слоям русского общества и ментально были близки к местным народам. Коренное население Средней Лены в лице кангаласских якутов, повстречавших первый отряд русских под командованием Пянды, позволило немногочисленной группе вооружённых людей обследовать значительную территорию вдоль главной водной артерии фронта и не причинило им вреда. Мирный характер взаимодействия в рамках фронта изменялся на воинственный, как только пришедшие на якутские земли или земли других северных родов и племён люди обнаруживали намерения «угрозой насилия» изменить существовавшее в социальных группах равновесие или предъявляли права на сбор ясака и приведение неясачных народов в подданство русскому царю.

Дата поступления в редакцию 01.08.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахрушин С. В. Открытие Якутии русскими в XVII веке и присоединение ее к России // Якутия в XVII в. / под ред. С. В. Бахрушина, С. А. Токарева. Якутск: Кн. изд-во, 1953. 438 с.
2. Бахрушин С. В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. (исторический очерк) // Советский Север. 1929. № 1. С. 66–97.
3. Васильев Ф. Ф. Военное дело якутов. Якутск: Бичик, 1995. 224 с.
4. Вершинин Е. В. Ранняя колонизация Сибири в компаративном аспекте // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 2009. № 3. Вып. 2. С. 33–38.
5. Голубчиков Ю. Н. Сопоставление западноевропейского и русского колониационного процесса // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2023. Т. 2. № 12. С. 50–59.
6. Зуев А. С., Слугина В. А. Легитимация власти российского монарха над Сибирью и ее народами в конце XVI – начале XVIII вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 3. С. 340–352.
7. Как сегодня изучать фронтиры? Дискуссия по статье Д. В. Сеня / И. П. Басалаева, Э. Л. Дубман, Ю. А. Мизис, В. И. Мильчев и др. // Петербургские славянские и балканские исследования. 2020. № 1. С. 81–105.
8. Никитин Н. И. История казачества: аспекты научные и политические М.: Директ-Медиа, 2022. 488 с.
9. Никитин Н. И., Петров Ю. А. Русская колонизация Сибири и Америки: дискуссионные проблемы // Вестник Российской нации. 2012. № 4–5. С. 35–49.
10. Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск: Наука, 1988. 255 с.
11. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Уэланера и др. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. 480 с.
12. Окладников А. П. Пенда – забытый русский землепроходец XVII века // Летопись Севера. Вып. 1 / под ред. А. И. Андреева, В. Ю. Визе, А. В. Ефимова. М.–Л., 1949. С. 94–102.
13. Окладников А. П. Якутский «царь» Тыгын: легенды и действительность // Окладников А. П. Открытие Сибири. М.: Молодая гвардия, 1979. С. 188–210.
14. Полевой Б. П. Новое о Пянде // Сибирь периода феодализма. Вып. 2: Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. Новосибирск: Наука, 1965. С. 283–284.
15. Сафронов Ф. Г. Город Якутск в XVII–XIX вв. Якутск: Кн. изд-во, 1957. 72 с.
16. Сафронов Ф. Г. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М.: Наука, 1980. 142 с.
17. Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории / пер. с англ. А. И. Петренко. М.: Весь мир, 2009. 304 с.
18. Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII– начало XIX в.). Якутск: Кн. изд-во, 1978. 208 с.
19. Чертков А. С. Дискуссионные вопросы изучения процесса присоединения Северо-Востока Азии к Русскому государству в XVII – середине XIX веков // Клио. 2023. № 11. С. 67–74.
20. Шерстова Л. И. Концепция фронта и освоение русскими Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 217–222.

REFERENCES

1. Bakhrushin S. V. [Discovery of Yakutia by Russians in the 17th century and its annexation to Russia]. In: Bakhrushin S. V., Tokarev S. A., eds. *Yakutiya v XVII v.* [Yakutia in the 17th century]. Yakutsk: Book publishing house, 1953. 438 p.
2. Bakhrushin S. V. [Siberian natives under Russian rule before the revolution of 1917 (Historical sketch)]. In: *Sovetskiy Sever* [Soviet North], 1929, no. 1, pp. 66–97.
3. Vasiliev F. F. *Voyennoye delo yakutov* [Military affairs of the Yakuts]. Yakutsk, Bichik Publ., 1995. 224 p.
4. Vershinin E. V. [Early colonization of Siberia in a comparative aspect]. In: *Gumanitarnyye nauki v Sibiri. Seriya: Otechestvennaya istoriya* [Humanities in Siberia. Series: Domestic history], 2009, no. 3, iss. 2, pp. 33–38.

5. Golubchikov Yu. N. [Comparison of the Western European and Russian colonization process]. In: *Sotsialnaya integratsiya i razvitiye etnokultury v yevraziyskom prostranstve* [Social integration and development of ethnocultures in the Eurasian space], 2023, vol. 2, no. 12, pp. 50–59.
6. Zuev A. S., Slugina V. A. [The legitimacy of Tsarist authority over the peoples of Siberia in the late 16th to early 18th centuries]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History], 2021, vol. 20, no. 3, pp. 340–352.
7. Basalaeva I. P., Dubman E. L., Mizis Yu. A., Milchev V. I., et al. [How study the frontiers today? Discussion on the article by D. V. Senya]. In: *Peterburgskiy slavianskiy i balkanskiy issledovaniya* [Petersburg Slavic and Balkan Studies], 2020, no. 1, pp. 81–105.
8. Nikitin N. I. *Istoriya kazachestva: aspekty nauchnyye i politicheskiye* [History of the Cossacks: scientific and political aspects]. Moscow, Direct-Media Publ., 2022. 488 p.
9. Nikitin N. I., Petrov Yu. A. [Russian colonization of Siberia and America: controversial issues]. In: *Vestnik Rossiyskoy natsii* [Bulletin Russian nation], 2012, no. 4-5, pp. 35–49.
10. Nikitin N. I. *Sluzhilyye lyudi v ekonomike Sibiri XVII v.* [Service people in Western Siberia in the 17th century]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1988. 255 p.
11. North D., Wallis D., Weingast B. *Violence and social orders: a conceptual framework for interpreting the written history of mankind* (Rus. ed.: Ulanera D. et al, trans. *Nasiliye i sotsialnyye poryadki: kontseptualnyye ramki dlya traditsionnoy pis'mennoy istorii chelovechestva*). Moscow, Izd-vo Instituta Gaidara Publ., 2011. 480 p.)
12. Okladnikov A. P. [Penda – a forgotten Russian explorer of the 17th century]. In: Andreeva A. I., Wiese V. Yu., Efimova A. V., eds. *Letopis Severa. Vyp. 1* [Chronicle of the North. Vol. 1]. Moscow-Leningrad, 1949, pp. 94–102.
13. Okladnikov A. P. [Yakut “Tsar” Tygyn: legends and reality]. In: Okladnikov A. P. *Otkrytiye Sibiri* [Discovery of Siberia]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1979, pp. 188–210.
14. Polevoy B. P. [New about Pyanda]. In: *Sibirskiy period feodalizma. Vyp. 2: Ekonomika, upravleniye i kul'tura Sibiri XVI–XIX vv.* [Siberia during the period of feudalism. Issue 2: Economy, management and culture of Siberia of the 16th–19th centuries]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1965, pp. 283–284.
15. Safronov F. G. *Gorod Yakutsk v XVII–XIX vv.* [The city of Yakutsk in the 17th–19th centuries]. Yakutsk, Kn. izd-vo Publ., 1957. 72 p.
16. Safronov F. G. *Russkiye promysly i torgi na severo-vostoke Azii v XVII – seredine XIX v.* [Russian crafts and trades in the north-east of Asia in the 17th – mid-19th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 142 p.
17. Turner F. J. *Frontier in American History* (Rus. ed.: Petrenko A. I., transl. *Frontir v amerikanskoj istorii*). Moscow, Ves Mir Publ., 2009. 304 p.)
18. Fedorov M. M. *Pravovoye nachalo narodov Vostochnoy Sibiri (XVII–XIX vv.)* [Legal Status of the Peoples of Eastern Siberia (17th – early 19th centuries)]. Yakutsk, Kn. izd-vo Publ., 1978. 208 p.
19. Chertkov A. S. [Controversial issues in studying the process of annexation of North-East Asia to the Russian state in the 17th – mid-19th centuries]. In: *Klio* [Clio], 2023, no. 11, pp. 67–74.
20. Sherstova L. I. [The concept of the frontier and the development of Siberia by Russians]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2018, no. 426, pp. 217–222.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чертков Алексей Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры стратегических коммуникаций и государственного управления Дипломатической академии МИД России
e-mail: alexchertkov@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey S. Chertkov – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Strategic Communications and Public Administration, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia;
e-mail: alexchertkov@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чертков А. С. Присоединение Ленского края к русскому государству служилыми людьми в XVII веке в концепте фронтального пространства // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 4. С. 44–58.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-4-44-58

FOR CITATION

Chertkov A. S. The annexation of the Lena region to the Russian state by service people in the 17th century in the concept of frontier space. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 4, pp. 44–58.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-4-44-58

УДК 353.2(571.53)(091)

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-4-59-70

«РОССИЯ – ПАРЛАМЕНТСКАЯ СТРАНА, НАЧИНАЮЩАЯ НОВУЮ, СВОЕОБРАЗНУЮ ЭПОХУ»: УЧАСТИЕ ДУХОВЕНСТВА В ВЫБОРАХ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ИРКУТСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА)

Кружалина А. А.

*Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проанализировать общественно-политическую активность духовенства в период думского парламентаризма на материалах территорий Иркутского генерал-губернаторства (1906–1912 гг.).

Процедура и методы. Исследователем выявлены, изучены и проанализированы документы региональных и федеральных архивов, характеризующие избирательный процесс в регионе. Также анализировались материалы периодической печати, освещающие ход избирательного процесса и его особенности. Прежде всего, это Енисейские, Иркутские и Забайкальские «епархиальные ведомости», а также материалы частной периодической печати. Исследование основывается на историко-сравнительном и историко-биографическом методах.

Результаты. Автором выявлены основные модели «околодумской» активности регионального духовенства в указанный период. Осуществлён анализ типологических особенностей коммуникации духовенства с прихожанами как потенциальными участниками избирательного процесса. Обоснована дифференциация моделей вовлечённости регионального духовенства в общественно-политические процессы, что, с одной стороны, проявилось в популяризации ими идеи парламентского диалога с властью, а с другой – сподвигло представителей данного социального слоя к членству и активному участию в деятельности политических организаций левого толка.

Теоретическая и/или практическая значимость. Автор вводит в научный оборот архивные источники, в которых характеризуются идейно-политические воззрения регионального духовенства, а также тактико-стратегические особенности выстраивания взаимоотношений с политическими оппонентами. Исследование обобщает и концептуализирует проблему участия регионального духовенства в избирательном процессе.

Ключевые слова: духовенство, Сибирь, депутаты, Государственная дума, Иркутская губерния, Енисейская губерния, XX век

"RUSSIA IS A PARLIAMENTARY COUNTRY STARTING A NEW PECULIAR ERA»: PARTICIPATION OF THE CLERGY IN THE ELECTIONS OF DEPUTIES OF THE STATE DUMA (BASED ON THE MATERIALS OF THE IRKUTSK GOVERNOR-GENERALSHIP)

A. Kruzhalina

*Irkutsk State University,
ul. K. Marksa 1, Irkutsk 664003, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze the social and political activity of the clergy during the period of Duma parliamentarism on the materials of the territories of the Irkutsk Governor-General (1906–1912).

Methodology. The researcher identified, studied and analyzed documents from regional and federal archives characterizing the electoral process in the region. The research also involved periodical materials covering the course of the electoral process and its features. First of all, these are the Yenisei, Irkutsk and Trans-Baikal “diocesan gazettes”, as well as materials from private periodicals. The research is based on historical-comparative and historical-biographical methods.

Results. The author identifies the main models of the “near-Duma” activity of the regional clergy in the specified period. The analysis of the typological features of the clergy’s communication with parishioners as potential participants in the electoral process is carried out. The differentiation of models of involvement of regional clergy in social-political processes is substantiated, which, on the one hand, manifested itself in their popularization of the idea of parliamentary dialogue with the authorities, and on the other, encouraged representatives of this social stratum to membership and active participation in the activities of left-wing political organizations.

Research implications. The author introduces into scientific circulation archival sources which characterize the ideological and political views of the regional clergy, as well as the tactical and strategic features of building relationships with political opponents. The study summarizes and conceptualizes the problem of the participation of regional clergy in the electoral process.

Keywords: Clergy, Siberia, deputies, State Duma, Irkutsk province, Yenisei province, twentieth century

Введение

Положение о выборах в Государственную Думу от 6 августа 1905 г.¹ продемонстрировало попытку достижения социального баланса при формировании нижней палаты парламента. Различные социальные группы активно включились в предвыборную кампанию. Духовенство не стало исключением.

Цель данной статьи – проанализировать общественно-политическую активность духовенства в период думского

парламентаризма на материалах территорий Иркутского генерал-губернаторства.

Особенности правового регулирования избирательного процесса и его реализация на территории Сибирских губерний освещались в публикациях сибирских учёных М. В. Шиловского [11] и Ю. П. Родионова [8]. Российские исследователи неоднократно анализировали опыт представительства духовенства в парламенте, их организационное единство по реализации различных парламентских инициатив [2; 3; 4]. Кроме того, серия статей посвящена биографиям отдельных депутатов от духовенства [10], в т. ч. депутата II Государственной думы от Енисейской губернии, священника

¹ Высочайше утвержденное положение о выборах в Государственную Думу 1905 года, августа 6 // Конституция РФ: [сайт]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5213/?ysclid=m2sx8lj4c240275004> (дата обращения: 24.05.2024).

А. И. Бриллиантова [5; 6]. Однако участие восточносибирского духовенства в избирательном процессе не становилось предметом полноценных самостоятельных исследований и не анализировалось в общем контексте развития парламентаризма в Российской империи.

Источниковую базу исследования составляют архивные материалы, характеризующие избирательный процесс на территории Иркутского генерал-губернаторства в 1906–1912 гг. Также в процессе исследования привлекались материалы периодической печати, освещающие ход избирательного процесса в регионе. Прежде всего, это Енисейские, Иркутские и Забайкальские «епархиальные ведомости», а также материалы частной периодической печати.

Исследование основывается на историко-сравнительном и историко-биографическом методах, позволяющих выявить и охарактеризовать этапы участия регионального духовенства в избирательных кампаниях начала XX столетия, а также проанализировать многообразие моделей политического участия последних.

Выборы в «Думу народного гнева»

27 апреля 1906 г. начала свою работу Государственная дума Российской империи I созыва. Её открытие сопровождалось приветственными отзовами представителей различных слоёв населения. Начало эры парламентаризма с воодушевлением встретила не только либерально-настроенная интеллигенция. Духовенство, априори настроенное консервативно-охранительно, также отреагировало приветственными статьями. «Енисейские епархиальные ведомости» публиковали «Речь в Кафедральном собрании 27.04.1906», в которой приветствовался день «начала творческой активной работы свободно избранных представителей русского народа в открывающемся представительном учреждении», а также указывалось на начало новой главы в

истории: «Россия свободная, парламентская страна!»¹.

Духовенство Восточной Сибири активно включилось в избирательный процесс. При этом политическая ориентация его представителей была весьма разнообразна: от крайне правых до крайне левых. Формирование списков городских избирателей, при условии отсутствия в Сибири съездов землевладельцев, являлось первым фильтром на пути в депутатское кресло. На территории Иркутского генерал-губернаторства позиции правых были весьма слабы, однако это не исключало попыток последних повлиять на содержание избирательных списков. Так председатель Красноярского отдела «Союза русского народа», священник Варсанофий Захаров 22 декабря 1906 г. обратился в Красноярскую уездную избирательную комиссию с инициативой по проверке прав лиц, внесённых городской управой в избирательные списки, с просьбой пересмотра последних².

Перед этим региональный отдел «Союза» под руководством В. Захарова сформировал собственную комиссию «в связи с данными добытыми путём непосредственного осведомления о цензовом положении и состоянии», в результате работы которой «оказалось, что списки избирательные составлены неполно, небрежно и видимо без надлежащей правки»³. В подтверждении работы, проделанной комиссией, прилагался пространный список на 8 листах⁴, в котором перечислялись лица, ошибочно внесённые в списки⁵. В списке упоминались ссыльные, лица несоответствующие цензу, не достигшие 25 лет, ошибочно упомянутые несколько раз, а также умершие и казнённые.

¹ Священник Илья Фокин. К открытию Государственной думы // Енисейские епархиальные ведомости. 1906. № 10. С. 366.

² ГАКК. Ф. 158. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–2.

³ ГАКК. Ф. 158. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

⁴ с двух сторон

⁵ ГАКК. Ф. 158. Оп. 1. Д. 3. Л. 3–10 об.

В ответ на запрос избирательной комиссии о корректности составленных списков Красноярская городская управа сообщила, что «более точных сведений получить она не имела возможности, особенно принимая во внимание поспешность¹ составления списков и особое положение г. Красноярска, имеющего своими жителями значительный контингент ссыльных и лишённых прав состояния или в них ограниченных»².

Принимая во внимание тот факт, что участие последних в выборах нежелательно и противозаконно Управа предлагала «широко опубликовать как те условия, которые дают право быть выборщиком, так и ту ответственность перед законом того лица, которое примет участие в выборах, не имея на это право»³. В конечном итоге выборщиками от города Красноярска были определены В. А. Караулов и В. М. Крутовский, обогнавшие Захарова по числу голосов⁴.

Красноярское городское избирательное собрание по выборам депутатов II созыва Государственной Думы завершилось избранием выборщиками И. К. Юдина (440 голосов) и Ф. М. Никитина (391 голос), обогнавших инициатора проверки избирательных списков в период первых выборов священника В. Е. Захарова (набравшего 293 голоса)⁵. Однако позднее Никитин был отстранен от участия как не подтвердивший ценз, в связи с чем выборщиком стал В. Е. Захаров на основании решения Енисейской губернской избирательной комиссии⁶.

На губернском избирательном собрании В. Е. Захаров кандидатом в депутаты выдвинут не был. Тем не менее он проявлял большой интерес к исходу выборов, а избрание депутата «по жребию» и вовсе возмутило последнего, в результате чего

он подал жалобу в губернскую избирательную комиссию. Суть претензий состояла в том, что «решать такой важный вопрос механически нет оснований», а потому Захаров счёл, что была необходима перебаллотировка⁷. Жалоба осталась без удовлетворения, а председатель губернской избирательной комиссии П. К. Гудкова разъяснил, что решение определить победителя по жребию было принято в соответствии со ст. 113, 114 и 116 «Положения о выборах», регламентирующие избрание выборщиков⁸.

Среди депутатов Государственной думы первых двух созывов оказалось очень много левых. Из-за этого, а вернее из-за представленных ими радикальных проектов решения многих государственных проблем, в т. ч. аграрного вопроса, Думы были так стремительно распущены. Органичное встраивание церковного причта в государственный аппарат к рассматриваемому периоду уже завершилось [1]. Поэтому неудивительно, что представители духовенства стремились всячески содействовать сохранению сложившегося порядка, содействуя формированию парламента из представителей право-монархических сил.

Ещё 12 декабря 1906 г. был обнародован Указ Святейшего Синода о проведении священниками молебнов и разъяснений о необходимости «крепко стоять за родину, за веру и за царя». Общественность остро отреагировала на произошедшее. Например, «Вестник Европы» усмотрел в этом попытку искусственно вывести вперёд правые партии, однако, отмечая, что сама по себе предвыборная деятельность духовенства вряд ли сможет оказать существенное влияние на итог выборов, прежде всего, ввиду ограниченного влияния священников на прихожан⁹. Результаты двух первых выборов подтвердили этот тезис.

¹ Речь идёт о выборах в I Государственную Думу

² ГАКК. Ф. 158. Оп. 1. Д. 3. Л. 15.

³ ГАКК. Ф. 158. Оп. 1. Д. 3. Л. 15 об.

⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 63. Л. 34.

⁵ ГАКК. Ф. 158. Оп. 1. Д. 9. Л. 16 об.

⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 630. Л. 2–4 об.

⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 630. Л. 26–26 об.

⁸ РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 630. Л. 28–28 об.

⁹ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1907. Кн. I. С. 359–360.

Тем не менее епархиальная печать с самого начала избирательного процесса предпринимала попытки повлиять на предпочтения избирателей и общественное мнение о Государственной думе. «Енисейские епархиальные ведомости» в 1906 г. усматривали в создании парламента возможность разрушить «глухую стену чиновничьего средостения, которая отделяла за последние периоды русского царя от русского народа»¹. Принимая во внимание тот факт, что парламент начал свою работу в революционный период «тяжёлого исторического кризиса, переходной эпохи» автор статьи, священник И. Фокин, указывал на «громадную ответственность», возложенную на плечи «русского народа и его избранников» и призывал к «продуктивному созидательному труду на пользу обнищавшей и расстроенной страны – России» для «врачевания народно-государственных многочисленных язв»².

«Ослушавшиеся»

Не все священники следовали указанию Синода. Пример Гапона тому яркое подтверждение. В донесении Верхоленского полицейского управления Иркутской губернии Иркутскому губернатору от 10 января 1906 г. указывается на факт учреждения в декабре 1905 г. в Верхоленске некоего Комитета, принявшего программу Всероссийского крестьянского союза³. Среди учредителей комитета называются: председатель – Верхоленский сельский староста Тюменцев, секретарь – дьякон Верхоленской церкви Канопатский. В основу создания союза легли «публичные чтения политического характера», устраиваемые учителем городского училища И. Х. Петелиным, на которых также присутствовал, среди прочих, свя-

щенни А. Успенский⁴. К началу 1906 г. союз насчитывал до 150 лиц. Петелин и Свистунов привезли из Иркутска книги и брошюры на 80 руб., а дьякон Канопатский и священник Успенский ездили по окрестным сёлам, склоняя крестьян присоединиться к ним. Также велась переписка с другими волостями с целью обнаружить в них приверженцев союза⁵.

И если легальная политическая карьера последних не состоялась, то некоторые их единомышленники смогли даже получить статус парламентария. Так в Государственную Думу II созыва от Енисейской губернии был избран Минусинский священник Александр Иванович Бриллиантов. Окончив Томскую духовную семинарию в 1890 г., он 12 лет служил священником в с. Еловское Красноярского уезда, откуда был переведён в г. Минусинск. В 1906 г. на проводках Ермолаева, депутата I созыва Государственной думы от Енисейской губернии, Бриллиантов напутствовал последнего словами: «иди и борись за те свободы, которые нам дарованы, о чём я тебя прошу от лица своей паствы и земно кланяюсь»⁶. Неудивительно, что Губернское избирательное собрание по выборам депутатов от Енисейской губернии во II созыв Государственной думы завершилось.

Документы Енисейского губернского управления иллюстрируют участие Бриллиантова⁷ в думской избирательной кампании. Протокол заявлений уполномоченных от волостей В. Н. Бычкова, Т. В. Миронова, К. Т. Бездворных и А. А. Коловского от 12 февраля 1907 г.⁸ сообщает, что в Минусинском уезде избрание выборщиков всецело зависело от крестьян – членов Минусинского Крестьянского союза. Накануне выборов они

¹ Священник Илья Фокин. К открытию Государственной думы // Енисейские епархиальные ведомости. 1906. № 10. С. 366.

² Там же. С. 367–368.

³ ГАИО. Ф. 242. Оп. 1. Д. 129. Л. 1 об.

⁴ Там же. Л. 1–1 об.

⁵ Там же. Л. 1 об.

⁶ ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 70–25. Л. 465–465 об.

⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1278. Оп. 1 (2-й созыв). Д. 630. Л. 13.

⁸ ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 70–25. Л. 301 об.

собирались у Бриллиантова для решения вопроса о желательных выборщиках¹.

Сам Бриллиантов был избран выборщиком от городских избирателей Минусинска². Бриллиантов являлся лидером группы минусинских выборщиков и пользовался в городе популярностью и «слыл за умственно-развитого священника»³. Минусинские выборщики составляли относительное большинство в губернском избирательном собрании. По свидетельству Енисейского губернатора, они даже договорились с представителями других уездов, что одно депутатское место достанется последним, если те поддержат кандидатуру Бриллиантова⁴.

В Думе Бриллиантов проявил себя как активный член партии эсеров, выступавший против издевательств над политическими ссыльными и заключёнными, а также за радикальное решение аграрного вопроса по сценарию трудовиков.

14 мая 1907 г., после заседания Думы от 7 мая, на котором рассматривался вопрос о заговоре против императора, вместе с другими представителями духовенства в парламенте, не явившимися на указанное заседание (трудовиками А. В. Архиповым, А. И. Гриневичем, Ф. В. Тихвинским и кадетом К. А. Колокольниковым) Бриллиантов был вызван к митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Антонию. После объявления указа Святейшего Синода⁵ от 12 мая, на основании которого они под угрозой лишения сана в срок до 18 мая должны были выйти из состава своих партий и объявить об этом публично, им следовало присоединиться к монархистам либо октябристам и беспартийным⁶. Однако

требования митрополита Бриллиантов проигнорировал.

В соответствии с решением № 227 Енисейского епархиального управления от 18 июня – 21 июля 1907 г. священник А. И. Бриллиантов был лишён сана⁷. Согласно документу события развивались следующим образом: 19 мая Синод, собравшийся по указу императора, вынес запрет в служении А. В. Архипову, А. И. Бриллиантову и Ф. В. Тихвинскому⁸; 13 августа 1907 г. об этом решении «с отобранием подписки не именоваться более священником и не носить присвоенную сему сану одежду» было объявлено Бриллиантову⁹.

Несмотря на то, что к тому времени Государственная дума II созыва уже сложила свои полномочия, преследования оппозиционного священника не прекратились. Полиция инкриминировала Бриллиантову то, что во время его проводов в Петербург после избрания депутатом в Минусинске была устроена демонстрация с красным флагом и пением революционных песен. Осенью 1907 г. в Томске, где к тому моменту находился Бриллиантов с семьёй, жандармы по просьбе своих Енисейский коллег произвели обыск и арест¹⁰.

Далее Бриллиантова выслали в Уфу по причине «вредного его направления и агитационной деятельности», согласно постановлению временного томского губернатора от 31 октября 1907 г., с воспрещением жительства в пределах Томской губернии на время военного положения и положения о чрезвычайной и усиленной охране¹¹. 7 января 1908 г. из Санкт-Петербурга в Уфу телеграфировали о том, что Бриллиантов подлежит освобождению¹².

¹ ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 70-25. Л. 349.

² ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 70-25. Л. 465–465 об.

³ ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 70-25. Л. 465.

⁴ ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 4581. Л. 1–3.

⁵ Заседание которого было проведено специально для рассмотрения обстоятельств дела последних, по повелению императора.

⁶ Определение Св. Синода о священниках – левых депутатах // Гражданин. 1907. 17 мая.

⁷ ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 4581. Л. 3.

⁸ Определения Святейшего Синода // Церковные ведомости. 1907. 28 июля.

⁹ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1721. Л. 7–7 об.

¹⁰ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1721. Л. 8–8 об.

¹¹ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1721. Л. 21.

¹² ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1721. Л. 22.

В Уфе Бриллиантов начал активно сотрудничать с местными эсерами. Известно, что он редактировал газету «Земля и воля», а также был избран уфимским городским головой¹. Уже в 1917 г. вошёл в состав Уфимской группы левых эсеров, насчитывавшей порядка 12–15 человек². Являлся членом губернского исполкома Совета крестьянских депутатов, а вскоре даже стал членом Учредительного собрания. Уже 19 января 1918 г. Бриллиантов вошёл в состав первого советского правительства в качестве наркома «без портфеля» с правом решающего голоса, работал в коллегии Наркомата финансов [7, с. 449]. Отрицательно отнёсся к подписанию Брестского мира, из-за чего вместе с остальными левыми эсерами покинул правительство и вернулся в Уфу. Местные чекисты характеризовали его как «организатора», вследствие чего он неоднократно подвергался репрессиям. В 1932 г. находился в исправительно-трудовом лагере на р. Свирь³. Дальнейшие следы священника-революционера теряются. Скончался, предположительно в 1937 г. в ГУЛАГе.

«Поповская дума»

Успех левых партий на выборах в 3 первых созыва Думы на территории Иркутского генерал-губернаторства встревожил региональное духовенство. Поэтому на страницах епархиальных изданий стали появляться публикации, адресованные к представителям духовенства и пастве с призывами «отнестись к обязанности избирателей со всяким усердием»⁴, «чтобы дать России будущую Государственную думу работоспособную,

преданную государю и своему народу»⁵. В атмосфере полного равнодушия избирателей к предвыборной кампании добиться этого было не просто.

Кроме того, министерство внутренних дел старательно прилагало усилия к тому, чтобы по всей империи представители духовенства приняли активное участие в выборах в качестве выборщиков и даже потенциальных депутатов. Епархии были проинструктированы, духовенство мобилизовано. Однако «Поповская» дума не состоялась. Исследователь К. Соловьев указывает на то, что изначально правительство планировало предоставить депутатские мандаты порядка 200 представителей духовенства. Но повсеместно воспротивилось этому дворянство. Его резкий протест вынудил правительство отступить, а император с ними согласился [9, с. 140–141].

Сибирские губернии не знали организованной дворянской оппозиции, поэтому тут ситуация разворачивалась особым образом. 1 июня 1912 г., т. е. за 5 месяцев до выборов в Думу, «Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям» оказались во многом посвящены предстоящей кампании. В них содержится слово архимандрита Евгения «об обязанностях христианина как члена государства»⁶, в котором указывается на то, что «каждый из нас должен с любовью и самоотверженьем служить общему благу», «стараясь облегчить тот государственный и христианский подвиг, который несёт на себе царственный крестоносец»⁷. Также в номере представ-

¹ Партия левых социалистов-революционеров: Документы и материалы. 1917–1925 гг.: В 3 т. М., 2000. Т. 1. С. 801.

² Там же. С. 269–270.

³ Бриллиантов А. И. // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: энциклопедия / редкол. В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2008. С. 67–68.

⁴ Известия из церковно-общественной жизни // Енисейские епархиальные ведомости. 1912. № 14. С. 28.

⁵ Н. Гумилин, В. Куприянов, А. Троицкий. К выборам в IV-ю Государственную Думу // Забайкальские епархиальные ведомости. 1912. № 5. С. 125.

⁶ Евгений (Зернов, архимандрит). Слово в день рождения благочестивого Государя Императора Николая Александровича об обязанностях христианина как члена государства // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1912. № 11. С. 297–301.

⁷ Евгений (Зернов; архимандрит). Слово в день рождения благочестивого Государя Императора Николая Александровича об обязанностях христианина как члена государства // Прибавления к

лены: речь некоего иерея об участии иркутского духовенства в выборах в IV Государственную думу и извлечение из Положения о выборах в Государственную думу с положениями, применяемыми на территории Иркутской губернии, и, наконец, воззвание, провозглашающее создание «Союза православных приходов» для ведения предвыборной кампании и «избрания нового депутата в IV Государственную думу»¹.

В воззвании от лица Иркутской епархии указывается на важность выборов в Государственную думу и их значимость для общественной жизни. Кроме того, автор констатирует, что в предыдущие созывы жителям Иркутской губернии не удалось «выбрать самого лучшего, надёжного, самого сведущего и опытного, умеющего постоять за своё дело кандидата»². Автор воззвания недоволен избранием от Иркутска по жребию «врача-еврея»³, «тункинского торговца-скотогона»⁴ и «народного учителя»⁵, который «сам открыто заявлял о себе, что он идёт в Государственную думу не дело делать, а чтобы использовать думскую трибуну в пользу агитации против правительства, значит, только мешать, противодействовать и бесцельно раздражать правительство»⁶. Причины проникновения «недостойных кандидатов» в парламент автор видит в партийности и заявляет о необходимости создания группы, которая могла бы помочь надёжнейшему кандидату организовывать мероприятия, собрания, сбор предложений, предварительные голосования, но которая не являлась бы партией. Именно таким органом должны были стать «Союз православных приходов» и

приходские союзы в уездах и волостях губернии.

В воззвании также предлагаются критерии отбора надёжного кандидата: тот должен быть «природный русский гражданин» (мусульмане, язычники и евреи, по их мнению, должны избираться только от тех курий, где эти группы являются большинством), разбираться в государственных делах и не быть «противником Царю». К участию в приходских союзах призывались русские православные граждане, которым «по совести и сердцу близки и дороги» православная вера, русский народ, Родина и Царь, который «сам же дал нам великие права народного представительства»⁷.

Журнал «Сибирские вопросы», комментируя проявленное духовенством рвение, с которым последние стремились организовать «предвыборную агитацию с церковного амвона»⁸, указывал на старания иркутского архиепископа Серафима, метившего в депутаты и стремившегося «к самим выборам приготовить голоса за «своего» кандидата»⁹. Принимая во внимание немногочисленность депутатских мандатов, предоставляемых Сибирским губерниям столичный журнал справедливо замечает, что у Сибирского духовенства в связи с этим сформировались общественно-политические цели, отличные от установок их «коллег» в Европейской России. Если последние сосредоточены на стремлении провести в Думу представителя из своей среды, то сибирское духовенство «мирится на представителя из мирян, лишь бы он был правых убеждений»¹⁰.

Для обеспечения реализации этой цели и был создан «союз приходов», объединивший духовенство «сверху до низу в одно компактное целое, послушно по-

Иркутским епархиальным ведомостям. 1912. № 11. С. 300.

¹ Воззвание // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1912. № 11. С. 315–319.

² Там же. С. 316.

³ В. Е. Мандельберг

⁴ К. И. Иванов

⁵ Т. О. Белоусов

⁶ Воззвание // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1912. № 11. С. 317.

⁷ Воззвание // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1912. № 11. С. 318–319.

⁸ Духовенство на выборах и дома // Сибирские вопросы. 1912. № 21. С. 7.

⁹ Там же. С. 8.

¹⁰ Там же. С. 9.

литически выступающее»¹. В атмосфере всеобщего недоверия к Думе и избирательному процессу вообще, возникших вследствие нерешённости ключевых сибирских проблем предыдущими созывами парламента Российской империи, духовенство пыталось заполнить возникшие лакуны как сила, противостоящая избирателю, уклоняющемуся от выполнения своих гражданских обязанностей². Однако «под конец избиратель не только устал, он перестал надеяться. ...«Клубок вопросов» не распутался, а запутался ещё больше, и все вопросы – либо острые, либо большие»³.

Возникает справедливый вопрос: так ли высок авторитет регионального духовенства? Ведь результаты его политических усилий по оказанию влияния на итоги избирательного процесса будут всецело зависеть от «той роли, которую играет духовенство в повседневной жизни населения, от того значения, каким пользуется оно на местах»⁴. И «Сибирские вопросы» рисуют отнюдь не утешительный для последних ответ на данный вопрос, указывая среди прочего на «служебную зависимость» и «политическую бесформенность» духовенства, навязчивые попытки установить «неотступный надзор» за выборщиками с целью обеспечения политической благонадёжности их выбора⁵. В результате этого наметился повсеместно увеличивающийся распад «добрых» отношений между священниками и населением, в особенности сельским, где священник зачастую остаётся изолированным от хозяйственно-бытовых моделей социальных коммуникаций⁶.

Стремясь воспрепятствовать избранию в парламент депутатов левой политической ориентации, региональное

духовенство прибегало не только к искусству проповеди через личное общение с избирателями и диалог на страницах епархиальных изданий. Использовались и вполне бюрократические методы. Так, председатель Балаганского уездного предвыборного комитета «Союза православных приходов», настоятель Балаганского Спасского собора протоирей Дмитрий Ивейский 21 августа 1912 г. обратился к Балаганскому городскому старшине с жалобой на якобы неверное включение Т. О. Белоусова⁷ в избирательные списки по г. Балаганску⁸. Ивейский в жалобе указывал на имущественный ценз, на основании которого Белоусов значился в списках. При этом купленный Белоусовым у мещанина Щербакова дом, по свидетельству жалобщика, принадлежал городу, т. к. Щербаков «на владение земельным участком под этим домом никаких нотариальных документов не имел и не имеет»⁹. Ивейский задаётся вопросом: производил ли Белоусов уплату государственных и городских налогов за соответствующее имущество? Оформлено ли право на аренду участка завещанием? На основании вышеизложенного жалобщик требует разобраться в законности включения Белоусова в списки избирателей депутата Государственной думы IV созыва и уведомить его о результатах рассмотрения вопроса¹⁰.

Однако городской старшина отписал на жалобе, что вопросы некорректности включения избирателей в списки рассматриваются в Балаганской уездной по выборам комиссии. О чём распорядился уведомить комиссию и протоирея Д. Ивейского 24 августа¹¹. Неизвестно, подавал ли последний жалобу непосред-

¹ Духовенство на выборах и дома // Сибирские вопросы. 1912. № 21. С. 9.

² Там же.

³ Там же. С. 31–32.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Духовенство на выборах и дома // Сибирские вопросы. 1912. № 21. С. 10–11.

⁶ Там же. С. 12.

⁷ Т. О. Белоусов представлял Иркутскую губернию в III созыве Государственной думы. Был активным членом социал-демократической фракции, однако в феврале 1912 г. вышел из неё, продолжив работать в Думе в статусе беспартийного.

⁸ ГАИО. Ф, 421. Оп. 1. Д. 9. Л. 27–27 об.

⁹ Там же. Л. 27.

¹⁰ Там же. Л. 27 об.

¹¹ Там же. Л. 28.

ственно в комиссию. Но Балаганское уездное избирательное собрание было признано 6 октября 1912 г. уездной комиссией несостоявшимся, т. к. баллотированный кандидат Д. И. Середкин набрал менее половины голосов (95)¹. Однако Иркутская губернская комиссия аннулировала отмену избрания выборщика, указывая на факт производства выборов «посредством подачи записок», что, в свою очередь, позволяет считать избранным лицо, «получившее наибольшее число голосов, хотя бы оно и не достигло половины числа участвовавших»².

Что касается Т. О. Белоусова, то после сложения депутатских полномочий парламентария III созыва он отошёл от политических дел, какое-то время жил в Санкт-Петербурге, что даже стало основанием к осуществлению полицейского надзора за ним. При том, что партию Белоусов скандально покинул ещё в феврале, в ноябре 1912 г., уже накануне открытия заседаний Государственной думы IV созыва, начальник отделения по охране общественной безопасности и порядка в столице сообщал в департамент полиции о том, что из бывших членов социал-демократической фракции III Думы в городе «значатся на жительство» 4 человека, в т. ч. и Т. О. Белоусов³.

В целом на территории Иркутского генерал-губернаторства избирательная кампания в IV созыв Думы прошла рутинно и даже вяло. Пресса отмечает лишь несколько ярких эпизодов, среди которых, например, отметившийся в Енисейской губернии «Союз русского народа» и их деятельный и энергичный лидер – священник В. Захаров. Кроме того, «проезд Восторгова подогрел энергию местных союзников и священников, и начались учащённые собрания первых и частые съезды последних»⁴, но не более того.

«Втихомолку велась энергичная и усиленная агитация по окраинам города, среди мещан, среди мелких торговцев и проч.» в пользу лидера «Союза русских людей» В. Захарова и мирового судьи Л. Терских⁵. 30 сентября городское избирательное собрание Красноярска завершилось избранием выборщиками присяжного поверенного, кадета П. И. Кускова (1429 голосов) и бухгалтера, социал-демократа Н. П. Патлых (862 голоса); Захаров и Терских потерпели полное поражение⁶.

Заключение

Таким образом, на территории Иркутского генерал-губернаторства православное духовенство приняло активное участие в избирательном процессе в период выборов депутатов Государственной думы (1906–1912 гг.). С одной стороны, следуя «указаниям» Синода, а также ревностно претворяя в жизнь установки «Теории официальной народности», представители данного сословия стремились обеспечить «политическую лояльность» избираемых от региона парламентариев, воздействуя на избирателей через проповеди, речи, публикации в епархиальных изданиях. Делать это зачастую приходилось в «атмосфере вражды и подозрительности»⁷, сформировавшейся как накопительный эффект вследствие идеологической ангажированности духовенства властями, а также в силу особенностей социально-экономических моделей коммуникации пастыря с паствой: денежные поборы за осуществление таинств, хозяйственно-бытовая изолированность и т. п.

С другой стороны, провинциальное приходское духовенство, как никакой другой социальный слой, было близко к простому народу, «из первых уст» узнавало его чаяния и проблемы. Последнее мотивировало отдельных представите-

¹ ГАИО. Ф. 421. Оп. 1. Д. 9. Л. 88–88 об.

² Там же. Л. 109–109 об.

³ ГАРФ. ДП. ОО. 1912. Д. 307. Л. 293.

⁴ Выборная кампания (Письмо из Красноярска) // Сибирские вопросы. 1912. № 25. С. 66.

⁵ Там же. С. 68.

⁶ Там же. С. 69.

⁷ Духовенство на выборах и дома // Сибирские вопросы. 1912. № 21. С. 14.

лей сословия, например, священника Минусинского уезда Енисейской губернии А. И. Бриллиантова, присоединяться к политической оппозиции, добиваясь решения выявленных при общении с паствой проблем не только в ходе парламентских дискуссий, но и революционной антиправительственной деятельности.

В целом же появление в Российской империи органов парламентского управления региональное духовенство встретило позитивно, приветствуя дарованное императором начало «новой эры» политического развития станы и активно сосредоточившись на популяризации идеи парламентского диалога с властью.

Дата поступления в редакцию 29.05.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев И. А. О государственной службе православного духовенства в Российской Империи (1900–1917) // Правоведение. 2008. № 3. С. 193–199.
2. Васильев И. А. Православное духовенство в I Государственной думе Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. 2012. Вып. 2. С. 3–8.
3. Калюжная О. В. Православные священники во II Государственной Думе Российской империи // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 1. С. 22–32.
4. Калюжная О. В. Русская православная церковь и выборы в I и II Государственные думы (по материалам журнала «Вера и разум») // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 6. С. 17–23.
5. Козлов О. А., Черкасов И. А. Документы Госархива Красноярского края о священнике – депутате II Государственной думы А. И. Бриллианове // Отечественные архивы. 2010. № 4. С. 33–37.
6. Ольшевский В. Г. Сибирский священник, депутат Государственной Думы, Уфимский городской голова, нарком финансов Советской России А. И. Бриллиантов: неизвестный большевистской истории // Экономика и социум. 2017. № 9. С. 477–483.
7. Разгон А. И. Забытые имена // Первое советское правительство: октябрь 1917 – июль 1918 г. / науч. ред. А. П. Ненароков М.: Политиздат, 1991. С. 448–459.
8. Родионов Ю. П. Представительство от Сибири в Государственной Думе первого созыва (1906 г.) // Омский научный вестник. 2009. № 5. С. 5–9.
9. Соловьев К. Союз 17 октября. Политический класс России: взлёт и падение. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 34 с.
10. Шадрин А. В. Политическая позиция и судьба депутата I Государственной Думы от области Войска Донского священника Клавдия Афанасьева // Русский архив. 2023. № 11. С. 82–93.
11. Шиловский М. В. Организация и проведение выборов в I–IV Государственной Думы в Сибири (1906–1913) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 5. С. 29–34.

REFERENCES

1. Vasiliev I. A. [On the State Service of the Orthodox Clergy in the Russian Empire (1900–1917)]. In: *Pravovedeniye* [Jurisprudence], 2008, no. 3, pp. 193–199.
2. Vasiliev I. A. [Orthodox Clergy in the First State Duma of the Russian Empire]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 14* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 14], 2012, iss. 2, pp. 3–8.
3. Kalyuzhnaya O. V. [Orthodox Priests in the Second State Duma of the Russian Empire]. In: *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsialnyye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences], 2020, no. 1, pp. 22–32.
4. Kalyuzhnaya O. V. [The Russian Orthodox Church and the Elections to the I and II State Dumas (based on the materials of the journal "Faith and Reason")]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky], 2022, no. 6, pp. 17–23.

5. Kozlov O. A., Cherkasov I. A. [Documents of the State Archives of Krasnoyarsk Krai on the priest – deputy of the II State Duma A. I. Brilliantov]. In: *Otechestvennyye arkhivy* [Domestic archives], 2010, no. 4, pp. 33–37.
6. Olshevsky V. G. [Siberian priest, deputy of the State Duma, Ufa mayor, People's Commissar of Finance of Soviet Russia A. I. Brilliantov: unknown to Bolshevik history]. In: *Ekonomika i sotsium* [Economy and Society], 2017, no. 9, pp. 477–483.
7. Razgon A. I. [Forgotten names]. In: Nenarokov A. P., ed. *Pervoye sovetskoye pravitelstvo: oktyabr 1917 g. – iyul 1918 g.* [The first Soviet government: October 1917 – July 1918]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, pp. 448–459.
8. Rodionov Yu. P. [Representation from Siberia in the State Duma of the first convocation (1906)]. In: *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 2009, no. 5, pp. 5–9.
9. Soloviev K. *Soyuz 17 oktyabrya. Politicheskiy klass Rossii: vzlot i padeniye* [Union of October 17. The political class of Russia: rise and fall]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2023. 34 p.
10. Shadrina A. V. [Political position and fate of the deputy of the 1st State Duma from the region of the Don Cossack Host, priest Klavdy Afanasyev]. In: *Russkiy arkhiv* [Russian archive], 2023, no. 11, pp. 82–93.
11. Shilovsky M. V. [Organization and holding of elections to the I–IV State Dumas in Siberia (1906–1913)]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History], 2013, no. 5, pp. 29–34.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кружалина Анастасия Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Иркутского государственного университета;
e-mail: kliokruea@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasia A. Kruzhalina – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of History of Russia of Historical Faculty, Irkutsk State University;
e-mail: kliokruea@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кружалина А. А. «Россия – парламентская страна, начинающая новую, своеобразную эпоху»: участие духовенства в выборах депутатов Государственной думы Российской империи (на материалах иркутского генерал-губернаторства) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 4. С. 59–70.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-4-59-70

FOR CITATION

Kruzhalina A. A. “Russia is a parliamentary country starting a new peculiar era”: participation of the clergy in the elections of deputies of the State Duma (based on the materials of the Irkutsk governor-generalship). In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 4, pp. 59–70.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-4-59-70

УДК 93/94:614.2

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-4-71-83

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ Н. А. СЕМАШКО И ПРОФЕССУРЫ ПЕРВОГО МГУ В 1920-Е ГГ.: НА ПРИМЕРЕ ВОПРОСА О СОЗДАНИИ КЛИНИКИ СОЦИАЛЬНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ БОЛЕЗНЕЙ

Сергеев В. Н.

*Научно-исследовательский институт медицины труда имени академика Н. Ф. Измерова
105275, г. Москва, пр-кт Буденного, д. 31, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Описать и проанализировать взаимоотношения между Н. А. Семашко, руководством и профессурой I МГУ по вопросу о реформе высшего медицинского образования, внутреннего устройства факультета и распределения материальных ресурсов.

Процедура и методы. Проведён анализ исследований по истории кафедры социологии I МГУ, Клиники соц. и профболезней и Института социологии. Источниковой базой выступили делопроизводственные документы медицинских вузов и государственных органов управления здравоохранением, сохранившиеся в фондах Центрального государственного архива г. Москвы и Государственного архива Российской Федерации.

Результаты. Взаимоотношения между Н. А. Семашко и профессурой I МГУ имели разнородный характер. Среди клиницистов преобладало сомнительное отношение к педагогической деятельности и «профилактическому уклону» наркома. Н. А. Семашко приходилось идти на компромиссы и использование ресурсов своего наркомата.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проанализирован и актуализирован опыт взаимодействия органов государственного управления и вузов в сфере развития высшего медицинского образования в 1920-е гг.

Ключевые слова: Н. А. Семашко, медицинский факультет I МГУ, профессура, социальная гигиена, профессиональная патология

RELATIONSHIP BETWEEN N. A. SEMASHKO AND THE PROFESSORSHIP OF THE FIRST MOSCOW STATE UNIVERSITY IN THE 1920S: CREATING THE CLINIC OF SOCIAL AND OCCUPATIONAL DISEASES

V. Sergeev

*Izmerov Research Institute of Occupational Health
Prospect Budennogo 31, Moscow 105275, Russian Federation*

Abstract

Aim. To describe and analyze the relationship between N. A. Semashko, the leadership and professors of the First Moscow State University on the reform of higher medical education, the internal structure of the faculty and the distribution of material resources.

Methodology. An analysis was conducted on the published studies on the history of the Department of Social Hygiene of the First Moscow State University, the Clinic of social and occupational diseases and the Institute of social hygiene. The source base was the records of medical universities and

government health authorities, preserved in the funds of the Moscow Central State Archive and the Russian State Archive.

Results. The relationship between N. A. Semashko, the leadership and the professorship of the First Moscow State University were of a heterogenous nature. A dubious attitude towards pedagogical activities and the preventive bias of the People's Commissar prevailed among clinicals. N. A. Semashko had to compromise and use the resources of his own People's Commissariat.

Research implications. The experience of interaction between government bodies and universities in the development of higher medical education in the 1920s is analysed and updated.

Keywords: N. A. Semashko, Medical Faculty of the First Moscow State University, professorship, social hygiene, occupational diseases.

Введение

150 лет со дня рождения Н. А. Семашко (1874–1949 гг.) – это не только повод вспомнить его биографию, но и время актуализировать его творческое и организационное наследие, а также сравнить его опыт с современностью.

100 лет тому назад, в 1924 г., 50-летний Николай Александрович Семашко был на пике своего могущества: народный комиссар здравоохранения РСФСР, член партии с дореволюционным стажем (с 1893 г.), заведующий кафедрой социальной гигиены I МГУ, член руководящих органов многих научных обществ, административно-распорядительных и совещательных учреждений. Однако в условиях НЭПа это формальное могущество ограничивалось множеством факторов: скупостью госбюджета, федералистским характером системы здравоохранения (региональные отделы здравоохранения в финансовом плане были в зависимости от местных советов, а наркоматы союзных республик обладали полной независимостью от российского аналога), подчинением высшего медицинского образования Наркомату Просвещения и т. д.

В научно-идеологическом плане влияние Н. А. Семашко в виде его концепции социальной гигиены тоже распространялось с заметными затруднениями: от открытого сопротивления со стороны клинических дисциплин до борьбы внутри дисциплины «социальная гигиена». Переключки между ситуацией в 1920-е гг. и современностью есть по нескольким направлениям. Во-первых, неоконченные

реформы высшего образования в целом и высшего медицинского образования в частности, направленные на адаптацию системы образования к новым условиям. Во-вторых, разные источники финансирования научно-педагогической деятельности вузов. В-третьих, ведомственное разделение высшего медицинского образования и медицинских научных и практических учреждений. Конечно, не все эти направления полностью совпадают в 1920-е и 2020-е гг. Например, в отличие от столетней давности, в XXI в. Министерство здравоохранения является главным игроком на поле медицинского образования, а медвузы иного подчинения (факультет фундаментальной медицины МГУ, медицинский институт РУДН, медицинский факультет ГУП и т. д.) выполняют функцию специализированной или целевой подготовки студентов.

Поднятая в данной статье тема имеет богатую, но весьма сегментированную историографическую традицию. Внутри всего массива текстов по теме данной статьи выделяются 3 самостоятельных смысловых блока: биография Н. А. Семашко, история медицинской профессуры Московского университета и история московских медицинских образовательных институций.

Николай Александрович Семашко прожил долгую жизнь, богатую на различные повороты и смены амплуа: врач, большевистский публичный интеллектуал, народный комиссар, профессор и заведующий кафедрой. Ещё одной отличительной чертой биографии Н. А. Семашко

было отсутствие в его жизни крупных репрессий, приводивших к вычёркиванию его имени из исторической традиции. В XXI в. жизнь и различные аспекты деятельности Н. А. Семашко продолжают приковывать к себе взоры исследователей, в частности, его роль в развитии медицинского образования [3; 4].

С 1990-х гг. начинается всплеск интереса к изучению российской и советской профессуры, в т. ч. и работавшей в системе высшего медицинского образования. Своеобразный пик исследовательской активности пришёлся на 2000–2010-е гг., когда регулярно проводились тематические научные конференции, и выходила в свет серия сборников «Медицинская профессура Российской империи»¹ и «Медицинская профессура СССР»². Основная часть этих сборников состоит из биографических статей, но есть и аналитические материалы об истории профессуры или дающие количественное и качественное описание когорты в конкретный момент времени.

История гигиенических кафедр медфака I МГУ – I ММИ тоже была пристальным объектом изучения, особенно в контексте советских или вузовских юбилеев. Первым летописцем-мемуаристом кафедры социальной гигиены был Н. А. Семашко³ как её основатель и первый заведующий. Традиция написания заведующим кафедрой юбилейного исто-

рического обзора сохранилась до наших дней [1; 6].

Литература по истории клиники социальных и профессиональных болезней I МГУ (КСПБ) не столь обильна, как описанные выше темы, но имеет свои тенденции и этапы. Первый тренд – это изложение краткой истории клиники в юбилейных статьях по истории кафедры социальной гигиены. Эту традицию заложил сам Н. А. Семашко в своих коммеморативных статьях, о которых говорилось выше, а продолжил А. Ф. Серенко⁴ и другие заведующие кафедрой. В середине 1960-х гг. в СССР начинается реабилитация термина «социальная гигиена» и её восстановление в качестве научной и педагогической дисциплины, а также возвращение данного словосочетания в названия кафедр и НИИ. Для социальной гигиены как новой/старой науки понадобилось написать историю, которая бы велась от сотворения советской государственности. Именно в этом контексте появляются работы А. П. Шишкина [10; 11; 12]. В своей диссертации, посвящённой истории Государственного института социальной гигиены (ГИСГ), он уделяет внимание КСПБ как клинической базе института и кафедры. Его же статья по истории самой клиники соц. и профболезней в основном посвящена научной и научно-педагогической работе, а организационные вопросы упомянуты для общего понимания. Новый всплеск научного интереса к истории клиники произошёл в начале 2020-х гг. в контексте 100-летнего юбилея кафедры общественного здоровья и здравоохранения имени Н. А. Семашко, но ограничился обобщающими статьями [8; 9; 13].

Опираясь на уже существующую научную литературу по данной теме и на архивные документы из фондов Центрального государственного архива г. Москвы (ЦГА Москвы) и Государственного архи-

¹ Медицинская профессура Российской империи: краткое содержание и тезисы докладов научной конференции. М.: ММА им. И. М. Сеченова, 2003–2006.

² Медицинская профессура СССР: материалы международной конференции. М.: Шико, 2007–2011, 2013–2015.

³ Семашко Н.А. Десять лет Кафедры социальной гигиены Семашко Н.А. Избранные произведения. М.: Медгиз, 1954. С. 220–234; Семашко Н.А., Горфин Д.В. Кафедра социальной гигиены // История гигиенических кафедр I Московского ордена Ленина медицинского института. М.: Издание I МОЛМИ, 1941. С. 22–28; Семашко Н.А. Кафедра социальной гигиены I Московского ордена Ленина медицинского института // Советское Здравоохранение. 1947. № 3. С. 38–42.

⁴ Серенко А. Ф. 50 лет первой кафедры социальной гигиены и организации здравоохранения // Советское здравоохранение. 1972. № 31. С. 3–9.

ва Российской Федерации (ГАРФ), в данной работе будет предпринята попытка описать и проанализировать взаимоотношения между Н. А. Семашко и руководством ИМГУ, медицинского факультета и университетской профессурой с фокусом на организационные проблемы и распределение материальных ресурсов.

Рождение клиники социальных и профессиональных болезней

В январе 1923 г. на заседании правления Государственной высшей медицинской школы (ГВМШ–ММИ¹) произошло обсуждение вопроса о формировании клиники социальных и профессиональных болезней. Обоснования создания нового учебно-вспомогательного подразделения были изложены в «Основных положениях...»² и пояснительной записке Н. А. Семашко³. Если кафедра социальной гигиены подводила социально-экономический фундамент под всю медицинскую систему, то новая клиника должна была обеспечить «прочный научно-клинический фундамент» уже самой кафедре. Выстраивалась следующая логическая цепочка: клиника изучает социальную патологию, а кафедра разрабатывает социальную гигиену как систему мер по профилактике социальных болезней. При этом Н. А. Семашко и его коллеги трактовали социальную патологию в весьма расширительном плане: помимо «стандартных» сифилиса, туберкулёза и алкоголизма добавлялись профессиональные и профессионально обусловленные болезни; «болезни голода» (широкий диапазон от цинги до ментальных расстройств); школьные болезни; нервно-психические болезни, вызванные общественными потрясениями; и другие болезни, обладающие массовым и социальным аспектом.

Такой взгляд на социальную патологию преследовал цель в постепенном внедрении в медицинское образование профилактического подхода. Новый советский врач должен был изменить взгляд на пациента и увидеть не просто больного, а человека в контексте его быта и социальной среды. В учебном плане это выразилось не только в описании клинического случая в условиях больницы, но и в полевой работе по обследованию мест, где жил и трудился пациент. Создание клиники социальной патологии, по мысли Н. А. Семашко, должно было разрушить стену между лечебниками и гигиенистами. Начав с одного московского медвуза, предполагалось в дальнейшем расширить опыт на другие вузы и в итоге сделать подобный подход обязательным для всего высшего медицинского образования.

По аналогичной схеме нарком Н. А. Семашко и замнаркома З. П. Соловьёв институционализировали социальную гигиену: открытые лекции для студентов-медиков – создание единой кафедры для всех московских медвузов – введение в учебный план социальной гигиены как обязательного предмета – создание кафедр во всех медвузах [14].

Устройство КСПБ в стенах Государственной высшей медицинской школы определялось балансом сил. Молодой медвуз, созданный в 1919 г. на базе Лифортского госпиталя, был заинтересован в развитии гражданской медицины, да и относительно молодая профессура ГВШМ–ММИ выигрывала от такого альянса, получая прямой выход на наркома здравоохранения. К этому надо добавить, что сам 1-й Красноармейский Коммунистический госпиталь был в подчинении у замнаркома З. П. Соловьёва, возглавлявшего Главное военно-санитарное управление. В итоге все эти факторы сложились в положительное решение⁴ правления ГВМШ–ММИ по созданию

¹ Государственная высшая медицинская школа образована в 1919 г., в 1923 г. была переименована в Московский медицинский институт.

² ЦГА Москвы. Ф. Р-726. Оп. 4. Д. 1. Л. 159–163.

³ ЦГА Москвы. Ф. Р-726. Оп. 4. Д. 1. Л. 158.

⁴ ЦГА Москвы. Ф. Р-726. Оп. 4. Д. 2а. Л. 3.

нового учебно-вспомогательного учреждения.

С середины февраля до середины марта 1923 г. вопрос об открытии новой клиники обсуждался внутри Наркомата просвещения: сначала в отделе медицинского образования Главного управления профессионально-технических школ и высших учебных заведений (Главпрофобр), потом в научно-технической секции Государственного учёного совета (ГУС). Не встретив принципиальных возражений, а получив только технические замечания, проект клиники был принят, и ГУС распорядился: «Учредить при кафедре социальной гигиены Высшей медицинской школы Клинику социальных и профессиональных болезней»¹.

В мае 1923 г. Н. А. Семашко как заведующий кафедрой и директор клиники обратился к руководству ГВШМ–ММИ с ходатайством о предоставлении для нужд КСПБ «бывшего 1-го Заразного барака Коммунистического госпиталя»², т. к. там можно разместить 30 коек и есть помещения вспомогательного и служебного характера. Это прошение было одобрено правлением³, а вот дальнейшему развитию КСПБ в стенах Лефортовского госпиталя помешала общая экономическая конъюнктура.

Переход к НЭП сопровождался сокращением федеральных и региональных бюджетов, что приводило к сокращению и оптимизации в сферах высшего образования, медицинской науки и сети лечебных учреждений. С конца 1921 г. началось волнообразное сокращение числа медвузов или перевод их на финансирование из местных бюджетов, что зачастую приводило к их закрытию. К февралю 1924 г. «ситуация с содержанием медицинских факультетов становится настолько серьёзной, что в планах на закрытие оказались Государственный институт медицинских знаний (Ленинград), Кубанский

и Омский медицинские институты, медицинские факультеты Петроградского, Ярославского, Нижегородского, Самарского, Астраханского, Екатеринбургского, Пермского, Иркутского, Крымского и Смоленского университетов» [5, с. 29]. И хотя ГВШМ–ММИ летом 1923 г. было гарантировано государственное (федеральное) финансирование⁴, перспектива ликвидации или объединения стала очевидна. Уже через год Московский медицинский институт вошёл в состав медфака II МГУ⁵, тем самым усилив молодой университет.

Противостояние Н. А. Семашко и профессуры

Одновременно с обсуждением дальнейшей судьбы ГВШМ–ММИ, Н. А. Семашко начал переговоры с руководством I МГУ о переводе клиники соц. и профболезней в состав Первого университета. Почему же наркома не устраивал вариант с переходом его клиники под руководство II МГУ? Во-первых, после введения социальной гигиены как обязательного предмета встала необходимость в разделении единой кафедры на 3 относительно самостоятельных кафедры во главе с профессорами: Н. А. Семашко – в I МГУ, А. В. Мольковым (директором Института социальной гигиены НКЗ) – во II МГУ, З. П. Соловьёвым – в Московском медицинском институте. Из-за объединения медвузов в 1924 г. произошла реконфигурация, при которой З. П. Соловьёв стал заведующим кафедрой во II МГУ, а А. В. Мольков возглавил новую кафедру гигиены воспитания II МГУ. Для Н. А. Семашко было удобнее сосредоточить свою кафедру и клинику под крышей одного университета.

⁴ Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «О сети учреждений Народного Комиссариата Просвещения» // Собраний узаконений и распоряжений. М., 1923. № 61–77. Отдел первый. Ст. 771.

⁵ Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «Об изменениях сети высших учебных заведений» // Собраний узаконений и распоряжений. М., 1924. № 47–72. Отдел первый. Ст. 680.

¹ ГАРФ. Ф. А-298. Оп. 1. Д. 98. Л. 12.

² ЦГА Москвы. Ф. Р-726. Оп. 4. Д. 1. Л. 164.

³ ЦГА Москвы. Ф. Р-726. Оп. 4. Д. 2а. Л. 22.

Во-вторых, II МГУ не обладал самостоятельной клинической базой и все его учебно-вспомогательные клиники размещались в городских больницах. Следовательно, для получения необходимого помещения Н. А. Семашко надо было вести переговоры не только с руководством II МГУ (от факультета до университета), но и с Мосздравотделом и его руководителем В. А. Обухом, что было весьма проблематичным, т. к. параллельно с основанием университетской клиники соц. и профболезней в 1923 г. был создан Институт по изучению профзаболеваний имени В. А. Обуха, действующий как головной центр по профпатологии для всей московской системы здравоохранения.

Существует много свидетельств о ревностном отношении двух этих институций друг к другу. В качестве примера приведём ответ Мосздрава, данный в 1925 г. на запрос Второго университета о предоставлении помещения для развёртывания клиники соц. и профболезней II МГУ: «Это противоречило бы задачам здравоохранения, запутало его идеологию в головах студентов, и могло бы обострить изживаемые трения между клиниками 2-го МГУ и городскими лечебными учреждениями, в которых они помещены»¹.

В-третьих, I МГУ обладал самостоятельной клинической базой, в основном локализованной в Клинической больнице (Усадьба Гагариных, Ново-Екатерининская больница) и Клиническом городке на Девичьем поле. По задумке Н. А. Семашко КСПБ должна была стать не просто очередным учебно-вспомогательным учреждением, а методическим центром, внедряющим в деятельность других клиник профилактический подход. В этом контексте пешая доступность до других клиник и их пациентов имела решающее значение.

В июле 1923 г. прошли переговоры между Н. А. Семашко и Правлени-

ем I МГУ о переводе клиники в состав Первого университета. Этот раунд переговоров закончился быстро и положительно для Николая Александровича. Руководство университета во главе с ректором В. П. Волгиным согласилось на этот обмен не только по идеологическим причинам, но и по материально-финансовым соображениям. Новая клиника переводилась вместе со своим штатом в 11 ставок, а также должна была обеспечить стабильный финансовый поток. Клиника I МГУ в отличие от II МГУ и ГВШМ-ММИ основную часть пациентов принимала на платных началах. За счёт государственного бюджета медпомощь предоставлялась сотрудникам университета, студентам и их семьям, «а также больным, особо интересным в научно-педагогическом отношении»². Клиника соц. и профболезней была в основном ориентирована на обслуживание труженников промышленных предприятий, которые в обязательном порядке страховались на случай утраты трудоспособности (временной или постоянной). К этому надо добавить, что большинство пациентов поступало в КСПБ по направлению других медицинских и общественных организаций или в результате выездных обследований. Следовательно, клиника могла избежать сезонных подъёмов и спадов в притоке пациентов и иметь стабильное финансирование из страховых фондов, часть которого шла на университетские нужды (оплата общеклинического вспомогательного персонала, жилищно-коммунальных услуг, ремонта и т. д.). Взамен правление I МГУ выделяло 16 коек в университетской Клинической больнице³.

Несмотря на положительное решение высшего руководства Первого университета, профессура медицинского факультета вознамерилась максимально затянуть данный переезд, а по возможности и сорвать его. Причина такого отношения

¹ ГАРФ. Ф. Р-1565. Оп. 7. Д. 80. Л. 41.

² Лечебные учреждения и медицинский персонал Москвы: Справочник. М.: Изд-во МКХ, 1928. С. 73.

³ ЦГА Москвы. Ф. Р-1609. Оп. 1. Д. 761. Л. 2.

крылась не только в нежелании отдавать нужные себе 16 коек, но и в общем сопротивлении реформам высшего медицинского образования. Н. А. Семашко был важным союзником в борьбе с инновациями, исходящими от замнаркомпроса М. Н. Покровского или других руководителей НКП [7], но когда сам нарком здравоохранения предлагал профилактический уклон, то это вызывало не меньшее сопротивление.

В ряде коммеморативных текстов¹ Николай Александрович писал о скептическом отношении к нему со стороны профессоров-клиницистов, которые смотрели на кафедру и клинику как на своеобразного «тройского коня», позволяющему «вносить политику в бесклассовую и аполитичную медицинскую науку»². Особенно задевали наркома шутки профессоров-хирургов, что они тоже за социальную гигиену, т. к. перед операцией тщательно моют руки. Подобная дерзость профессоров медфака I МГУ проистекала из их широкой автономии. Во-первых, от НК Здрава они были отделены ведомственными границами: все учреждения высшего образования были в подчинении у НК Просвещения, а Учёный медицинский совет НК Здрава выполнял функции консультативно-совещательной площадки. Во-вторых, от реформаторского напора со стороны Наркомпроса защищали высокопоставленные патроны (например, тот же Н. А. Семашко) и сложность в замещении столь высококвалифицированных кадров. Несмотря на революционную отмену всех степеней и званий, для доступа к врачеванию ну-

жен был государственный диплом, а для преподавательской деятельности – научные труды. Например, в мае 1923 г. при замещении первых вакантных ставок в Клинике соц. и профболезней правление ГВМШ-ММИ без колебаний утвердило профессора Н. А. Семашко директором, но для избрания Д. В. Рабиновича на должность ассистента (преподавателя) потребовало «предметной комиссии дать отзыв о кандидатуре доктора Рабиновича»³ в виде *curriculum vitae* и списка печатных трудов, т. к. он был человек новый и неизвестный для профессуры. В-третьих, директора университетских клиник, помимо основной работы, имели подработки в медицинских учреждениях лечебно-санитарного управления Кремля, влиятельных наркоматов или занимались частной практикой, что приносило как финансовый, так и социальный капитал.

К началу нового 1923–1924 учебного года клиника соц. и профболезней не была открыта ни в Лефортовском госпитале, ни в Клинической больнице. В ноябре 1923 г. удалось запустить работу поликлинического отделения, но и это произошло в обход руководства университета и факультета, т. к. помещением любезно поделился Государственный институт физиатрии и ортопедии Наркомздрава.

Устав от напрасного ожидания, Н. А. Семашко в декабре 1923 г. направил ещё одно письмо университетскому начальству, где уже в более грозной тональности поднял вопрос о переводе его клиники. В январе 1924 г. правление I МГУ вновь ответило согласием, но выставило дополнительные условия: «ввиду финансовых затруднений Университета Правление просит Вас оказать содействие в получении части необходимого оборудования (белье, матрацы, мебель) со складов Наркомздрава, т. к. Главпрофобр дать его не в состоянии»⁴, а также кли-

¹ Семашко Н. А. Десять лет кафедры социальной гигиены // Семашко Н. А. Избранные произведения. М.: Медгиз, 1954. С. 220–234; Семашко Н. А., Горфин Д. В. Кафедра социальной гигиены // История гигиенических кафедр I Московского ордена Ленина медицинского института. М.: Издание I МОЛМИ, 1941. С. 22–28; Семашко Н. А. Кафедра социальной гигиены I Московского ордена Ленина медицинского института // Советское здравоохранение. 1947. № 3. С. 38–42.

² Семашко Н. А. Избранные произведения. М.: Медгиз, 1954. С. 221.

³ ЦГА Москвы. Ф. Р-726. Оп. 4. Д. 2а. Л. 22.

⁴ ЦГА Москвы. Ф. Р-1609. Оп. 1. Д. 761. Л. 4.

ника должна была пустить часть заработанных средств на нужды университетской клинической больницы. По логике университетского руководства, нарком Н. А. Семашко должен был помочь профессору-директору Н. А. Семашко с устройством клиники. Подобная цена устроила Николая Александровича во всех его должностях, и в конце января того же года правление ИМГУ утвердило план по открытию с 1 февраля стационарного отделения клиники на 16 коек в Клинической больнице. В реальности клиника соц. и профболезней в стенах ИМГУ начала работать с середины февраля 1924 г.¹

Стационарное отделение на 16 коек было заметно меньше первоначальных планов, но дальнейшее расширение клиники в стенах Клинической больницы наталкивалось на сопротивление главного врача и директоров других клиник. В апреле того же года Н. А. Семашко обратился к университетскому начальству с просьбой об увеличении коечного фонда, но получил фактический отказ, точнее встречное предложение оплатить это расширение из фондов Наркомздрава и самой клиники, что явно не устраивало наркома. Единственное, что не встретило возражений и сопротивления, так это объединение стационара и поликлиники в стенах Ново-Екатерининской больницы. Однако дальнейшее расширение КСПБ требовало принципиально иного решения.

В ходе реформы высшего медицинского образования с 1922 г. началось постепенное объединение учебных дисциплин «акушерство» и «гинекология», что к 1924 г. нашло отражение в создании в ИМГУ объединённой акушерско-гинекологической клиники-кафедры [2, с. 264]. Побочным эффектом этой реструктуризации стало освобождение дома № 11 по Б. Пироговской улице, где ранее раз-

мещался гинекологический институт для врачей им. А. П. Шелапутиной. На это здание начали претендовать сразу 2 клиники: соц. и профболезней и акушерско-гинекологическая (М. С. Малиновский). В эпистолярной борьбе за место на Девичьем поле Н. А. Семашко использовал весь широкий спектр аргументов: от «возможности самого тесного общения с клиническим миром» с целью «воспитания нового кадра врачей» до «в пролетарском государстве клиника с такими заданием, первая в России клиника, имеет право на особое о себе попечение»². Первоначально университетское руководство поддержало М. С. Малиновского и обратилось в Главпрофобр с предложением об открытии второй акушерско-гинекологической клиники. После отказа со стороны Наркомпроса правление ИМГУ вынесло решение в пользу Н. А. Семашко, но с небольшим компромиссом: акушерско-гинекологической клинике отошёл флигель (ул. Б. Пироговская, 11а) для размещения онкологических пациентов, а также 16 коек «для больных по преимуществу профессионального характера»³. С января 1925 г. стационар и поликлиника клиники соц. и профболезней начали работать на Девичьем поле.

В первоначальных проектах устройства клиники предполагалось тесное сотрудничество с другими лечебными кафедрами-клиниками с целью распространения на них новой методики работы и для латентного увеличения коечного фонда, однако университетская реальность оказалась намного сложнее. Как говорилось выше, клиницисты отнеслись к нововведениям Н. А. Семашко довольно скептически, но были и сторонники сотрудничества, например, Д. М. Российский (заведующий кафедрой поликлиники внутренних болезней и директор общеклинической амбулатории ИМГУ). С сентября 1925 г. совместными усилиями Н. А. Семашко и Д. М. Российского был

¹ Лукомский М. Я. Год работы Клиники социальных и профессиональных болезней // Гигиена труда. 1925. № 4. С. 43–61.

² ЦГА Москвы. Ф. Р-1609. Оп. 1. Д. 761. Л. 14.

³ ЦГА Москвы. Ф. Р-1609. Оп. 1. Д. 761. Л. 25.

открыт диспансер для работников шляпной фабрики, усиливший позиции кафедры поликлиники внутренних болезней по двум направлениям. Во-первых, поликлиника-амбулатория получила стабильный приток денег из фондов страховой медицины. В 1920-е гг. для производства фетровых шляп активно использовали ртуть, что приводило к острым и хроническим профессиональным отравлениям шляпников. Во-вторых, начиная с 1922 г. В. А. Обух и Мосздравотдел начали проводить политику тотальной диспансеризации в Московском регионе под лозунгом «От борьбы с эпидемиями – к оздоровлению труда и быта», а с 1924 г. нарком Н. А. Семашко начал продвигать идею о переносе московского опыта по диспансеризации на другие регионы. Кафедра профессора Д. М. Российского взяла на себя обучение студентов теоретическим и практическим аспектам диспансеризации, что означало увеличение педагогической нагрузки и необходимость расширения преподавательского штата.

Сотрудничество Н. А. Семашко с профессорами I МГУ

Ещё одним вектором соприкосновения Н. А. Семашко, профессуры и руководства факультета и/или университета были вопросы о штате, ставках и кадрах. Для полноценного функционирования любой университетской клинике нужны были не только кадры высшей квалификации (ассистенты/преподаватели и ординаторы/научные сотрудники), но и вспомогательный персонал: средние и младшие медицинские работники и технические сотрудники (служители, истопники, швейцары и т. д.). Вопрос о передаче клинике соц. и профболезней необходимого ей числа вспомогательного персонала полностью находился в сфере полномочий университета, а данные кадры распределялись между всеми университетскими клиниками в зависимости от количества коек и потребности

в обслуживании помещений. Как только директор клиники профессор Н. А. Семашко поднимал вопрос о расширении коечного фонда или увеличении числа не-высшего персонала, так сразу в ответ руководство факультета и университета предлагало оплачивать дополнительные ставки за счёт собственных средств клиники и кафедры. Переезд клиники соц. и профболезней из Клинической больницы в Клинический городок на Девичьем поле повлёк за собой увеличение вспомогательного персонала, но и тут клинике пришлось пустить на это часть своих капиталов.

В вопросе о высших кадрах наблюдалось совпадение интересов Н. А. Семашко и других акторов внутри I МГУ, т. е. открытием новых ставок профессорско-преподавательского состава и замещением вакантных должностей занимался Главпрофобр и ГУС НК Просвещения. В надежде на лоббистские способности наркома здравоохранения университетское начальство поддерживало прошения Николая Александровича об увеличении числа сотрудников и передавало их на утверждение в вышестоящие государственные органы. Например, в декабре 1924 г. руководители КСПБ запросили увеличение штата с 7 до 14 ставок (за счёт увеличения числа ассистентов, ординаторов врачей-лаборантов), университет поддержал эту просьбу практически в полном объёме, срезав только 1 штатную единицу. Другое дело, что Наркомпрос в условиях бюджетного дефицита не был готов к подобным расширениям.

Определённая гармония между Н. А. Семашко и властями I МГУ по проблеме высших кадров основывалась на источнике замещения вакантных ставок. Если основной массив научно-педагогических работников КСПБ вербовался из проверенных и опытных врачей-общественников (М. Я. Лукомский, И. Н. Кавалеров, М. М. Гран и др.) или молодых советских врачей (Б. Б. Коган, Б. Е. Израель, Е. Б. Салистовская и др.), то узкопро-

фильные врачи-консультанты частично рекрутировались из младших членов клинических кафедр (дерматолог Ф. Н. Гринчар, гинеколог Ю. Э. Гительсон, хирург В. Р. Хесин и др.), но были и исключения, например, старший ассистент факультетской терапевтической клиники В. Н. Виноградов в 1925–1928 гг. по совместительству возглавлял терапевтическое отделение клиники соц. и профболезней. Для оплаты труда дополнительных врачей-консультантов и для выплаты надбавок за переработки использовались средства самой клиники, полученные либо от наркоматов Здравоохранения и Труда в виде целевого финансирования, либо от профсоюзов за выполнение научно-практических работ.

Реорганизация клиники соц. и профболезней

В 1926 г. Н. А. Семашко и его коллеги смогли стабилизировать работу клиники и занять своё место в московской системе подготовки студентов-медиков. Однако главная цель не была достигнута, т. к. не получилось создать успешную модель, легко масштабируемую на другие медвузы. Даже II МГУ столкнулся с сопротивлением Мосздравотдела по линии устройства своей собственной клиники социально-профессиональной патологии.

Внутри академического сообщества сторонников профилактической медицины тоже не было единства по вопросу об использовании опыта I МГУ [14]. Например, в Ленинграде «социальная гигиена» в лице А. Ф. Никитина (заведующего кафедрами социальной гигиены в I-м Ленинградском медицинском институте и Военно-медицинской академии) была в тени более влиятельных «общей гигиены» в облике Г. В. Хлопина (заведующего кафедрой общей гигиены Военно-медицинской академии) и «профессиональной патологии» в облики Н. А. Вигдорчика (директора Ленинградского института по изучению профболезней и заведующего кафедрой профболезней Ленинградского

института усовершенствования врачей). Сокращение расходов на образование негативно сказывалось на положении кафедр социальной гигиены [15], т. к. в отличие от лечебно-клинических кафедр они не могли выживать за счёт оказания платных медицинских услуг.

Под давлением всех означенных проблем в конце 1927 г. Н. А. Семашко инициировал процесс передачи КСПБ в подчинение НК Здраву и трансформации её в Центральный институт по изучению профболезней. Мотивировалось это двумя доводами. Во-первых, бюджет клиники формировался на 9/10 на средства Наркомата здравоохранения¹. Во-вторых, региональные пофпатологические институты и диспансеры нуждались в систематическом руководстве со стороны Наркомздрава по средствам центрального института. В середине декабря 1927 г. Совнарком РСФСР утвердил передачу КСПБ I МГУ от Наркомпроса к Наркомздраву, а уже в середине января 1928 г. ректор А. Я. Вышинский отчитался перед Главпрофобром о завершении этого процесса². Новый Центральный НИИ полностью не разрывал связей с университетами, оставаясь клинической базой для кафедр социальной гигиены, гигиены труда и гигиены воспитания. Для реализации педагогических функций на основе стационара и поликлиники Института была сформирована учебно-лечебная дисциплина «Клиника профессиональных болезней I МГУ»³, преподавательский штат которой числился как сотрудники университета. Данная конфигурация просуществовала до начала 1930-х гг., т. е. до следующей крупной волны реформы всего высшего медицинского образования в виде выделения медицинских факультетов в самостоятельные вузы и подчинения их Наркомату здравоохранения.

¹ ГАРФ. Ф. Р-259. Оп. 126. Д. 3873. Л. 23.

² ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 1234. Л. 8.

³ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 1234. Л. 5.

Заключение

Попытки придания профилактического уклона всей системе высшего медицинского образования и истории клиники социальных и профессиональных болезней I МГУ как педагогического эксперимента наглядно демонстрируют сложности во взаимоотношении руководства Наркомата здравоохранения с профессурой медицинского факультета I МГУ. У наркома Н. А. Семашко не было рычагов реального прямого давления на заведующих кафедр и директоров клиник Первого университета, т. к.

ведомственные границы препятствовали административному воздействию, а наличие самостоятельной клинической базы и распространённость во времена НЭП частной медицинской практики и «хозрасчётных отношений» обеспечивали возможность финансовой автономии университетских клиницистов. Следствием этого была необходимость договариваться и идти на компромисс с обеих сторон, что заметно снижало как степень радикальности преобразований, так и возможность переноса «истории успеха» на другие медицинские вузы.

Дата поступления в редакцию 24.05.2024

ЛИТЕРАТУРА

- 100 лет кафедре общественного здоровья и здравоохранения имени Н.А. Семашко: материалы, посвященные юбилею кафедры / отв. ред. В. А. Решетников. М.: Издательство Сеченовского Университета, 2022. 74 с.
- 175 лет Первого Московского государственного медицинского института / отв. ред. И. Д. Страшун. М., Л.: Медгиз, 1940. 436 с.
- Арсентьев Е. В. Развитие методологических основ организации здравоохранения, заложенных Н. А. Семашко: реализация принципа бесплатного оказания медицинской помощи населению: автореф. ... дис. ... канд. мед. наук. М., 2020. 25 с.
- Горелова Л. Е., Касимовская Н. А. Вклад Н. А. Семашко и И. Д. Страшуна в создание высшей медицинской школы страны // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2014. № S1. С. 62–64.
- Ерегина Н. Т. Медицинский факультет Ярославского университета: несостоявшаяся судьба (1919–1924 гг.) // Новый исторический вестник: Научное издание. 2009. № 3. С. 20–31.
- Решетников В. А., Трегубов В. Н. К истории создания и деятельности кафедры социальной гигиены медицинского факультета Первого Московского государственного университета // История медицины. 2021. Т. 7. № 1. С. 98–106.
- Рыжовский В. В. Высшее специальное образование в 1880–1930-х годах (медицина, сельское хозяйство, финансы и экономика) // Расписание перемен. Очерки образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы) / отв. ред. А. Н. Дмитриев. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 775–809.
- Становление и развитие преподавания вопросов общественного здоровья в системе высшего медицинского образования (от социальной гигиены до общественного здоровья и здравоохранения) / В. А. Решетников, О. А. Манерова, А. С. Созинов, Н. Т. Исмаил-Заде // Казанский медицинский журнал. 2020. Т. 101. № 6. С. 897–907.
- Трегубов В.Н. Организация и проведение научной работы на кафедре социальной гигиены медицинского факультета I Московского государственного университета в период с 1922 по 1930 год // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2022. № 4. С. 99–103.
- Шилин Ю. А., Шишкин А. П. Клиника социальных и профессиональных болезней при Кафедре социальной гигиены 1-го Московского государственного университета // Советское здравоохранение. 1975. № 2. С. 68–71.
- Шишкин А. П. Государственный институт социальной гигиены НКЗ РСФСР и его роль в развитии социальной гигиены, 1919–1934 гг.: дис. ... канд. мед. наук. М., 1973. 285 с.
- Шишкин А. П. Из истории диспансеризации в СССР (к 50-летию кафедры поликлиники внутренних болезней I МГУ // Советское здравоохранение. 1971. № 10. С. 61–64

13. Якушина И. И., Трефилова О. А. Исторические вехи становления кафедры общественного здоровья и здравоохранения Сеченовского университета // Исторические основы профессиональной культуры в здравоохранении: сб. науч.-практ. конф. / отв. ред. М. Ю. Сурмач. Гродно, 2022. С. 334–338.
14. Solomon S. G. Social Hygiene and Soviet Public Health, 1921–1930 // Health and Society in Revolutionary Russia. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1990. P. 175–199.
15. Solomon S. G. Social Hygiene in Soviet Medical Education, 1922–30 // Journal of the History of Medicine and Allied Sciences. 1990. Vol. 45. № 4. P. 607–643.

REFERENCES

1. Reshetnikov V. A., ed. *100 let kafedre obshchestvennogo zdravookhraneniya i zdravookhraneniya imeni N. A. Semashko: materialy, posvyashchennyye yubileyu kafedry* [100 years of the Department of Public Health and Healthcare named after N. A. Semashko: materials dedicated to the anniversary of the department]. Moscow, Izdatelstvo Sechenovskogo Universiteta Publ., 2022. 74 p.
2. Strashun I. D., ed. *175 let Pervogo Moskovskogo gosudarstvennogo meditsinskogo instituta* [175 years of the First Moscow State Medical Institute]. Moscow, Leningrad, Medgiz Publ., 1940. 436 p.
3. Arsenyev E. V. *Razvitiye metodologicheskikh osnov organizatsii zdravookhraneniya, zalozhennykh N. A. Semashko: realizatsiya printsipov besplatnogo okazaniya meditsinskoj pomoshchi naseleniyu: avtoref. dis. ... kand. med. nauk* [Development of the methodological foundations of healthcare organization laid down by N. A. Semashko: implementation of the principle of free medical care to the population: abstract of Cand. Sci. thesis in Medical sciences]. Moscow, 2020. 25 p.
4. Gorelova L. E., Kasimovskaya N. A. [The contribution of N. A. Semashko and I. D. Strashun to the creation of the country's higher medical school]. In: *Byulleten zaklyucheniya nauchno-issledovatel'skogo gosudarstvennogo instituta zdravookhraneniya imeni N. A. Semashko* [Bulletin of the National Research Institute of Public Health named after N. A. Semashko], 2014, no. S1, pp. 62–64.
5. Eregina N. T. [Faculty of Medicine of Yaroslavl University: a failed destiny (1919–1924)]. In: *Novyy istoricheskiy vestnik: Nauchnoye izdaniye* [New Historical Bulletin: Scientific Publication], 2009, no. 3, pp. 20–31.
6. Reshetnikov V. A., Tregubov V. N. [On the history of the creation and activities of the Department of Social Hygiene in the Faculty of Medicine at the First Moscow State University]. In: *Istoriya meditsiny* [History of Medicine], 2021, vol. 7, no. 1, pp. 98–106.
7. Ryzhovskiy V. V. [Higher specialized education in the 1880–1930s (medicine, agriculture, finance and economics)]. In: Dmitriev A. N., ed. *Raspisaniye peremennykh. Ocherki obrazovatel'noy i nauchnoy politiki v Rossiyskoy imperii – SSSR (konets 1880-kh – 1930-ye gody)* [Schedule of changes. Essays on educational and scientific policy in the Russian Empire – USSR (late 1880s – 1930s)]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2012, pp. 775–809.
8. Reshetnikov V. A., Manerova O. A., Sozinov A. S., Ismail-Zade N. T. [Formation and development of teaching public health issues in the system of higher medical education (from social hygiene to public health and health care)]. In: *Kazanskiy meditsinskiy zhurnal* [Kazan Medical Journal], 2020, vol. 101, no. 6, pp. 897–907.
9. Tregubov V. N. [Organization and conduct of scientific work at the Department of Social Hygiene of the Medical Faculty of the I Moscow State University in the period from 1922 to 1930]. In: *Byulleten o prekrashchenii nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdravookhraneniya imeni N. A. Semashko* [Bulletin of Semashko National Research Institute of Public Health], 2022, no. 4, pp. 99–103.
10. Shilins Yu. A., Shishkin A. P. [Clinic of social and occupational diseases at the Department of Social Hygiene of the 1st Moscow State University]. In: *Sovetskoye zdravookhraneniye* [Soviet Health Care], 1975, no. 2, pp. 68–71.
11. Shishkin A. P. *Gosudarstvennyy institut sotsialnoy gigiyeny NKZ RSFSR i yego rol v razvitiy sotsialnoy gigiyeny, 1919–1934 gg.: dis. ... kand. med. nauk* [State Institute of Social Hygiene of the People's Commissariat of Health of the RSFSR and its role in the development of social hygiene, 1919–1934: Cand. Sci thesis in Medical sciences]. Moscow, 1973. 285 p.
12. Shishkin A. P. [From the history of medical examination in the USSR (on the 50th anniversary of the Department of Internal Medicine Polyclinic of the 1st Moscow State University)]. In: *Sovetskoye zdravookhraneniye* [Sovetskoye Zdravozhdane], 1971, no. 10, pp. 61–64.

13. Yakushina I. I., Trefilova O. A. [Historical milestones in the formation of the Department of Public Health and Healthcare of Sechenov University]. In: Surmach M. Yu., ed. *Istoricheskiye osnovy professionalnoy kultury v zdravookhranении* [Historical foundations of professional culture in health care]. Grodno, 2022, pp. 334–338.
14. Solomon S. G. Social Hygiene and Soviet Public Health, 1921–1930. In: *Health and Society in Revolutionary Russia*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1990, pp. 175–199.
15. Solomon S. G. Social Hygiene in Soviet Medical Education, 1922–30. In: *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences*, 1990, vol. 45, no. 4, pp. 607–643.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергеев Всеволод Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института медицины труда имени академика Н. Ф. Измерова.

e-mail: sergeew.w@irioh.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vsevolod N. Sergeev – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Izmerov Research Institute of Occupational Health;

e-mail: sergeew.w@irioh.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сергеев В. Н. Взаимоотношения Н. А. Семашко и профессуры Первого МГУ в 1920-е гг.: на примере вопроса о создании клиники социальных и профессиональных болезней // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 4. С. 71–83. DOI: 10.18384/2949-5164-2024-4-71-83

FOR CITATION

Sergeev V. N. Relationship between N. A. Semashko and the professorship of the First Moscow State University in the 1920s: creating the clinic of social and occupational diseases. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 4, pp. 71–83.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-4-71-83

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 94(47).084.8

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-4-84-93

ОСОБЕННОСТИ СОВЕТСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Быков А. В.

*Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации
644092, г. Омск, пр. Комарова, д. 7, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определить основные характерные черты, особенности и тенденции развития исторических исследований в советский и современный периоды истории Великой Отечественной войны.

Процедура и методы. На основе анализа значительного массива издававшейся литературы о войне предпринята попытка выявить характерные черты отечественной историографии Великой Отечественной войны (начиная со второй половины 1940-х гг.) и влияние различных факторов на её формирование. Проводимое исследование основывалось на принципе историзма, принципе партийности (при анализе исторических и иных публикаций советского периода), использованы историко-генетический, сравнительно-исторический методы, метод ретроспективного анализа.

Результаты. Проведённый анализ научных и мемуарных трудов позволил выявить ряд особенностей и основные проблемы изучения истории Великой Отечественной войны в советский и современный периоды, определить некоторые факторы, оказывавшие влияние на формирование характерных черт изучения и публикации изданий о Великой Отечественной войне.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные в ходе проведённого исследования результаты могут быть использованы в образовательной деятельности, являться основой для последующего научного осмысления проблем изучения истории Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Вторая мировая война, изучение, историография, исторические источники, идеология

FEATURES OF THE SOVIET AND MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

A. Bykov

*Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
ul. Komarova 7, Omsk 644092, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the main characteristic features, peculiarities and trends in the development of historical research in the Soviet and modern periods of the history of the Great Patriotic War.

Methodology. Based on the analysis of a significant body of published literature on the war, an attempt is being made to identify the characteristic features of the national historiography of the Great Patriotic War from the second half of the 1940s, the influence of various factors on its formation. The conducted research was based on the principle of historicism, the principle of partisanship (in the analysis of historical and other publications of the Soviet period), historical-genetic, comparative-historical methods, and the method of retrospective analysis were used.

Results. The analysis of scientific and memoir published works made it possible to identify a number of features and the main problems of studying the history of the Great Patriotic War in the Soviet and modern periods, to identify some factors that influenced the formation of characteristic features of the study and publication of publications about the Great Patriotic War.

Research implications. The results obtained in the course of the conducted research can be used in educational activities, be the basis for subsequent scientific understanding of the problems of studying the history of the Great Patriotic War.

Keywords: The Great Patriotic War, World War II, study, historiography, historical sources, ideology

Введение

Великая Отечественная война остаётся объектом научного исследования; опубликованы многочисленные научные труды, мемуары, сборники документов, но при этом до исчерпания темы войны очень далеко. Не утихают споры о целом ряде проблемных вопросов. Политические события последнего времени особенно актуализируют исследования по различным аспектам, в частности, коллаборационизма, ошибок в предвоенном планировании и в ходе военных действий и других. Тем более важным представляется анализ опубликованных в разное время трудов по военной тематике и выявление основных характерных черт, проблем историографии Великой Отечественной войны.

Несмотря на значительное число публикаций по различным вопросам истории нашей Родины в военный период, данное исследование является первой попыткой комплексного анализа истори-

ографии Великой Отечественной войны в советский и современный периоды.

Исследование, результатом которого явилась настоящая статья, основано на научном подходе – принципе историзма, который определил объективный подход к исследуемым событиям, всесторонний учёт факторов, оказывавших влияние на развитие предмета научных исследований с 1940-х до 2020-х гг.

Применительно к анализу публикаций советского периода автор стремится к учёту принципа партийности, требующего изучить влияние партийных директив и установок на работу исследователей, авторов мемуарных трудов, смену риторики в зависимости от изменений во внутрипартийной жизни. Применён комплекс методов, в частности, историко-генетический метод способствовал вычленению, фиксации изменений изучаемой военной реальности в развитии историографического процесса; сравнительно-

исторический метод позволил сопоставить подход исследователей к проблемам, являющимся предметом научного осмысления, в разные исторические периоды, выделить новые направления, такие, как «повседневность на войне», «человек на войне». В настоящей статье активно использовался один из главных методов исторических исследований – метод ретроспективного анализа, который позволил изучить причинно-следственные связи и выявить общие закономерности исторического осмысления Великой Отечественной войны.

Характерные черты публикаций об истории войны в СССР

Изучение истории Великой Отечественной войны начинается уже в первое послевоенное время. В советский период издано множество работ, посвящённых войне в целом и её отдельным этапам [3; 5; 12]. Историография советского периода имеет ряд характерных особенностей. Прежде всего – идеологизированность. Недопустимым являлось высказывание оценок, суждений, хоть в малой степени ставящих под сомнение установленные догмы: ведущая роль коммунистической партии, прогрессивность советского строя, до 1960-х гг. – непогрешимость и решающее значение деятельности И. В. Сталина как главнокомандующего. Жёсткий идеологический контроль не позволял подвергать сомнению официально признанные каноны объяснения проблемных аспектов военной истории, затрагивать сложные, неприятные для власти вопросы и проблемы. Это порождало определённую шаблонность, стандартизированность работ.

Исследования страдали однобокостью: успешные операции Красной Армии, победные сражения, успехи тыла в обеспечении деятельности войск рассматривались подробно, о неудачах, проблемах, просчётах – скудно, в общих чертах. Подобный подход был характерен не только для советских исследователей

и мемуаристов. Иностранные авторы, в частности бывшие генералы Вермахта – Г. Гудериан, Э. фон Манштейн, А. Киссельринг [7; 14; 16] – также стремились больше и подробнее говорить о победах и меньше – о поражениях. Многие проблемы оставались практически закрытыми: причины поражений начального периода войны, проблема большого числа сдавшихся в плен красноармейцев и командиров, катастрофической нехватки вооружений и боеприпасов, потери среди военнослужащих и гражданского населения. О последнем писалось, казалось бы, много, однако объективного анализа ситуации не проводилось. Не давалось ответа на вопрос о колоссальных потерях среди гражданского населения, особенно городского. Почему не были предприняты должные меры по эвакуации населения, например, из Ленинграда, Сталинграда? Практически не затрагивалась тема слабой подготовленности рядового и командного состава РККА к ведению боевых действий, неэффективности в целом подготовки к войне. В частности, почему Красная Армия, имея весьма значительное общее количество бронетанковой техники, в т. ч. и новейшие танки Т-34 и КВ, превосходившие при всех своих недостатках танки противника, не сумела их эффективно использовать?

Из-за ограничений на доступ к информации и идеологического контроля исследователи могли использовать относительно небольшой объём информации по многим проблемам, что затрудняло объективное изучение исторических событий. Кроме того, система цензуры также препятствовала раскрытию значимых аспектов истории и влияла на их неполноту, отсутствие действительно взвешенного и всестороннего изучения многих проблем военной истории. Например, фактически закрытой была тема причин поражений Красной Армии на начальном этапе войны.

В советский период мемуаристика играла важную роль в формировании

исторического сознания, воспроизводстве и сохранении памяти о Великой Отечественной войне. Публикации воспоминаний участников событий, от командующих фронтами до рядовых командиров и бойцов [8; 10], позволяли читателям узнать о военных событиях из первых рук, а также вдохновляли на патриотические чувства и героические поступки. Правда, преимущество отдавалось именно крупным военачальникам.

Важно отметить, что написание мемуаров подчинялось общим идеологическим требованиям. В условиях строгой цензуры и контроля со стороны власти авторы были вынуждены следовать нормам идеологической линии партии, что ограничивало возможность полного и непредвзятого изложения событий и могло повлиять на их откровенность. Обязанность представить события в несколько искажённом свете или умолчать о чём-либо для сохранения «правильного» образа истории была неизбежной. Не стоит забывать и о том, что мемуары всегда отражают точку зрения автора и могут быть искажены его личными предубеждениями или желанием создать определённый образ.

Тем не менее, несмотря на все ограничения и сложности, мемуары оставались важным источником информации об исторических событиях. Они предоставляли возможность увидеть прошлое через призму личного опыта и переживаний, что делало их незаменимыми для изучения истории. Даже при всех искажениях и недочётах, мемуары представляли собой ценный источник для исследователей, помогая воссоздать многие аспекты прошлого и раскрыв дух времени.

Некоторые установки, которым должны были следовать авторы открытых как научных, так и популярных изданий закладывались ещё в период войны.

В частности, они содержались в выступлениях, высказываниях И. В. Сталина. «Что касается того, что часть нашей территории оказалась всё же захвачен-

ной немецко-фашистскими войсками, то это объясняется главным образом тем, что война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных для советских войск. Дело в том, что войска Германии, страны, ведущей войну, были уже целиком отмобилизованы, и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было ещё отмобилизоваться и придвинуться к границам. Немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что фашистская Германия неожиданно и вероломно нарушила пакт о ненападении, заключённый в 1939 г. между ней и СССР»¹.

Сформулированы были и причины неудач Красной Армии в начале войны. В докладе на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1941 г. И. В. Сталин выделил 2 причины временных (как подчёркивалось) неудач: «Одна из причин неудач Красной Армии состоит в отсутствии второго фронта в Европе против немецко-фашистских войск...», «...Другая причина временных неудач нашей армии состоит в недостатке у нас танков и отчасти авиации. Наша авиация по качеству превосходит немецкую авиацию... Но самолетов у нас пока ещё меньше, чем у немцев. Наши танки по качеству превосходят немецкие танки... Но танков у нас всё же в несколько раз меньше, чем у немцев. В этом секрет временных успехов немецкой армии»².

¹ Сталин И. В. Выступление по радио 3 июля 1941 г. // О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Политиздат, 1947. С. 10–11.

² Сталин И. В. 24 годовщина Великой октябрьской социалистической революции (доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1941 г.) // О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Политиздат, 1947. С. 24–26.

Тезис об отсутствии второго фронта в Европе как основной причины успехов немецких войск повторяется Сталиным неоднократно. В частности, в своём докладе 6 ноября 1942 г. он сказал: «Стало быть, главная причина тактических успехов немцев на нашем фронте в этом году состоит в том, что отсутствие второго фронта в Европе дало им возможность бросить на наш фронт все свободные резервы и создать большой перевес своих сил на юго-западном направлении»¹. Впоследствии именно указанные причины (внезапность нападения, нехватка боевой техники, отсутствие второго фронта в Европе) становятся официально основными для исторических исследований. Нельзя сказать, что они не имели места, но за ними стояли гораздо более значимые и масштабные проблемы, о которых говорить и писать уже не следовало.

Публикации по истории Великой Отечественной войны после 1985 г.: основные тенденции

Переломным периодом в изучении истории Великой Отечественной войны становятся вторая половина 1980-х – начало 1990-х гг. В условиях демократизации общественной жизни, постепенного снижения идеологического давления государства в отношении исторической науки открываются новые возможности для научных исследований. Стимулирующим фактором явилась деятельность по рассекречиванию архивных документов, более широкий доступ к архивам для исследователей.

В рассматриваемый период проявляются 2 тенденции: продолжают издаваться книги, выдержанные в духе советской историографии, и появляются

новые исследования, в которых ставятся новые проблемы, вопросы и предпринимаются попытки их решения. В целом это время можно охарактеризовать как время постановки вопросов. Наибольшая активность проявляется на страницах периодических научных изданий. Эти публикации ложатся в основу монографических работ, сборников статей. Расширение источниковой базы исследований позволяет поставить новые вопросы или увидеть ранее, казалось бы, известные проблемы в новом свете. В частности, академик Самсонов А. М. в своём труде «Москва, 1941 г.: от трагедии поражений – к Великой победе» [24] рассматривает предысторию и основные этапы Московской битвы. Автор не ограничивается анализом событий, непосредственно связанных с оборонительной и наступательной операциями Красной Армии под Москвой. Круг вопросов гораздо шире и отражает наиболее злободневные темы, обсуждаемые с конца 1980-х гг.: причины поражений Красной Армии в начале войны, потери СССР в войне и др. Предпринимается попытка переосмыслить на основании новых данных роль И. В. Сталина и Г. К. Жукова в планировании военных операций. Особое внимание уделено усилиям трудящихся столицы по формированию дивизий народного ополчения, истребительных и рабочих батальонов, а также работа предприятий и учреждений Москвы по обеспечению нужд фронта. Книга Невзорова Б. И. «Московская битва: феномен Второй мировой» [17] основана на ранее закрытых источниках и демонстрирует новые подходы к изучению военной истории. В работе автор приоткрывает завесу над малоизвестными страницами Московской битвы, в частности: предлагаются новые оценки ранее опубликованным сведениям, документам, принятым решениям и действиям; уточняет данные о потерях.

В конце 1980-х – 1990-х гг. наблюдается активизация публикаций монографических изданий [1], сборников докумен-

¹ Сталин И. В. 25 годовщина Великой октябрьской социалистической революции. (Доклад Председателя Государственного комитета Оборона на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1942 г. // О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Политиздат, 1947. С. 67.

тов¹. Характерно сочетание фактического материала, известного в изданиях советского периода, но освобождённых от идеологических наслоений, и новых сведений, фактов, полученных в результате исследовательской работы.

Вместе с тем в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в условиях политических событий происходит значительная трансформация общественного сознания. Политические и социально-экономические перемены в жизни общества приводят к скептическому, часто негативному отношению к советской государственной модели и всему, что с ней связано. Напрямую относится это и к исторической науке. Усиливается недоверие к сведениям об истории советского периода (не всегда обосновательные), стремление узнать правду. Процесс пересмотра истории, её «ревизии», не обязательно имеет негативный характер, если исследования проводятся добросовестно, на основе научных методов и подходов, с соблюдением основополагающих принципов исторической науки (историзма, объективности), в итоге новые исследования обогащают науку, наши знания.

В 2000-е гг. исследовательская деятельность по изучению военного периода значительно активизируется, стремительно растёт количество публикаций. За предыдущий период был накоплен значительный фактический материал, определены основные направления исследований, круг наиболее актуальных вопросов. Отечественные исследователи получают возможность работать с материалами не только российских, но и зарубежных архивов. Доступными становятся труды иностранных историков, которые публикуются в переводе [4; 22].

Большое значение имеет доступ к рассекреченным документам, что позволяет повысить объективность проводимых исследований.

Авторы работ стремятся восполнить пробелы в знаниях об истории войны и предвоенного периода, выявить причины тех или иных событий, сформировать научно обоснованное видение государственно-политических, общественно-экономических, военно-стратегических аспектов истории СССР в период Великой Отечественной войны.

Вместе с тем на фоне увеличения числа объективных и добросовестных исследований продолжает развиваться и «ревизионистское» направление. Формируется направление, основанное на утверждении, что вся советская история является сфальсифицированной и подлежащей пересмотру. Под предлогом поиска исторической правды начинается формирование весьма одностороннего взгляда на исторические события: всё, что было при СССР, представляется только в негативном свете. Это касается и периода Великой Отечественной войны. При этом главным является не анализ новых документов, сведений, фактов, а их интерпретация с «подгонкой» под заранее задуманный результат. Проявляется стремление демонстрировать только негативные стороны военной истории [26; 27].

Ответной реакцией становится оформление понятия «фальсификации истории», хотя само понятие и понимание сущности фальсификации истории появилось гораздо раньше и борьба с этим явлением велась с 1950-х гг., однако в советский период речь шла об иностранных публикациях.

В этой связи важно определить, что следует понимать под фальсификацией истории. На наш взгляд, наиболее оптимальное определение фальсификации истории – это сознательное и целенаправленное искажение исторических фактов или их искажённое толкование.

¹ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2–1). Приказы народного комиссара обороны СССР. М.: ТЕРРА, 1994. 368 с. 1941 год; в 2 кн. М.: Международный фонд «Демократия», 1998.; Москва военная 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М.: Мосгорархив, 1995. 744 с.

И работ, подпадающих под подобное определение, достаточно много. Стиль изложения в таких публикациях – научно-популярный, однако «научность» мнимая. Авторы демонстрируют опору на документы, иные сведения, иногда даже указывая, как и в научных изданиях, ссылки на источники, однако реально на заранее спланированную концепцию накладываются отобранные документальные свидетельства и факты [3; 25]. При этом реально основным средством являются авторские комментарии и утверждения, обычно яркие, агрессивно навязывающие читателю определённую точку зрения. Главный инструмент – эмоциональное давление на читателя, использование бытующих среди части населения превратных, нигилистических по отношению к советскому прошлому в целом и исторической науке в частности представлений. Важное значение имеют культивирование недоверия к историкам как учёным, обвинения «официальных» историков в предвзятости, в проведении некой государственной политики (по аналогии с советским периодом) и объявлении себя единственными поборниками исторической правды. Подобные действия вполне понятны: выдержать полемики с профессиональными учёными подобные «исследователи» не в состоянии.

Многое из того, что выдаётся за «научное открытие», «новое слово в исторической науке», «раскрытую тайну истории» является повторением тезисов, выдвигавшихся некоторыми западноевропейскими и североамериканскими авторами трудов по истории Второй мировой войны, а то и вовсе повторением пропаганды нацистской Германии (например, о превентивном характере нападения Германии на СССР, о СССР как главном виновнике начала Второй мировой войны, принижении роли Советского Союза в победе над нацизмом и др.). О критике подобных утверждений в советский период уже было сказано ранее. С начала 2000-х гг. появляется комплекс

литературы, опровергающий доводы создателей «альтернативной» истории Великой Отечественной войны [6; 11; 21].

Недобросовестные авторы пользуются тем, что не многие читатели смогут (и захотят) проверить представляемые в качестве обоснования источники. Между тем в настоящее время для этого нередко нет необходимости идти в архив. С 1990-х до начала 2000-х гг. было опубликовано большое количество документов¹. Кроме того, большие возможности даёт Интернет. И тогда могут обнаружиться весьма интересные моменты: например, окажется, что приведённая в качестве обоснования какого-либо утверждения цитата вырвана из контекста или вовсе искажена.

На современном этапе переиздаются воспоминания фронтовиков и других участников войны [13]. Особое значение в настоящее время приобретает переиздание и публикация новых трудов, посвящённых преступлениям нацистов на территории СССР в годы войны [23]. Одной из тем, ранее обойдённых вниманием (возможно, по политическим соображениям), является роль в войне государств – союзников Германии [9].

Весьма интересным направлением развития изучения истории войны является издание работ, посвящённых «малой» истории – небольшим населённым пунктам, вкладу их жителей в Победу, событиям на их территории в военные годы [14; 18; 19].

В настоящее время всё активнее переводятся на русский язык работы иностранных авторов. В их число, прежде всего, входят мемуарные произведения военачальников, политиков, участников войны (в т. ч. рядовых солдат и младших офицеров) [2; 15; 20]. Эти публикации расширяют источниковую базу исследо-

¹ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1). М.: ТЕРРА, 1993. 408 с.; 1941 год: в 2 кн. М.: Международный фонд «Демократия», 1998; Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944–1951. М.: МФД, 2009. 576 с.; Государственный комитет обороны постановляет...(1941–1945). Цифры, документы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 563 с.

ваний, позволяют сопоставить сведения, приводимые в советских работах, в т. ч. мемуарных, с аналогичными иностранными. Особый научный интерес представляет сопоставление сведений, приводимых в воспоминаниях советских [28] и германских военачальников о ходе одних и тех же сражений с привлечением иных свидетельств и документальных источников. Расширяется и публикация работ иностранных авторов, позволяющих ознакомиться с зарубежными исследованиями по истории Второй мировой войны, ввести в отечественную науку неизвестные ранее источники, открывается простор для научной полемики и взаимодействия исследователей на международном уровне, включая переиздание написанных ранее работ [4; 22].

Заключение

В современной историографии определился ряд основных направлений исследований, включая: проблему предвоенной подготовки РККА; дипломатические отношения СССР с Германией, Англией, Францией, США и другими странами; объективные и субъективные причины поражения Красной Армии на начальном периоде войны, потери СССР в войне; проблему советских военнопленных; деятельность Государственного комитета обороны и Ставки Верховного главнокомандования; коллаборационизм на оккупированных территориях; историю отдельных сражений (в первую очередь тех, которые слабо освещались в советский период).

Дата поступления в редакцию 30.05.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Анфилов В. А. Крушение похода Гитлера на Москву. 1941. М.: Наука, 1989. 350 с.
2. Бок Ф. фон. Я стоял у ворот Москвы: дневник командующего группой армий "Центр" / пер. с нем. А. Кашина. М.: Яуза, 2023. 512 с.
3. Винтер Д. Ф. Виктор Суворов прав! Сталин проиграл Вторую мировую войну. М.: Яуза-пресс, 2011. 288 с.
4. Верт А. Россия в войне 1941–1945. Великая Отечественная глазами британского журналиста / пер. с англ. Е. А. Болтина. М.: Родина, 2023. 736 с.
5. Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948. 192 с.
6. Грызун В. Как Виктор Суворов сочинял историю. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 608 с.
7. Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 1999. 653 с.
8. Жук В. К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1969. 735 с.
9. Залесский К. А. Союзники Германии во Второй мировой войне. М.: Вече, 2022. 496 с.
10. Зайцев В. За Волгой для нас земли не было. Записки снайпера. М.: Изд-во ДОСААФ СССР, 1971. 224 с.
11. Исаев А. В. Антисуворов. Большая ложь маленького человечка. М.: Яуза, Эксмо, 2006. 352 с.
12. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 / ред. П. Н. Поспелов. М.: Московский рабочий, 1968. 632 с.
13. Катаев В. П. Записки о войне. М.: АСТ, 2023. 320 с.
14. Кессельринг А. Солдат до последнего дня: воспоминания фельдмаршала Третьего рейха / пер. с нем. Е. В. Здобникова. Минск: Поппури, 2004. 511 с.
15. Леб В. фон, Гальдер Ф. Ленинградский «блицкриг» 1941–1942 / пер. с нем. Ю. Лебедева. М.: Яуза, 2023. 544 с.
16. Манштейн Э. Утерянные победы / сост. С. Переслегин, Р. Исмаилов. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. 896 с.
17. Невзоров Б. И. Московская битва: феномен Второй мировой. М.: СиДиПресс, 2001. 238 с.
18. Новоселов Н. Л. Справочник по потерям Красной Армии в 1941–1943 годах на территории Суетовского сельского поселения Ярцевского района Смоленской области. Ярцево: ИП Насвет Н. В., 2021. 126 с.
19. Новоселов Н. Л. Ярцево, 1943 год: хроника освобождения. Смоленск: Свиток, 2023. 64 с.

20. Польшман Х. 900 дней боев за Ленинград. Воспоминания полковника вермахта / пер. с англ. А. С. Нечаева. М.: Центрполиграф, 2023. 139 с.
21. Помогайбо А. А. Псевдоисторик Суворов и загадки Второй мировой войны. М.: Вече, 2003. 474 с.
22. Почему Гитлер проиграл войну? Немецкий взгляд / отв. ред. Г. Пернавский. М.: Яуза-пресс, 2012. 384 с.
23. Преступления фашизма в годы Великой Отечественной войны / сост. Н. К. Петрова. М.: Вече, 2024. 576 с.
24. Самсонов А. М. Москва, 1941 год: от трагедии поражений – к Великой победе. М.: Московский рабочий, 1991. 289 с.
25. Солонин М. Июнь 41-го. Окончательный диагноз. М.: Яуза, Эксмо, 2013, 574 с.
26. Солонин М. «На мирно спящих аэродромах...». М.: Яуза, Эксмо, 2006. 576 с.
27. Суворов В. Ледокол. М.: АСТ, 2007. 368 с.
28. Шапошников Б. М. Битва за Москву. М.: Вече, 2024. 544 с.

REFERENCES

1. Anfilov V. A. *Krusheniye pokhoda Gitlera v Moskvu. 1941* [The Collapse of Hitler's Campaign on Moscow. 1941]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 350 p.
2. Bock F. von. *Ich stand vor den Toren Moskaus* (Rus. ed.: Kashin A., transl. *Ya stoyal u vorot Moskvyy: dnevnik komanduyushchego gruppy armiy "Tsentr"*). Moscow, Yauza Publ., 2023. 512 p.
3. Winter D. F. *Viktor Suvorov prav! Stalin proigral Vtoruyu mirovuyu voynu* [Viktor Suvorov is Right! Stalin Lost World War II]. Moscow, Yauza-press Publ., 2011. 288 p.
4. Werth A. *Russia in the War of 1941–1945* (Rus. ed.: Boltin E. A., transl. *Rossiya v voyne 1941–1945 gg. Velikaya Otechestvennaya glazami britanskogo zhurnalista*). Moscow, Rodina Publ., 2023. 736 p.
5. Voznesensky N. A. *Voyennaya ekonomika SSSR v period Otechestvennoy voyny* [Military economy of the USSR during the Patriotic War]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1948. 192 p.
6. Gryzun V. *Kak Viktor Suvorov sochinyal istoriyu* [How Viktor Suvorov composed history]. Moscow, OLMA-Press Publ., 2003. 608 p.
7. Guderian H. *Erinnerungen eines Soldaten* (Rus. ed.: *Vospominaniya soldata*). Smolensk, Rusich Publ., 1999. 653 p.
8. Zhukov G. K. *Vospominaniya i razmyshleniya* [Memories and reflections]. Moscow, APN Publ., 1969. 735 p.
9. Zalessky K. A. *Soyuzniki Germanii vo Vtoroy mirovoy voyne* [Germany's allies in World War II]. Moscow, Vechе Publ., 2022. 496 p.
10. Zaitsev V. *Za Volgoy dlya nas zemli ne bylo. Zapiski snaypera* [There was no land for us beyond the Volga. Notes of a sniper]. Moscow, Izd-vo DOSAAF SSSR, 1971. 224 p.
11. Isaev A. V. *Antisuvorov. Bolshaya lozh malenкого chelovechka* [Antisuvorov. The big lie of a little man]. Moscow, Yauza Publ., Eksmo Publ., 2006. 352 p.
12. Pospelov P. N., ed. *Istoriya Velikoy Otechestvennoy voyny Sovetskogo Soyuzа 1941–1945* [History of the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945]. Moscow, Moskovsky rabochy Publ., 1968. 632 p.
13. Kataev V. P. *Zapiski o voyne* [Notes on the War]. Moscow, AST Publ., 2023. 320 p.
14. Kesselring A. *Soldat bis zum letzten tag* (Rus. ed.: Zdobnikov E. V., transl. *Soldat do poslednego dnya: vospominaniya feldmarshala Tretyego reykhа*). Minsk, Poppuri Publ., 2004. 511 p.
15. Leeb W. von, Halder F. *Leningrader „Blitzkrieg“* (Rus. ed.: Lebedev Yu., transl. *Leningradskiy «blitzkrieg»*). 1941–1942. Moscow, Yauza Publ., 2023. 544 p.
16. Manstein E. von. *Verlorene Siege* (Rus. ed.: Pereslegin S., Ismailov R., eds. *Uteryannyye pobedy*). Moscow, ACT Publ.; St.Petersburg, Terra Fantastica Publ., 1999. 896 p.
17. Nevzorov B. I. *Moskovskaya bitva: fenomen Vsemirnogo mira* [Moscow Battle: Phenomenon of World War II]. Moscow, CiDiPress Publ., 2001. 238 p.
18. Novoselov N. L. *Spravochnik po poteryam Krasnoy Armii v 1941–1943 godakh na territorii Suetovskogo sel'skogo poseleniya Yartsevskogo rayona Smolenskoй oblasti* [Handbook of Red Army Losses in 1941–1943 on the Territory of the Suetovskoye Rural Settlement of the Yartsevo District of the Smolensk Region]. Yartsevo, IP Nasvet N. V., 2021. 126 p.

19. Novoselov N. L. *Yartsevo, 1943 god: khronika osvobozhdeniya* [Yartsevo, 1943: Chronicle of Liberation]. Smolensk, Svitok Publ., 2023. 64 p.
20. Polman H. *900 Days of Fighting for Leningrad. Memories of a Wehrmacht Colonel* (Rus. ed.: Nechaev A. S., transl. *900 dney boyev za Leningrad. Vospominaniya polkovnika vermakhta*). Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2023. 139 p.
21. Pomogaibo A. A. *Psevdoistorik Suvorov i zagadki Vtoroy mirovoy voyny* [Pseudo-historian Suvorov and the mysteries of World War II]. Moscow, Veche Publ., 2003. 474 p.
22. Pernavsky G., ed. *Pochemu Gitler vyigral voynu? Nemetskiy vzglyad* [Why did Hitler lose the war? The German view]. Moscow, Yauza-press Publ., 2012. 384 p.
23. Petrova N. K., ed. *Prestupleniya fashizma v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Crimes of Fascism during the Great Patriotic War]. Moscow, Veche Publ., 2024. 576 p.
24. Samsonov A. M. *Moskva, 1941 god: ot tragedii porazheniy – k Velikoy pobede* [Moscow, 1941: from the Tragedy of Defeats to the Great Victory]. Moscow, Moskovsky Rabochy Publ., 1991. 289 p.
25. Solonin M. *Iyun' 41-go. Okonchatel'nyy diaгноз* [June '41. The Final Diagnosis]. Moscow, Yauza Publ., Eksmo Publ., 2013, 574 p.
26. Solonin M. «*Na mirno spivshikh aerodromakh...*» [“At the Peacefully Sleeping Airfields...”]. Moscow, Yauza Publ., Eksmo Publ., 2006. 576 p.
27. Suvorov V. *Ledokol* [Icebreaker]. Moscow, AST Publ., 2007. 368 p.
28. Shaposhnikov B. M. *Bitva za Moskvu* [Battle for Moscow]. Moscow, Veche Publ., 2024. 544 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Быков Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии МВД России;
e-mail: aleksandr091070@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Bykov – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Civil Law Disciplines, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
e-mail: aleksandr091070@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Быков А. В. Особенности советской и современной российской историографии Великой Отечественной войны // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 4. С. 84–93.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-4-84-93

FOR CITATION

Bykov A. V. Features of the Soviet and modern Russian historiography of the Great Patriotic War. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 4, pp. 84–93.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-4-84-93

УДК 93

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-4-94-105

СИСТЕМА МЕСТНОГО ПРАВОСУДИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX В. В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (2013–2023 ГГ.)

Сотников А. А.*Государственный университет просвещения**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация***Аннотация**

Цель. Выявить и сопоставить оценки, данные по состоянию и реформированию судебной системы Российской империи начала XX в. в современной российской историографии (2013–2023 гг.)

Процедура и методы. Изучение содержания историографических источников, представленных научными монографиями, статьями, рецензиями, обзорами, материалами конференций и «круглых столов» произведено в полном соответствии с принципами исторической объективности. Применяемый комплексный анализ предполагает характеристику судебной системы в Российской империи начала XX в. (представленную в исследованиях современных историков) в качестве уникального государственного феномена, а также рассмотрение её эволюции, обусловленной особенностями политической и социально-экономической жизни.

Результаты. Сопоставлены позиции отечественных исследователей по основным проблемам эволюции судебной системы в Российской империи начала XX в. Выявлено, что основные из этих позиций и связанных с ними проблем носят дискуссионный характер и по-прежнему не утратили своей актуальности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проанализированы основные позиции ведущих отечественных исследователей, которые могут быть использованы при проведении исследований по историографии социально-политической жизни Российской империи начала XX в. в целом.

Ключевые слова: Российская империя, судебная система, реформа суда, судебные преобразования, мировые суды, судоустройство, отечественная историография, Государственная дума, политическая система

THE SYSTEM OF LOCAL JUSTICE OF THE RUSSIAN EMPIRE AT THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY (2013–2023)

A. Sotnikov*Federal State University of Education**ul. Radio 10A, Moscow 105005, Russian Federation***Abstract**

Aim. To identify and compare the estimates given on the state and renewal of the judicial system of the Russian Empire at the beginning of the 20th century in modern Russian historiography (2013–2023)

Methodology. The study of historiographical sources presented in scientific monographs, articles, reviews, materials of conferences and “round tables” is carried out in full accordance with the principles of historical objectivity. The comprehensive analysis characterizes the judicial system in the Russian Empire of the early 20th century (presented in the studies of modern historians) as a unique state phenomenon, as well as the review of its evolution determined by the peculiarities of political and social-economic life.

Results. The article compares the positions of domestic researchers on the main problems of the evolution of the judicial system in the Russian Empire in the early twentieth century. It is revealed that the main of these positions and related problems are debatable and still have not lost their relevance.

Research implications. The main standpoints of the leading Russian researchers that can be used in studying historiography of the social-political life of the Russian Empire at the beginning of the 20th century are comprehensively analyzed.

Keywords: Russian Empire, judicial system, court reform, judicial reforms, magistrates courts, court administration, Russian historiography, State Duma, political system

Введение

В современной историографии отсутствует комплексное исследование работ отечественных исследователей по узловым проблемам эволюции местного суда в Российской империи в начале XX в. Данная работа не претендует на всеобъемлемость раскрытия темы, в ней представлен возможный подход к изучению проблемы.

Инструментарием для достижения поставленной цели стали методы исторического анализа позиций отечественных исследователей, обозначенных в их монографиях, статьях, выступлениях на конференциях и других доступных исследователю формах научного творчества. Материалами для исследования стали работы историков, изучавших различные аспекты эволюции судебной системы в Российской империи начала XX в. Для проведения исследования важно было соблюдение принципов историзма, объективности, а также использование системного метода.

Изучение историографии вопроса показало, что за прошедшие 10 лет (2013–2023 гг.) вышло лишь одно специальное и обобщающее исследование – А. А. Сорокина [30], посвящённое состоянию судебной системы Российской империи конца XIX в. – 1917 г., в которой историографии отведён один раздел. Отдельные аспекты интересующей нас темы представлены в

других работах этого же автора [19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 31].

Но синтезирующих и суммирующих работ, посвящённых научной разработанности темы, нет. Есть отдельные статьи, в которых раскрывается тот или иной аспект историографии интересующей нас темы [8; 13; 15; 16; 17; 18; 34; 35]. Существует определённое количество свежих работ, где проблемы эволюции местного суда в Российской империи рассматриваются на более значительном временном отрезке – с XIX по начало XX вв. [1; 2; 3; 5; 6; 7; 12; 32; 33]. Но практически в каждой работе, посвящённой исследованию судебной системы Российской империи, выдвигаются определённые гипотезы, содержащие оценочные суждения и определяющие перспективы дальнейшего изучения темы.

В данном исследовании с помощью историографического анализа мы постараемся подтвердить или опровергнуть предлагаемые гипотезы современных исследователей.

Реформа

Насущность преобразований местного суда предопределила Судебная реформа 1864 г., которая внесла серьёзные изменения в судебную систему Российской империи. Далеко не все, как в высших эшелонах власти, так и в среде судей-практиков, восторженно оценивали

нововведения. Немало звучало и критических оценок в адрес реформаторов. В сущности, по мнению отечественных исследователей, подобная неоднозначность оценок и послужила едва ли не главной причиной дальнейших преобразований, в т. ч. замены в 1889 г. выборности мировых судей назначаемостью земскими начальниками, а также всех иных изменений в системе судопроизводства [4].

Ряд исследователей утверждает, что последующие за 1864 г. десятилетия были временем дискуссий, главным предметом которых оставалась дилемма: или продолжить демократизацию местного суда (развивая мировую юстицию, реформируя волостной суд, отказываясь от соединения судебных и административных функций и от принципов назначения), или, наоборот, привести судебную систему в соответствие с принципами самодержавного патернализма, сохранив обособленность местного суда и жёсткий контроль властей в вопросе формирования судейского корпуса. Причём исследователи, изучавшие особенности имевшей место дискуссии, были солидарны в том, что российское общество было недовольно существовавшей на тот момент местной юстицией [30, с. 224].

Стоит согласиться с историками, что к началу XX в. даже для «консерваторов» была очевидна необходимость реформирования волостных судов, превратившихся по общему мнению в заведения, где все вопросы решал делопроизводитель в зависимости от объёма взятки. Бесспорным оставалось признание важности и неизбежности устранения из судебной системы земского участкового начальника, который представлял собой объект всеобщего презрения и ненависти [18, с. 69].

Отечественные исследователи подчёркивают, что вопрос о реформе судебной системы оставался в центре внимания Государственной думы I–IV созывов, среди депутатов которой было немало юристов, которые внимательно следили за реакцией общества на действующую

судебную систему, но не в состоянии были предпринять какие-то практические шаги [11, с. 50–56]. Складывалась, по сути, парадоксальная ситуация: практически всё общество проявляло недовольство существовавшей системой суда, но до его коренной реформы, которая смогла бы поднять суд на качественно новый уровень, дело не доходило [9, с. 106–112].

В исследованиях последнего 20-летия были представлены причины общественного недовольства рядом элементов судебной системы, сложившейся после Великих реформ 1860-х гг., указано, что уже в конце XIX в. появились намерения системного преобразования местных судов. Однако выдвинутые министерством юстиции предложения были направлены на окончательное нивелирование действовавших на тот момент принципов существования и деятельности судов. Историки концентрируют внимание на позиции тогдашнего министра юстиции Н. В. Муравьева, который предлагал в вопросе реформирования местного правосудия делать ставку на лиц, назначаемых властью [8, с. 152–158; 18, с. 71; 34, с. 121–130].

Важно и то, что деятельность Высочайше учрежденной комиссии для пересмотра законоположений по судебной части и Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности лишь обострила внимание к реформированию судебной системы в обществе [22, с. 627–633].

В историографии бесспорным считается факт «приглашения» Комиссией российского общества к диалогу в вопросе о неизбежности и важности реформы суда и вектора последней. Однако если следовать документальным свидетельствам, Комиссия, изначально сформулировав цель реформы, продемонстрировала нежелание считаться с мнением общества¹.

¹ См.: Протоколы заседаний Особой комиссии для обсуждения внесенного из Государственной Думы законопроекта о преобразовании местного суда. Б. м., б. г. 563 с.

Что звучит, по крайней мере, несколько парадоксально.

Несмотря на оказываемое ощутимое давление со стороны властей, как центральных, так и местных, в обществе довольно широко дискутировались различные аспекты местного правосудия [35, с. 32–43].

Отечественные исследователи также отмечают особую роль в дискуссии вокруг реформы юридической периодики, на страницах которой были представлены как позиции юристов, так и государственных чиновников. Юристы-теоретики и юристы-практики, получившие образование в пореформенной России, отстаивали преимущества независимого от власти выборного суда, о чём свидетельствуют заседания ряда профессиональных объединений правоведов¹, материалы которых также публиковались на страницах специализированных изданий. Как результат, к началу XX в. количество публикаций, в которых отстаивались принципы необходимости реформирования местного суда, многократно увеличилось.

Важнейшим стимулом реформирования местного суда, по мнению исследователей, явилась деятельность Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (и стоявшим за ним С. Ю. Витте) [22, с. 627–631]. Мнения, звучавшие с мест, обобщались и учитывались, т. к. Витте планировал отказаться от такого института, как волостной суд, что совпадало и с желаниями общественности.

Стоит отметить, что историография как деятельность Высочайше учреждённой комиссии для пересмотра законоположений по судебной части, так и Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности до сих

пор так и не стала предметом специального исследования.

Если судить по опубликованным официальным документам (это мнение разделяют и исследователи), то процесс реформирования местной юстиции был запущен появлением Указа от 12 декабря 1904 г. и составленного по этому случаю министерского проекта [18, с. 72]. Указ 12 декабря 1904 г. – о необходимости уравнения крестьян в правах с иными подданными Империи – был поддержан законопроектом о преобразовании местного суда, который был внесён Министерством юстиции в Государственную думу.

Такая поспешность не могла не сказаться на содержании и указа, и законопроекта, что во многом предопределило их судьбу, когда в 1905 г. антиправительственное движение нарушило все планы властей, заставив представить Государственной думе I созыва проект, предусматривавший восстановление ряда положений Судебных уставов 1864 г. [18, с. 72]. Государственная дума даже не успела приступить к рассмотрению законопроекта о реформе местного суда: с принятием этого закона не спешили, важно было скорее одобрить положение о военно-полевых судах. По мнению историков, эта ситуация усугубила обстановку в стране, особенно после настоящего «взрыва» антиправительственных выступлений конца 1905 – начала 1907 гг.

В ходе обсуждения законопроекта во II Думе, хотя последняя и была уже не «оплотом оппозиции», а одним из институтов власти, она представляла общество, которое дискутировало с властью, причём – достаточно критически. Поэтому, несмотря на то, что ряд положений проекта реформы отвечали основным программным установкам либералов, депутаты Государственной думы считали необходимым дальнейшее давление на исполнительные власти в данном вопросе. Считая важным и первостепенным оградить суд от давления со стороны вла-

¹ См.: Протокол заседания отделения обычного права Юридического Общества 30 октября 1904 г. по докладу А. А. Леонтьева «Волостной суд» // Вестник права. 1905. № 2. Приложение. С. 1–12.

стей и добиться разрешения доступа в его состав интеллигенции, думская комиссия по судебным реформам внесла поправки о приоритете образовательного ценза над имущественным цензом и об изменении формата апелляционной инстанции. Это стало едва ли не самым радикальным шагом в реформировании судебной системы [30, с. 226].

Именно эти положения в дальнейшем и стали «яблоком раздора» между депутатами Государственной думы и правительством, что особенно ярко проявилось в период работы III Думы, на время деятельности которой пришёлся главный объём работ по подготовке реформы местного суда.

Бесспорно утверждение отечественных историков о том, что работа III Думы по законопроекту стала, по сути, вызовом исполнительной власти, т. к. предусматривала введение контроля над судьями посредством замены на систему цензовых фильтров. Подобная рокировка – восстановление выборного мирового суда – должна была обеспечить прохождение реформы. Однако на практике реформа оказалась под угрозой, что было связано с её критикой как «левых», так и «правых» партий и политических объединений [30, с. 226].

Таким образом, в процесс обсуждения реформы местных судов было вовлечено большое количество субъектов, в т. ч. Министерство юстиции, депутаты II–III Думы, Государственный совет (законопроект обсуждался здесь 13 раз), особая комиссия последнего (где законопроект обсуждался 1,5 года), согласительная комиссия Государственного совета и Государственной думы III созыва. В результате всех этих многочисленных обсуждений законопроект переписывался более 10 раз [18, с. 73].

Такой подход как затруднял, так и упрощал согласование спорных моментов законопроекта. Конечно, затягивалось его принятие, но снимались острые вопросы, и шёл поиск компромисса. Одна-

ко в историографии есть и иное мнение, согласно которому в значительной степени логика обсуждения законопроекта не отступала от схемы, характерной для всех законопроектов столыпинского времени. Логика бесконечных обсуждений, не вызывавших общественного резонанса, корректировалась такими событиями, как роспуск I и II Государственных дум, переписыванием избирательного законодательства в обход основных государственных законов, многолетним «перетягиванием каната» между сторонниками и противниками мировой юстиции. Всё это завершилось победой последних и принятием Государственной думой III созыва закона «О преобразовании местного суда» [18, с. 73].

В исследованиях последних 20 лет подчёркивается, что критика реформы шла от разных социальных и политических слоёв [14]. Кто же выступал критиками и почему?

Во-первых, это было наиболее консервативно настроенное дворянство, для которого упразднение суда земских начальников представлялось потерей контроля над определёнными сферами общественной жизни.

Во-вторых, это частично правые парламентские фракции Государственной думы, для которых введение института выборов судей представлялось политически опасным для Российской империи шагом, поскольку подрывало основы самодержавия.

В-третьих, критиками выступали крестьянские депутаты Думы, для которых волостной суд, хотя и был не без недостатков, но представлял символ сельского самоуправления. Отстранение крестьян от участия в выборах судей перевешивало все существовавшие положительные аспекты судебной реформы.

Стоит сделать акцент и на том, что «левые» партии и политические деятели настаивали на минимизации цензовых препятствий, рассчитывая на широкий допуск интеллигенции в судебную си-

стему и всеобщих выборах судей. В этих условиях власти могли рассчитывать на фракции «крайне правых», но их известная непоследовательность могла сорвать принятие Государственной думой важнейших пунктов судебной реформы. Поэтому власти шли на вынужденные уступки [15, с. 51–56].

И в Государственном совете было немало критиков реформы местного суда, но власть пошла на уступки, дав согласие на сохранение волостного суда. Это потребовало от Государственного совета внести серьёзные коррективы в законопроект о реформировании суда. Работа над новым вариантом реформы была завершена незадолго до окончания срока полномочий Государственной думы III созыва, и депутатам, «оказавшимся в цейтноте», пришлось принять предложенный последний вариант законопроекта [30, с. 227]. Некоторые исследователи утверждают, что этот вариант был принят «за чаем» (т. е. во время неформальной встречи) у премьер-министра [17, с. 119].

По мнению исследователей, изучавших историю законопроекта о реформе местного суда, содержание реформы непосредственно зависело от революционного (правильнее было бы сказать, оппозиционного, антиправительственного) движения. В подтверждение своего предположения историки приводят следующие доводы: наиболее демократические принципы организации местного суда соотносились с «американским» путём развития рыночных отношений в аграрном секторе; коллегиальность волостного суда сочеталась с прямой выборностью судей и председателя волостного суда на основе всеобщего тайного голосования; отказ от имущественного ценза в вопросе отбора кандидатов на пост судьи. Поражение леворадикальных кругов общества в 1905–1907 гг. сыграло на руку сторонникам волостного суда, имущественного ценза и принципа назначаемости судей [10; 24; 28].

В период Государственной думы III созыва исполнительная власть и Государственный совет воспользовались ситуацией спада антиправительственных выступлений и настояли на своём проекте судебной реформы местного суда. По сути, депутатам Думы предложили выбирать между «плохим» и «очень плохим». Последним ничего не оставалось, только как «сделать хорошую мину при плохой игре» [18, с. 75].

Представляет интерес позиция исследователей в вопросе, почему исполнительной власти удалось заручиться поддержкой не только членов Государственного совета, но и неконформистски настроенных кругов депутатов Государственной думы. К. А. Соловьёв считает, что за многие годы совместной деятельности представительных учреждений и властных структур постепенно складывались взаимоотношения, симпатии и антипатии, возникали взаимные обязательства. И главное то, что законодательные институты России постепенно встраивались в политическую систему государства. Депутаты участвовали в политической борьбе, занимая сторону того или иного государственного деятеля. Депутаты Государственной думы, члены Государственного совета приглашались самим премьером или влиятельными в правительстве и обществе министрами на неформальные встречи, во время которых решались важнейшие вопросы жизни государства и общества, т. е. складывалась совершенно новая процедура выработки и принятия законопроектов в области армии и флота, внешней политики страны [17, с. 128].

Депутаты получали возможность влияния на внешнюю и внутреннюю политику государства, а не только отдельных законов, даже в таких сферах, как право ведение. И министры поддерживали контакты с наиболее влиятельными депутатами Государственной думы и членами Государственного совета, рассчитывая на их безусловную поддержку при лоббиро-

вании важнейших вопросов, например, в обсуждении той же судебной реформы [17, с. 128].

Обсуждая этот аспект, общественность и политики создавали противоположные модели местного суда, волостных судов, тогда как нормы обычного права представляли собой как средоточие невежества и коррупции, так и символ общинной самобытности, и воплощение понятий о справедливости [16, с. 119–122]. Земских начальников воспринимали не иначе как попечителями о крестьянском правопорядке, как начальство, наделённое безграничной властью [10, с. 52–59].

Даже сохранение принципа выборности мировых судей – одна из вынужденных уступок «либеральным кругам» – ни в коей мере не выражала ожиданий большинства населения [18, с. 75; 19, с. 127–135]. И правоведа, и политики, участвовавшие в дискуссиях по законопроекту, неоднократно обращали внимание на то, что реформа местного суда могла бы внести значимые изменения в функционирование правосудия и была бы с пониманием встречена обществом при условии «коренной демократизации местного самоуправления, реформирования его на началах бессословности» [18, с. 75].

Ещё один аспект, занявший видное место в исследованиях отечественных историков: включение в политические программы партий разделов, посвящённых судебной системе и её реформе [13, с. 44]. Акцент, в частности, в программах либеральных партий делался на достаточно радикальных принципах: «сословный суд упраздняется»; «ответственность должностных лиц определяется на общем основании»; «волостной суд и институт земских начальников упраздняются», «восстанавливается принцип единства кассационного суда, компетенция суда присяжных определяется исключительно тяжестью наказания, назначенного в законе безотносительно к роду дел», в политических программах партий личные права граждан ставились

под защиту суда. Это же подтверждают и документальные свидетельства¹.

Считалось, что основные элементы судебной системы становились подлинно всесловными, в его компетенцию входят все государственные преступления, завершается совокупность принципов переустройства судебной системы провозглашением принципа организации адвокатуры на основе подлинного самоуправления [13, с. 45].

Таким образом, исследователи настаивают на том, что Закон о реформе местного суда 1912 г. стал результатом длительных общественно-политических дискуссий. Сохранение волостной юстиции при восстановлении мирового суда стало закономерным итогом дебатов, начавшихся ещё в 1880-х гг. Наличие в законе значительного количества условий и требований к кандидатам в судьи стало следствием политики сдержек и противовесов для либеральных и консервативных кругов. Именно поэтому закон в итоге был довольно прохладно встречен и представителями различных политических сил, и юристами – являясь формальным компромиссом, де-факто он полностью не устраивал никого из участников дискуссии [30, с. 227]. Что подтверждается также и документально².

Заключение

Бесспорно утверждение отечественных исследователей о том, что к началу XX в. реформа местного суда в Российской империи стала одной из самых насущных, и этот вопрос явился одной из причин «раскола» в обществе.

Однако исследователи указывают на то, что «расколу» предшествовала дискуссия, которая являла собой длительный процесс, и в которой приняли

¹ Отчет о деятельности фракции партии народной свободы во второй Государственной Думе // Вестник народной свободы. 1907. № 23–24. Стб. 1326–1353.

² О преобразовании местного суда // ПСЗРИ. Собр. 3. СПб., 1915. Отд. 1. Т. XXXII. № 37328. С. 662–704.

участие государственные и политико-общественные субъекты. Причём позиции последних менялись в зависимости от складывавшейся на тот или иной момент ситуации в стране. И факт этот стоит считать бесспорным.

В то же время стоит согласиться с утверждением, что эффективность институтов местного суда в ходе дискуссий постепенно отходила на второй план, уступая место идеологическим вопросам, каждый из субъектов дискуссии считал свою позицию, отражающую пункты политической программы, единственно верной.

Механизмами коммуникаций выступали Государственная дума и создаваемые властями законосовещательные структуры; полемика принимала как межпартийный, так и межсословный ха-

раактер, что только затягивало и обостряло дискуссии, идущие вокруг обсуждаемого объекта; закон «О преобразовании местного суда» 1912 г. носил компромиссный характер и стал результатом длительных дискуссий между Государственной думой и правительством.

Однако нельзя согласиться с выводом о том, что реформа местной юстиции 1912 г. «половинчатая филистерская мера», которая только ускорила революционный процесс в Российской империи [18, с. 78]. Это вывод сделан на основе современного видения ситуации начала XX в. Ход дискуссии в вопросе о местных судах, выработка законодательной базы и проведение реформы отражали те социально-общественные процессы, которые происходили в реальности.

Дата поступления в редакцию 13.08.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Анциферова Л. А., Вишневский В. Г., Вишневский А. В. и др. Административно-судебная система Восточной Сибири конца XIX – начала XX вв. лицах и документах. Иркутск: Принт Лайн, 2022. 462 с.
2. Большакова В. М. Динамика судебных преобразований в России во второй половине XIX – начале XXI века (историко-правовое исследование). Тамбов: ИД «Державинский», 2021. 660 с.
3. Бриль Г. Г., Зайцев Л. Н. Московский судебный округ в судебной системе пореформенной России (вторая половина XIX века – начало XX века) // Конституция Российской Федерации – правовая основа устойчивого развития законодательства и российской государственности (К 30-летию принятия Конституции Российской Федерации): сб. трудов. Кострома, 2024. С. 187–195.
4. Баринов В. В. Организация и деятельность волостных судов в землях Мордовии (1861–1917 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. 229 с.
5. Власов С. С. Судебная система России в начале XX века // Условия, императивы и альтернативы развития современного общества в период нестабильности: экономика, управление, социология, право: сб. трудов / под ред. Е. В. Королук. Краснодар, 2020. С. 144–147.
6. Гинзбург И. В., Скипетров Д. П. Основные этапы развития коммерческих судов в российском государстве в контексте становления права на обращение в арбитражный суд // Контентус. 2022. № 7. С. 62–68.
7. Голобородько А. В., Рябченко А. Г. История развития судебно-экспертных учреждений в период Российской империи // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 10-3. С. 52–54.
8. Горайнова Е. Ю. Защита прав участников судебного процесса в проектах комиссии Н. В. Муравьева // Юридические записки. 2014. № 1. С. 152–158.
9. Донская С. В. Первая и самая важная ступень школы гражданского воспитания (мировые судьи дореволюционной России и российское общество) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2014. № 9-1. С. 105–114.
10. Земцов Л. И. Борьба за крестьянское правосудие в России в начале XX века // Вестник восстановительной юстиции. 2016. № 13. С. 52–59.
11. Земцов Л. И. Законопроект о местном суде в Государственной Думе второго созыва (1907 г.) // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 3. С. 50–57.

12. Исаев В. И. На пути к оптимальной структуре судебной системы: рецензия на книгу В. М. Большаковой «Динамика судебных преобразований в России во второй половине XIX – начале XXI века (историко-правовое исследование) // Юридические исследования. 2021. № 11. С. 108–116.
13. Калугин П. А. Реформа судебной системы в программах либеральных партий России начала XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 1. С. 44–51.
14. Калугин П. А. Российский либерализм конца XIX – начала XX в. о реформировании судебной системы: теория и практика: дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2014. 217 с.
15. Медоваров М. В., Сорокин А. А. Консерваторы и их оппоненты в дискуссии о судебных полномочиях земских начальников (конец XIX в.) // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2015. № 2. С. 51–56.
16. Менщиков И. С. Волостной суд как хранитель традиционных норм поведения в русской деревне // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 6. С. 119–124.
17. Соловьев К. А. «За чашкой чая». Взаимодействие законодательной и исполнительной власти в 1906–1914 гг.: неформальные практики // Таврические чтения-2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: мат-лы конф. Ч. 1. СПб.: ЭлекСис, 2013. С. 117–133.
18. Соломко З. В. Местный суд в России начала XX века // Российское правосудие. 2016. № 8. С. 67–78.
19. Сорокин А. А., Селезнев Ф. А. Кадетская фракция Государственной Думы и столыпинская реформа местного суда (1907–1912 гг.) // Время выбрало нас: путь интеллектуала в политику: сборник научных статей: мат-лы конференции. Орел, 2012. С. 127–135.
20. Сорокин А. А. Быть или не быть: вопрос об упразднении волостного суда в законодательских практиках Государственной Думы (1907–1910 гг.) // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: сб. статей. Ч. 1. / под ред. А. Б. Николаева. СПб.: ЭлекСис, 2016. С. 111–116.
21. Сорокин А. А. Вопрос о реформе местного суда в деятельности II Государственной Думы // Государство, общество, церковь в истории России 35 XX–XXI вв.: мат-лы конф. Ч. 2. Иваново, 2015. С. 533–540.
22. Сорокин А. А. Вопрос о реформе местного суда в деятельности Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI вв.: мат-лы конф. Ч. 2. Иваново, 2016. С. 627–633.
23. Сорокин А. А. Законодательная деятельность II Государственной Думы по вопросу реформы местного суда в оценках газеты «Новое время» // Этноконфессиональные и национальные проблемы развития отечественной государственности в теории, программатике и политико-правовой практике российского либерализма: сб. конф. Орел: Орлик, 2015. С. 267–274.
24. Сорокин А. А. И. В. Гессен и вопрос о реформе местного суда Российской империи в начале XX в. // Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии: сб. конф. Орел, 2014. С. 324–328.
25. Сорокин А. А. Институты пореформенного местного суда Нижегородской губернии (к 150-летию судебной реформы 1864 г.) // Нижегородский край в истории России: мат-лы конф. Нижний Новгород: Pixel-print, 2015. С. 159–164.
26. Сорокин А. А. К вопросу о сословном характере института земских начальников (по материалам Нижегородской губернии) // Народ и власть: вопросы истории государства и права: сб. науч. трудов / отв. ред. И. В. Михеева, Ф. А. Селезнев. Нижний Новгород, 2014. С. 326–330.
27. Сорокин А. А. К вопросу об эффективности судебных полномочий земских начальников: региональный опыт и современная историографическая традиция // Humanitas'03: сб. статей / под ред. А. В. Никитиной, М. С. Уколовой. Чебоксары, 2013. С. 85–98.
28. Сорокин А. А. Консервативные круги Российской империи и вопрос о реформе местного суда в начале XX века: новый подход к проблеме // Актуальные проблемы социальной коммуникации: мат-лы конф. Нижний Новгород, 2013. С. 150–154.
29. Сорокин А. А. Обсуждение законопроекта о реформе местного суда в российской империи во II и III Государственных думах: конфликт власти и либеральной общественности // Документ. Архив. История. Современность. 2014. Вып. 14. С. 95–97.

30. Сорокин А. А. Реформа местного суда в Российской империи: власть и общество (конец XIX – начало XX вв.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2021. 255 с.
31. Сорокин А. А. Реформа местного суда и позиция фракции трудовиков в III Государственной Думе // Народ и власть: взаимодействие в истории и современности: сб. трудов / отв. ред. И. В. Михеева, Ф. А. Селезнёв. Нижний Новгород, 2015. С. 394–398.
32. Тищенко А. Б., Сердюк А. В. Влияние идей С. И. Зарудного на реформы российского законодательства // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 1. С. 105–111.
33. Петрищева Н. С., Зарубина К. А. Институт судебных приставов в системе государственных должностей во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Курской губернии) // Известия Юго-западного государственного университета. Серия: история и право. 2019. Т. 9. № 6. С. 29–36.
34. Щедрина Ю. В. Вопросы обеспечения независимости судей в докладе Н. В. Муравьева о пересмотре законоположений по судебной части // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. статей / отв. ред. А. И. Гулин. Новосибирск, 2014. С. 121–130.
35. Щедрина Ю. В. Дискуссии о судьбе волостного суда в ходе работы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности // Учёные записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 4. С. 32–43.

REFERENCES

1. Antsiferova L. A., Vishnevsky V. G., Vishnevsky A. V., et al. *Administrativno-sudebnaya sistema Vostochnoy Sibiri konets XIX – nachalo XX vv. litsakh i dokumentakh* [Administrative and judicial system of Eastern Siberia in the late 19th – early 20th centuries. persons and documents]. Irkutsk, Print Line Publ., 2022. 462 p.
2. Bolshakova V. M. [Dynamics of judicial reforms in Russia in the second half of the 19th – early 21st century (historical and legal study)]. Tambov, ID “Derzhavinsky” Publ., 2021. 660 p.
3. Bril G. G., Zaitsev L. N. [Moscow judicial district in the judicial system of post-reform Russia (second half of the 19th century – early 20th century)]. In: *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii – pravovaya osnova razvitiya gosudarstva i rossiyskoy gosudarstvennosti (K 30-letiyu prinyatiya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii)* [The Constitution of the Russian Federation is the legal basis for the sustainable development of legislation and Russian statehood (On the 30th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation)]. Kostroma, 2024, pp. 187–195.
4. Barinov V. V. *Organizatsiya i deyatel'nost' volostnykh sudov v zemlyakh Mordovii (1861–1917 gg.): dis. ... kand. yurid. nauk* [Organization and activities of volost courts in the lands of Mordovia (1861–1917): Cand. Sci thesis in Law]. Saratov, 2016. 229 p.
5. Vlasov S. S. [The judicial system of Russia at the beginning of the 20th century]. In: Korolyuk E. V., ed. *Usloviya, imperativy i al'ternativy razvitiya sovremennogo obshchestva v period nestabil'nosti: ekonomika, upravleniye, sotsionomiya, pravo* [Conditions, imperatives and alternatives for the development of modern society in a period of instability: economics, management, sociology, law]. Krasnodar, 2020, pp. 144–147.
6. Ginzburg I. V., Skipetrov D. P. [The main stages of the development of commercial courts in the Russian state in the context of the formation of the right to appeal to an arbitration court]. In: *Kontentus* [Contentus], 2022, no. 7, pp. 62–68.
7. Goloborodko A. V., Ryabchenko A. G. [History of the development of forensic institutions during the Russian Empire]. In: *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i gumanitarnykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 2023, no. 10-3, pp. 52–54.
8. Goryainova E. Yu. [Protection of the rights of participants in the trial in the projects of the commission of N. V. Muravyov]. In: *Yuridicheskiye zapiski* [Legal notes], 2014, no. 1, pp. 152–158.
9. Donskaya S. V. [The first and most important stage of the school of civic education (magistrates of pre-revolutionary Russia and Russian society)] In: *Istoriko-pravovyye problemy: Novyy rakurs* [Historical and legal problems: A new perspective], 2014, no. 9-1, pp. 105–114.
10. Zemtsov L. I. [The fight for peasant justice in Russia at the beginning of the 20th century]. In: *Vestnik prokurora yustitsii* [Bulletin of restorative justice], 2016, no. 13, pp. 52–59.

11. Zemtsov L. I. [Bill on the local court in the State Duma of the second convocation (1907)]. In: *Vestnik Lipetskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University. Series: Humanities], 2015, no. 3, pp. 50–57.
12. Isaev V. I. [Towards an Optimal Structure of the Judicial System: Review of the Book by V. M. Bolshakova “Dynamics of Judicial Reforms in Russia in the Second Half of the 19th – Early 21st Century (Historical and Legal Research)”]. In: *Yuridicheskiye issledovaniya* [Legal Studies], 2021, no. 11, pp. 108–116.
13. Kalugin P. A. [Reform of the Judicial System in the Programs of Liberal Parties in Russia at the Beginning of the Twentieth Century]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki* [News of Higher Educational Institutions. Volga Region. Humanities], 2013, no. 1, pp. 44–51.
14. Kalugin P. A. *Rossiyskiy liberalizm kontsa XIX – nachala XX v. o reformirovaniy slozhnoy sistemy: teoriya i praktika: dis. ... kand. ist. nauk* [Russian Liberalism of the Late 19th – Early 20th Century on Reforming the Judicial System: Theory and Practice: Cand. Sci. thesis in Historical sciences]. Orel, 2014. 217 p.
15. Medovarov M. V., Sorokin A. A. [Conservatives and their opponents in the discussion about the judicial powers of zemstvo chiefs (late 19th century)]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the N. I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod], 2015, no. 2, pp. 51–56.
16. Menshchikov I. S. [Volost court as a keeper of the traditional norms of behaviour in the Russian countryside]. In: *Istoricheskiye, filosofskiy, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice], 2016, no. 6, pp. 119–124.
17. Soloviev K. A. [“Over a cup of tea”. Interaction of legislative and executive powers in 1906–1914: informal practices]. In: *Tavrisheskiye chteniya-2012. Aktualnyye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost: mat-ly konf. CH. 1* [Tavrisheskie readings-2012. Actual problems of parliamentarism: history and modernity: materials of the conference. Part 1]. St. Petersburg, ElekSis Publ., 2013, pp. 117–133.
18. Solomko Z. V. [Local court in Russia at the beginning of the 20th century]. In: *Rossiyskoye pravosuudiye* [Russian justice], 2016, no. 8, pp. 67–78.
19. Sorokin A. A., Seleznev F. A. [The Cadet faction of the State Duma and the Stolypin reform of the local court (1907–1912)]. In: *Vremya vybrano nami: put intellektuala v politike: sbornik nauchnykh statey* [Time has chosen us: the path of an intellectual in politics: a collection of scientific articles]. Orel, 2012, pp. 127–135.
20. Sorokin A. A. [To be or not to be: the question of the abolition of the volost court in the legislative practices of the State Duma (1907–1910)]. In: Nikolaev A. B., ed. [Tavrisheskie Readings 2015. Actual problems of parliamentarism: history and modernity. Part 1]. St. Petersburg, ElekSis Publ., 2016, pp. 111–116.
21. Sorokin A. A. [The issue of local court reform in the activities of the Second State Duma]. In: *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov v istorii Rossii 35 XX–XXI vv.* [The State, Society, Church in the History of Russia in the 20th – 21st Centuries. Part 2]. Ivanovo, 2015, pp. 533–540.
22. Sorokin A. A. [The issue of local court reform in the activities of the Special Conference on the Needs of the Agricultural Industry]. In: *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov v istorii Rossii XX–XXI vv.* [The State, Society, Church in the History of Russia in the 20th – 21st centuries. Part 2]. Ivanovo, 2016, pp. 627–633.
23. Sorokin A. A. [Legislative activity of the Second State Duma on the issue of local court reform in the assessments of the Novoye Vremya newspaper]. In: *Etnokonfessionalnyye i ekonomicheskoye problemy razvitiya otechestvennoy gosudarstvennosti v teorii, programmike i politiko-pravovoy praktike rossiyskogo liberalizma* [Ethnoconfessional and national problems of the development of domestic statehood in the theory, programmatics and political and legal practice of Russian liberalism]. Orel, Orlik, 2015, pp. 267–274.
24. Sorokin A. A. [I. V. Hessen and the Question of Reforming the Local Court of the Russian Empire at the Beginning of the 20th Century]. In: *Imperskaya i monarkhicheskaya sostavlyayushchaya liberalnoy ideologii* [The Imperial and Monarchist Component of Liberal Ideology]. Orel, 2014, pp. 324–328.
25. Sorokin A. A. [Institutions of the Post-Reform Local Court of the Nizhny Novgorod Province (on the 150th Anniversary of the Judicial Reform of 1864)]. In: *Nizhegorodskiy kray v istorii Rossii* [The Nizhny Novgorod Region in the History of Russia]. Nizhny Novgorod, Pixel-print Publ., 2015, pp. 159–164.
26. Sorokin A. A. [On the Question of the Class Nature of the Institute of Zemstvo Chiefs (Based on the Materials of the Nizhny Novgorod Province)]. In: Mikhееva I. V., Seleznev F. A., eds. *Narod i vlast: voprosy istorii gosudarstva i prav* [People and Power: Questions of the History of the State and Law]. Nizhny Novgorod, 2014, pp. 326–330.

27. Sorokin A. A. [On the Efficiency of the Judicial Powers of Zemstvo Chiefs: Regional Experience and Modern Historiographic Tradition]. In: Nikitina A. V., Ukolova M. S., eds. *Humanitas'03*. Cheboksary, 2013, pp. 85–98.
28. Sorokin A. A. [Conservative Circles of the Russian Empire and the Issue of Local Court Reform at the Beginning of the Twentieth Century: A New Approach to the Problem]. In: *Aktualnyye problemy sotsialnykh kommunikatsiy* [Actual Problems of Social Communication]. Nizhny Novgorod, 2013, pp. 150–154.
29. Sorokin A. A. [Discussion of the Bill on Local Court Reform in the Russian Empire in the II and III State Dumas: The Conflict between the Authorities and the Liberal Public]. In: *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost* [Document. Archive. History. Modernity], 2014, iss. 14, pp. 95–97.
30. Sorokin A. A. *Reforma mestnogo suda v Rossiyskoy imperii: Vlast' i obshchestvo (konets XIX – nachalo XX vv.)* [Local court reform in the Russian Empire: power and society (late 19th – early 20th centuries)]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2021. 255 p.
31. Sorokin A. A. [Local court reform and the position of the Trudoviks faction in the III State Duma]. In: Mikheeva I. V., Seleznev F. A., eds. *Narod i vlast: vzaimodeystviye v istorii i sovremennosti* [People and power: interaction in history and modernity]. Nizhny Novgorod, 2015, pp. 394–398.
32. Tishchenko A. B., Serdyuk A. V. [The influence of S. I. Zarudny's ideas on the reforms of Russian legislation]. In: *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost* [Legal science: history and modernity], 2022, no. 1, pp. 105–111.
33. Petrishcheva N. S., Zarubina K. A. [The Institute of Bailiffs in the System of Government Positions in the Second Half of the 19th – Early 20th Century (Based on Materials from the Kursk Province)]. In: *Izvestiya Yugo-zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya i pravo* [Bulletin of the South-western State University. Series: History and Law], 2019, vol. 9, no. 6, pp. 29–36.
34. Shchedrina Yu. V. [Issues of Ensuring the Independence of Judges in N. V. Muravyov's Report on the Review of Judicial Legislation]. In: Gulina A. I., ed. *Aktualnyye voprosy obshchestvennykh nauk: sotsiologiya, politologiya, filosofiya, istoriya* [Current Issues in Social Sciences: Sociology, Political Science, Philosophy, History]. Novosibirsk, 2014, pp. 121–130.
35. Shchedrina Yu. V. [Discussions about the fate of the volost court during the work of the Special Conference on the needs of the agricultural industry]. In: *Uchonyye zapiski: elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes: electronic scientific journal of Kursk State University], 2014, no. 4, pp. 32–43.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сотников Андрей Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: microlabussssss@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrei A. Sotnikov – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Russian History, Federal State University of Education;
e-mail: microlabussssss@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сотников А. А. Система местного правосудия Российской империи начала XX в. в современной отечественной историографии (2013–2023 гг.) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 4. С. 94–105.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-4-94-105

FOR CITATION

Sotnikov A. A. The system of local justice of the Russian Empire at the beginning of the twentieth century in modern Russian historiography (2013–2023). In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 4, pp. 94–105.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-4-94-105

УДК 373.5

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-4-106-116

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ УЧЕБНЫХ ПРОГРАММ ПО ИСТОРИИ В ШКОЛАХ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Сотникова А. И.*Государственный университет просвещения**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Анализа Национального учебного плана по истории и рабочих учебных планов школ Великобритании для понимания процесса преподавания истории в государственных школах Великобритании.

Процедура и методы. В статье рассматривается учебный план Великобритании по предмету «История» и рабочие планы государственных школ с точки зрения реализации Национального плана. Ключевым является сравнительный метод, позволяющий выявить основные тенденции, сходства и различия в практике преподавания истории в британских школах.

Результаты. Анализ рабочих планов нескольких школ Великобритании позволил выявить общие тенденции в организации исторического образования в государственных школах, а также показал их недостаточную проработанность с точки зрения детализации тем, временных рамок и методики осуществления образовательного процесса.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные выводы показывают необходимость дальнейшего изучения образовательного контента в полном объеме для получения полной картины реализации исторического образования в Великобритании на уровне школы как ключевого аспекта в формировании мировоззрения подрастающего поколения.

Ключевые слова: Национальный учебный план, Великобритания, система школьного образования, школы Великобритании, преподавание истории

ON THE ISSUE OF THE CONTENT OF HISTORY CURRICULA IN BRITISH SCHOOLS

A. Sotnikova*Federal State University of Education**ul. Radio 10A, Moscow 105005, Russian Federation*

Abstract

Aim. Based on the analysis of the National History Curriculum and the work curricula of British schools, to get an idea of the process of teaching history in British state schools.

Methodology. The article focuses on the National Curriculum of Great Britain (History Programmes of Study) and the History curricula of some public schools from the point of view of the implementation of the National Curriculum. The key method is the comparative one. It allows to identify the main tendencies, similarities and differences in the practice of teaching history in British schools.

Results. The analysis reveals general tendencies in the organization of historical education in state schools in the UK, and also shows their insufficient elaboration of school curricula in terms of the detail of the topics, time frames and methods of the educational process.

Research implications. The results show the need for further study of educational content to the full to obtain a complete picture of the implementation of historical education in British schools as the key aspect of shaping worldview of the younger generation.

Keywords: National curriculum, UK, school system, British schools, teaching history

Введение

Великобритания – один из ведущих игроков на мировой политической арене, претендующих на оказание значительного влияния на мировое сообщество: постоянный член Совета Безопасности ООН, G7, G20, НАТО, ОЭСР, ВТО, Совета Европы, ОБСЕ, одна из ядерных держав [1; 11].

Результаты изучения мировоззренческих тенденций в формировании отношения к России, её роли на мировой политической арене, позиции западных стран по спорным внешнеполитическим вопросам являются инструментом для обеспечения стратегического развития национальной безопасности России [8; 11].

Учебный предмет «История» в системе школьного образования Великобритании, так же, как и в любом другом государстве, призван сформировать мировоззрение подрастающего поколения своих граждан. От того, каким формируется это мировоззрение в наши дни, зависят международные отношения России и Великобритании в будущем. Можно говорить об объективном прошлом, но не об объективности истории [2]. Воспитывая нового гражданина общества, каждая страна преследует собственные цели. Это становится особенно актуальным в свете последних внешнеполитических событий. В результате комплексного изучения системы школьного образования (в т. ч. содержания школьных учебников и учебных программ) можно создавать долгосрочные политические прогнозы взаимоотношений между государствами на десятилетия вперед.

Прежде всего, необходимо определить роль школьных учебных программ по истории в организации учебного процесса и степень их информативности с точки зрения содержания образования и

методических подходов в его реализации. Одним из наиболее эффективных методов решения здесь представляется сравнительный анализ нескольких учебных планов, по которым работают школы. В качестве источников использовались официальные сайты правительства и нескольких государственных средних школ Великобритании.

Современные учёные достаточно много внимания уделяют вопросам, связанным с системой образования в Великобритании. Анализ научных статей, посвящённых изучению преподавания истории в школах Великобритании, показал, что вопросы узкой тематической направленности затрагиваются гораздо реже. Попытки использования учебных планов по истории в качестве одного из основных информационных источников современными учёными не предпринимались.

Национальный учебный план

Система образования Великобритании пока ещё считается одной из наиболее престижных и качественных в мире. Об этом пишут в своих трудах многие учёные и педагоги. Доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник Института содержания и методов обучения Российской академии образования Е. Е. Вяземский в статье «Современная система образования в Великобритании» говорит об эффективности британской системы образования в силу её развитости и зрелости [4]. К сходным выводам в своих исследованиях приходят и Е. В. Геддис [5], А. В. Желудович [6], К. А. Котусенко [9]. Однако это взгляд извне, который не всегда позволяет оценить ситуацию в динамике, заметить зарождающиеся тенденции. Иной точки зрения придерживаются учёные

Великобритании. Шотландский историк Д. Смит говорит о том, что в погоне за современными мировыми тенденциями система образования Великобритании теряет свою веками наработанную системность, глубину и уникальность, идёт процесс унификации и, как следствие, смещение приоритетов от знаний в сторону практических умений, которые хочет видеть в будущем поколении современное мировое экономическое сообщество [15]. Ещё одна тенденция, о которой говорит шотландский учёный М. Пристли, – стремление к объединению истории, географии и современного обществознания (*Modern Studies*) в один курс «общественные науки» (*Social Studies*), который предполагает реализацию междисциплинарного подхода и также имеет целью сокращение количества учителей, преподающих разные дисциплины [14]. Пристли видит положительные стороны в этой тенденции, но подчёркивает необходимость дальнейших исследования мировых практик и получения эмпирических данных, подтверждающих её эффективность.

Современную систему образования в Великобритании регламентирует Национальный учебный план, который был введён в 1988 г. в результате принятия Закона о реформе образования (*Education Reform Act 1988*¹). Этот закон предполагает обязательное образование для детей и подростков в возрасте от 5 до 16 лет.

Национальный учебный план структурирует обучение в начальной и средней школе следующим образом: выделяются 4 ключевых этапа (*Key Stages*). К периоду обучения в начальной школе относятся ключевые этапы 1 и 2 (*Key Stages 1, 2*). Ключевой этап 1 включает в себя первый и второй года обучения (возраст учащихся с 5 до 7 лет). Ключевой этап 2 включает в себя с третьего по шестой

года обучения (возраст учащихся с 8 до 11 лет). К периоду обучения в средней школе относятся ключевые этапы 3 и 4 (*Key Stages 3, 4*). Ключевой этап 3 включает в себя седьмой, восьмой и девятый года обучения (возраст учащихся с 11 до 14 лет). К ключевому этапу 4 относятся десятый и одиннадцатый года обучения (возраст учащихся с 15 до 16 лет). По окончании учащихся получает документ о среднем образовании – Общий сертификат о среднем образовании (*General Certificate of Secondary Education, GCSE*), который выдаётся по результатам экзаменов по выбранным предметам. На этом этапе обязательного общего образования заканчивается.

После этого можно пойти учиться в технические учебные заведения и начать работать или продолжить учебу в старших классах (*Sixth Form*). Школьники, пришедшие на данный этап, углубленно изучают выбранные ими дисциплины в соответствии с их будущей специальностью в университете. По окончании обучения выдаётся Общий сертификат среднего образования продвинутого уровня (*A-Levels*).

История как предмет является обязательным на ключевых этапах 1–3 (*Key Stages 1–3*). На ключевом этапе 4 (заключительном этапе обязательного общего образования) история уже не входит в список обязательных предметов и является выборочным.

Национальный план по истории (*National curriculum in England: history programmes of study*), который представлен на официальном сайте правительства Великобритании², даёт общие тематические направления для всех уровней обязательного образования (табл. 1).

¹ Education Reform Act 1988 // The National Archives: [сайт]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/40/contents/enacted> (дата обращения: 04.05.2024).

² History programmes of study. National curriculum in England // Department for Education: [сайт]. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/national-curriculum-in-england-history-programmes-of-study/national-curriculum-in-england-history-programmes-of-study> (дата обращения: 04.05.2024).

Таблица 1 / Table 1

Тематические ориентиры по уровням обучения / Thematic guidelines for training levels

Ключевой этап (Key Stage)	Возраст учащихся	Изучение истории	Тематические ориентиры (Национальный учебный план)
<i>Средняя школа</i>			
Ключевой этап 4	15–16 лет	Предмет по выбору	Тематически этап посвящён более подробному изучению одной или нескольких тем по истории родной страны, которые затрагивались на ключевом этапе 3. Тематика зарубежной истории включает в себя XX в., особенно часто темы, связанные с нацистской Германией, Второй мировой войной
Ключевой этап 3	11–14 лет	Обязательный предмет	Основной и самый продолжительный этап, т. к. охватывает большую часть обучения в средней школе. Этап включает в себя историю родной страны (со средневековья до XX в. включительно), а также мировую историю и культуру народов мира (в тех же временных рамках). На этом этапе заканчивается изучение истории в качестве обязательного предмета, однако период обязательного образования ещё не завершён
<i>Начальная школа</i>			
Ключевой этап 2	8–11 лет	Обязательный предмет	Этап в значительной степени посвящён истории родной страны: формированию нации, Британской империи, а также хронологии событий, оказавших ключевое влияние на эти процессы
Ключевой этап 1	5–7 лет	Обязательный предмет	Этап является ознакомительным. У учащихся формируется общее представление о прошлом, хронологии событий в жизни общества на разных этапах становления родной страны, представление о вкладе ряда известных личностей в национальную и мировую историю

В частных школах Великобритании обучается лишь около 7% детей, поэтому наше внимание сосредоточено на государственных школах страны [13]. Государственные школы обязаны следовать Национальному плану, но обладают достаточно большой свободой в реализации этих тематических направлений в образовательном процессе и, что немало важно, в выборе учебников [3]. Другими словами, на откуп школам отдан один из ключевых моментов организации и реализации педагогического процесса. Таким образом, Национальный план по истории на каждом ключевом этапе пред-

ставлен лишь общими тематическими направлениями. Вопросы дальнейшего отбора содержания и детализации тем находятся в ведении школ.

В Национальном плане также представлены ориентиры для формирования умений и компетенций учащихся¹. Для любого ключевого этапа важно:

¹ History programmes of study. National curriculum in England // Department for Education: [сайт]. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/national-curriculum-in-england-history-programmes-of-study/national-curriculum-in-england-history-programmes-of-study> (дата обращения: 04.05.2024).

1) умение критически мыслить и аргументированно обосновывать свои взгляды;

2) умение видеть причинно-следственные связи событий прошлого и их влияние на Британию и весь мир сегодня;

3) умение мыслить в историческом ключе и стремиться к формированию собственной точки зрения на события прошлого;

4) понимание методов исторического исследования и умение самостоятельно приводить примеры вариантов решения проблем.

Формирование этих компетенций происходит в рамках инклюзивного подхода, максимально учитывающего способности и склонности каждого ученика [7].

Практическая реализация Национального учебного плана по истории в школах

Учебные планы нескольких школ рассматривались с точки зрения их информативности. Для сравнения были выбраны 4 государственные средние школы Великобритании: находятся в Англии, 1 – в Северной Ирландии. Школа в Ирландии была выбрана для выявления каких-либо принципиальных расхождений с остальными. Такие расхождения возможны в связи с тем, что Национальный учебный план, представленный на сайте правительства Великобритании, регламентирует только образование в Англии и Уэльсе, в остальных частях Соединённого Королевства действуют собственные органы управления образованием и изданные ими документы [12].

Итак, в выборку попали следующие учебные заведения:

1. Школа Латимера (*The Latymer School*¹) – средняя селективная школа, Лондон, Англия. Год основания – 1624 г.

2. Школа короля Эдварда VI в Кэмп-Хилл (*King Edward VI Camp Hill School for Girls*²) – средняя грамматическая школа для девочек, Бирмингем, Англия. Год основания – 1883 г.

3. Школа Джадда (*The Judd School*³) – средняя школа, Тонбридж, Кент, Англия. Год основания – 1888 г.

4. Школа друзей в Лисберне (*Friends School Lisburn*⁴) – средняя школа, Лисберн, Северная Ирландия. Год основания – 1774 г.

Проведём сравнительный анализ учебных планов данных школ (таблица 2–3). Это средние школы, поэтому рассматриваются только ключевые этапы 3 и 4. Каждая таблица отражает направленность работы школ на отдельном ключевом этапе.

Заключение

Изучение школьных программ позволило получить представление о процессе преподавания истории в школах Великобритании. Каждый ключевой этап представлен списком тем:

– на ключевом этапе 3 (7, 8 и 9 года обучения) – от 6–7 до 15;

– на ключевом этапе 4 (10 и 11 года обучения) – от 4 до 6.

Оценить степень их проработанности в учебном процессе, количество времени, которое отводится на изучение каждой темы, тематические акценты не представляется возможным, т. к. подробного календарно-тематического или поурочного планирования на сайтах данных школ не представлено.

² King Edward VI Camp Hill School for Girls: [сайт]. URL: <https://www.kechg.org.uk/main-school/curriculum/departments/history> (дата обращения: 24.05.2024).

³ The Judd School: [сайт]. URL: <https://www.judd.online/page/?title=History&pid=196> (дата обращения: 24.05.2024).

⁴ Friends' School Lisburn: [сайт]. URL: <https://www.friendsschoollisburn.org.uk/index.php/school-life/academic/curriculum/key-stage-3>; <https://www.friendsschoollisburn.org.uk/index.php/school-life/academic/curriculum/key-stage-4> (дата обращения: 24.05.2024).

¹ The Latymer School: Academic life: Humanities: History: [сайт]. URL: <https://www.latymer.co.uk/national-curriculum/humanities/history> (дата обращения: 24.05.2024).

Таблица 2 / Table 2

Ключевой этап 3 / Key Stage 3

Школы	Школа Латимера	Школа короля Эдварда VI в Кэмп-Хилл	Школа Джарда	Школа друзей в Лисберне
	<ol style="list-style-type: none"> 1. Римляне. 2. Нормандское завоевание. 3. Средневековое общество. 4. Крестьянское восстание. 5. Исламская цивилизация. 6. Тюдоры. 7. Английская буржуазная революция. 8. Великая французская революция. 9. Работоторговля. 10. Индустриализация и Британская империя. 11. Первая мировая война. 12. Идеологии XX в.: коммунизм и фашизм. 13. Война и социальные изменения: гражданские права в Америке и избирательное право для женщин в Англии. 14. Вторая мировая война. 15. Холокост 	<ol style="list-style-type: none"> 1. История Британии. Нормандское завоевание. Феодалный строй. Династия Тюдоров. Абсолютная монархия, напряжённость в обществе. Английская буржуазная революция. Индустриальная революция. Причины и суть Первой мировой войны 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Последствия нормандского завоевания 1042–1087 гг. Общество и повседневная жизнь в 1120–1216 гг. Крестовые походы 1095–1192 гг. Век кризиса в Англии 1348–1461 гг. Достижения науки и техники 1200–1450 гг. Религиозные конфликты в Англии времён Тюдоров. Борьба за власть в Англии в 1603–1702 гг. Эпоха Просвещения. Британская империя 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Основы истории как науки. Римская империя. Средневековая история Британии. Нормандское завоевание. Позднее средневековье. Эпоха Возрождения в Европе. Британия времён Тюдоров. Революции в Англии, США, Франции и Ирландии. Первая мировая война. Значение 1916 г. и отделение Ирландии. Ключевые события XX в.: фашизм и Холокост; атомная бомба, конфликт на Ближнем Востоке; женщины в XX в.; афроамериканская история
Темы				
Ключевые умения	Критическое мышление, творческое мышление умение оценивать альтернативные точки зрения и формировать свои собственные	Критическое мышление, умение приводить исторические значимые аргументы, умение определять хронологическую последовательность событий и синхронизировать их в масштабах эпохи	Критическое мышление, умение приводить исторические значимые аргументы, интерпретировать причинно-следственные связи исторических событий	Критическое мышление, творческое мышление, умение приводить исторические значимые аргументы, умение критически оценивать источники информации,

Школы	Школа Латимера	Школа короля Эдварда VI в Кэмп-Хилл	Школа Джадда	Школа друзей в Лисберне
Кол-во часов	4 уч.ч/ 2 недели по 40 мин. (72 уч. ч / год)	3 уч.ч / 2 недели (54 уч. ч / год)	Информация в плане не представлена	6 ч / 2 недели по 35 мин. (108 уч. ч / год)
	Информация в плане не представлена	Информация в плане не представлена	<p>1. Wilkes A. KCS History Fourth Edition: Invasion, Plague and Murder: Britain 1066–1509. Student Book. Oxford University Press, 2019.</p> <p>2. Rees R., Kidd J., Richards L. Headstart in History: Power & People 1066–1485. Heinemann, 2002.</p> <p>3. Tomlin D., Davis S. Exploring History Student Book 1: Monarchs, Monks and Migrants. Pearson Education. 2017.</p> <p>4. Rees R., Tomlin D., Nuttall D. Exploring History Student Book 2: Cavaliers, Colonies and Coal. Pearson Education Limited. 2018.</p> <p>5. Wilkes A. Key Stage 3 History: Renaissance, Revolution and Reformation: Britain 1509–1745. Oxford University Press, 2014.</p> <p>6. Arman S., Rees R., Bird S. Headstart in History: Reformation and Rebellion 1485–1750. Heinemann, 2002.</p> <p>7. Collier M., Rees R., Marriott B. Headstart In History: Colonisation & Conflict 1750–1990. Headstart in History. Heinemann 2002</p>	Информация в плане не представлена
Учебники				

Таблица 3 / Table 3

Ключевой этап 4 / Key Stage 4

Школы	Школа Латимера	Школа короля Эдварда VI в Кэмп-Хилле	Школа Джадда	Школа друзей в Лисберне
Темы	<p>1. Отношения сверхдержав. Холодная война в 1941–1991 гг.</p> <p>2. Нацистская Германия в 1919–1939 гг.</p> <p>3. Медицина в Великобритании. С 1250 г. по настоящее время.</p> <p>4. Елизаветинская Англия в 1558–1588 гг.</p>	<p>1. Германия и подъем демократии. Германия и Депрессия. Германия и нацисты.</p> <p>2. Мир после Первой мировой войны. Лига Наций.</p> <p>3. Причины и начало Второй мировой войны.</p> <p>3. Елизаветинская Англия. Суд и парламент. Проблемы внутри страны и за её пределами.</p> <p>4. Средневековая медицина. Начало изменений. Революция в медицине</p>	<p>1. Последствия индустриализации (1815–1914 гг.)</p> <p>1. Первая Мировая война.</p> <p>2. Диктаторские режимы в Европе.</p> <p>3. Холокост.</p> <p>4. Международные отношения в 1919–1991 гг.</p> <p>4. США в 1919–1941 гг.</p> <p>5. Конфликт на Ближнем Востоке в 1979–2000 гг.</p> <p>6. Греция и Персия.</p> <p>7. Рим и соседние страны</p>	<p>1. Нацистская Германия в 1933–1945 гг.</p> <p>2. Северная Ирландия в 1965–1998 гг.</p> <p>3. Международные отношения в 1945–2003 гг.</p>
Ключевые умения	Умение критически оценивать источники информации, видеть глубинные связи событий, критически относиться к разным интерпретациям исторических событий	Умение критически оценивать источники информации, умение аргументировать собственную точку зрения, мнение	Аналитическое мышление, умение аргументировать собственную точку зрения	Умение анализировать информацию и ра- ботать с различными источниками
Процент учащихся, которые выбирают предмет «История»	56% (2021 г.)	69% (2021 г.)	11% (2021 г.)	48% (2020 г.)
Учебники	Информация не представлена	Информация не представлена	<p>1. Walsh B. Modern World History: Student's Book (History in Focus). Hodder Education, 2001.</p> <p>2. Walsh B. Cambridge IGCSE Modern World History (History in Focus). Hodder Education, 2013.</p> <p>3. Holsti K. J. Peace and War: Armed Conflicts and International Order, 1648–1989. Cambridge University Press, 2011.</p> <p>4. Publications of the Research Department of The Holocaust Educational Trust</p>	Информация не представлена

Не во всех школах тематика ключевого этапа 3 охватывает весь XX в. В 2 из 4 представленных школ данный этап ограничивается лишь началом этого периода. Таким образом, значительный процент учащихся (табл. 3), которые не выбирают предмет «история» на заключительном этапе обучения, зачастую вообще не изучают Новейшую историю в школе.

Во всех планах подчёркнута необходимость развития критического мышления. Насколько это соответствует реальной практике преподавания, позволит определить дальнейшее изучение учебников, учебных пособий, цифрового образовательного контента и методических материалов, которые используются в образовательном процессе. Работа в данном направлении становится необходимой

для получения полного представления о преподавании истории в школах Великобритании, а её актуальность возрастает вдвойне в условиях сегодняшней обстановки внешнеполитических вызовов.

В формулировках результатов образовательной деятельности по предмету «История» особо прослеживается направленность на формирование компетенций, умений, т. е. история мыслится как практический, прикладной предмет, инструмент формирования экономически выгодного гражданина мирового сообщества. Формирование же прочной объективной базы знаний о мире, его прошлом уходит на второй план, представляется оторванным от реалий современного мира. Отмечается слабое знание учениками фактического материала [10].

Дата поступления в редакцию 10.03.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешин А. А. Великобритания в многосторонних военно-политических структурах // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2023. № 3. С. 35–48.
2. Большакова О. В. Преподавание истории в Великобритании. (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 1997. № 3. С. 86–98.
3. Варющенко В. И., Гайкова О. В. Учебный комплект по истории для общеобразовательных школ Великобритании // Преподавание истории в школе. 2020. № 7. С. 68–73.
4. Вяземский Е. Е. Современная система образования в Великобритании // Новая и новейшая история. 2010. № 3. С. 200–219.
5. Геддис Е. В. Особенности организации системы школьного образования в Великобритании // Гуманитарium. 2018. № 2. С. 14–18.
6. Желудович А. В. Система школьного образования Великобритании // Гуманитарный вестник (Горловка). 2018. № 7. С. 36–44.
7. Зубкова И. А. Концептуальные основы методики преподавания истории в школах Великобритании: дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2002. 290 с.
8. Ильницкий А. М. Ментальная война России // Военная мысль. 2021. № 8. С. 19–33.
9. Котусенко К. А. Современные тенденции развития школьного исторического образования в Англии // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 2. № 2. С. 37–42.
10. Реймер М. В., Завада Г. В. Особенности развития исторического образования в Великобритании // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 64-4. С. 168–171.
11. Черкашина Т. Н. Концептуальная основа постбрекзитовской внешней политики Великобритании: идея «глобальной Британии» // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2022. Т. 9. № 1. С. 160–165.
12. Burns A. D. How Britannia Ruled the Waves: Teaching the History of the British Empire in the Twenty-first Century: Thesis submitted for the degree of Doctor of Education / University of Leicester. 2017.
13. Ndaji F., Little J., Coe R. A comparison of Academic Achievement in Independent and State Schools. Report for the Independent Schools Council [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/303346599_A_comparison_of_academic_achievement_in_independent_and_state_schools (дата обращения: 24.05.2024).

14. Priestley M. Social studies in Scotland's school curriculum: a case for a more integrated approach // University of Aberdeen: [сайт]: <https://www.abdn.ac.uk/education/research/eitn/journal/27/> (дата обращения: 24.05.2024).
15. Smith J. Identity and Instrumentality: History in the Scottish School Curriculum, 1992–2017 // *Historical Encounters*. 2018. № 5. P. 31–45.

REFERENCES

1. Aleshin A. A. [The UK in multilateral military-political structures]. In: *Analiz i prognoz. Zhurnal IM-EMO RAN* [Analysis and forecasting. IMEMO Journal], 2023, no. 3, pp. 35–48.
2. Bolshakova O. V. [Teaching history in Great Britain (summary abstract)]. In: *Sotsialnyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 5: Istoriya* [Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 5: History], 1997, no. 3, pp. 86–98.
3. Varyushchenko V. I., Gaykova O. V. [History curriculum for comprehensive schools in Great Britain]. In: *Prepodavaniye istorii v shkole* [Teaching history at school], 2020, no. 7, pp. 68–73.
4. Vyazemsky E. E. [The modern education system in Great Britain]. In: *Novaya i noveyshaya istoriya* [New and contemporary history], 2010, no. 3, pp. 200–219.
5. Geddis E. V. [Features of the organization of the school education system in Great Britain]. In: *Gumanitarium* [Humanitarium], 2018, no. 2, pp. 14–18.
6. Zheludovich A. V. [The school education system in Great Britain]. In: [Humanitarian Bulletin (Gorlovka)], 2018, no. 7, pp. 36–44.
7. Zubkova I. A. *Kontseptualnyye osnov y metodiki prepodavaniya istorii v shkolakh Velikobritanii: dis. ... kand. ped. nauk* [Conceptual foundations of the methodology of teaching history in schools in Great Britain: Cand. Sci. thesis in Pedagogical sciences]. Ekaterinburg, 2002. 290 p.
8. Ilnitsky A. M. [Russia's mental war]. In: *Voyennaya mysl* [Military Thought], 2021, no. 8, pp. 19–33.
9. Kotusenko K. A. [Modern trends in the development of school history education in England]. In: *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2014, vol. 2, no. 2, pp. 37–42.
10. Reimer M. V., Zavada G. V. [Features of the development of history education in Great Britain]. In: *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education], 2019, no. 64–4, pp. 168–171.
11. Cherkashina T. N. [Conceptual basis of the post-Brexit foreign policy of Great Britain: the idea of "global Britain"]. In: *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskiye nauki* [Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences], 2022, vol. 9, no. 1, pp. 160–165.
12. Burns A. D. *How Britannia Ruled the Waves: Teaching the History of the British Empire in the Twenty-first Century: Thesis submitted for the degree of Doctor of Education*. University of Leicester, 2017. 174 p.
13. Ndaji F., Little J., Coe R. *A comparison of Academic Achievement in Independent and State Schools. Report for the Independent Schools Council*. Available at: URL: https://www.researchgate.net/publication/303346599_A_comparison_of_academic_achievement_in_independent_and_state_schools (accessed: 24.05.2024).
14. Priestley M. *Social studies in Scotland's school curriculum: a case for a more integrated approach*. Available at: <https://www.abdn.ac.uk/education/research/eitn/journal/27/> (accessed: 24.05.2024).
15. Smith J. Identity and Instrumentality: History in the Scottish School Curriculum, 1992–2017. In: *Historical Encounters*, 2018, no. 5, pp. 31–45.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сотникова Анна Игоревна – аспирант кафедры методики преподавания истории и обществознания Государственного университета просвещения;
e-mail: annette-chaika@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna I. Sotnikova – Postgraduate student, Department of Methods of Teaching History and Social Studies, Federal State University of Education;
e-mail: annette-chaika@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сотникова А. И. К вопросу о содержании учебных программ по истории в школах Великобритании // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 4. С. 106–116.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-4-106-116

FOR CITATION

Sotnikova A. I. On the issue of the content of history curricula in British schools. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 4, pp. 106–116.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-4-106-116

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-4-117-126

СОВРЕМЕННАЯ НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КОМИНТЕРНА

Суздальцев И. А.*ГБОУ Школа №1381**129346, г. Москва, ул. Коминтерна, д. 52, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Анализ оценок политики Коминтерна немецкими историками на современном этапе (с начала 1990-х гг.).

Процедура и методы. Изучены публикации, посвящённые деятельности Коминтерна, подходящие под указанные критерии, сформированы несколько групп исследователей в зависимости от их оценок: мнения расположены в соответствии с внутренней логикой статьи.

Результаты. Проведённый анализ показал, что большинство немецких историков считают, что Коминтерн активно вмешивался во внутренние дела немецкой компартии: это проявлялось и во время мартовских событий 1921 г., и в октябре 1923 г., а также во время реализации тактики «класс против класса». С другой стороны, ряд исследователей приходят к выводам о том, что ультралевая политика КПГ была инициирована «снизу», в годы реализации тактики «класс против класса» КПГ предпринимала ряд мер, не согласовывая их с Коминтерном.

Теоретическая и/или практическая значимость. Впервые обобщён исследуемый материал по данной теме. Обновлена проблематика изучения взаимоотношений Коминтерна с коммунистическими партиями (в основном, с Коммунистической партией Германии).

Ключевые слова: КПГ, «большевизация», «сталинизация», «класс против класса», ИККИ

MODERN GERMAN HISTORIOGRAPHY OF THE COMINTERN

I. Suzdaltsev*GBOU School no. 1381**ul. Comintern 52, Moscow 129346, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyse the assessments of the Comintern policy by German historians at the present stage (since the early 1990s).

Methodology. Publications devoted to the activities of the Comintern that fit the specified criteria were studied, several groups of researchers were formed depending on their assessments: the opinions are arranged in accordance with the internal logic of the article.

Results. The analysis showed that the majority of German historians believe that the Comintern actively interfered in the internal affairs of the German Communist Party: this was manifested during the events of March 1921 and October 1923, as well as during the implementation of the “class against class” tactics. On the other hand, a number of researchers come to the conclusion that the ultra-left policy of the GCP was initiated “from below”; during the years of implementing the “class against class” tactics, the GCP took a number of measures without coordinating them with the Comintern.

Research implications. For the first time, the research material on this topic has been summarized. The problems of studying the relationship of the Comintern with the communist parties (mainly the Communist Party of Germany) have been updated.

Keywords: GCP, “Bolshevisation”, “Stalinization”, “class against class”, ECCI

Введение

События, связанные с политикой Коммунистического интернационала, всегда находились в русле актуальной повестки для изучения среди немецких историков, рост количества исследований в последние десятилетия подтверждает этот тезис. В зарубежной научной среде сложилось 2 основных направления – традиционалистское и ревизионистское.

«Традиционалисты» отстаивали позиции, свойственные идеологии западных стран в противостоянии с СССР, подобные работы стали появляться ещё в 1930-е гг., основная масса публикаций увидела свет в годы холодной войны. Историки подчёркивали централизованность Коминтерна, господство в нём лидеров РКП(б) – ВКП(б), их решающее влияние на коммунистические партийные структуры по всему миру. По их мнению, Коммунистическая партия Германии (КПГ) из-за реализуемой в 1928–1934 гг. Коминтерном тактики «класс против класса» была изолированной от других левых и левоцентристских партий и организаций, что способствовало снижению её авторитета в рабочем движении [7, р. 49; 8, р. 39]. С подачи Г. Вебера процесс подчинения КПГ Коминтерну получил название «сталинизация» [9, р. 13]. В 1970-е гг. о себе заявили сторонники сформированного ревизионистского подхода, которые отрицали доминирование Коминтерна среди немецких коммунистов, утверждая, что стратегия КПГ была разработана ими самими [10].

Оценки Коминтерна немецкими историками

За несколько последних десятилетий доминирующим в немецкой историографии остался традиционалистский

подход. Действительно, сложно не согласиться с тем, что руководство КПГ в 1928–1934 гг. было лишено возможности самостоятельно осуществлять политику партии. Об этом пишут А. Виршинг¹, Б. Хоппе², Г. Вебер (развивая свои взгляды, сформированные ещё в 1960-е гг.)³, К. Киннер⁴. М. Хильдермайер считает, что «сталинизация» КПГ началась в 1927 г.⁵ При этом Хоппе отмечает, что если оценивать количество членов и результаты выборов, то в это время КПГ достигла своего пика: в 1933 г. её численность составляла 252 тыс. членов, на выборах в рейхстаг она получила 16,9%⁶. М. Буа делает вывод, что партия в этот период обязана своей привлекательностью не политике Коминтерна, а радикализации значительной части населения после экономического кризиса 1929 г.⁷

¹ Wirsching A. “Stalinisierung” oder entideologisierte “Nischengesellschaft”? Alte Einsichten und neue Thesen zum Charakter der KPD in der Weimarer Republik // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1997. Vol. 45. Nr. 3. S. 464.

² Hoppe B. In Stalins Gefolgschaft. Moskau und die KPD 1928–1933. München: R. Oldenbourg Verlag, 2007. S. 11.

³ Weber H. Die Stalinisierung der KPD – Alte und neue Einschätzungen // Jahrbuch für historische Kommunismusforschung. Berlin: Metropol Verlag, 2007. S. 222; Weber H. The Stalinization of the KPD: Old and New Views // Bolshevism, Stalinism and the Comintern. Perspectives on Stalinization, 1917–53. Edited by Norman LaPorte, Kevin Morgan and Matthew Worley. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008. P. 23.

⁴ Kinner K. In Hass und Liebe zum Kommunismus. Mario Keßler hat eine kritische Biografie über Ruth Fischer verfasst // ND – Journalismus Von Links. 21.03.2013. URL: <https://www.nd-aktuell.de/artikel/816464.inhass-und-liebe-zum-kommunismus.html>

⁵ Hildermeier M. Die Sowjetunion 1917–91. Munich: Oldenbourg, 2001. S. 34.

⁶ Hoppe B. In Stalins Gefolgschaft. Moskau und die KPD 1928–1933. München: Oldenbourg, 2007. S. 23.

⁷ Bois M. Review Article: Die radikale Linke als Massenbewegung. Kommunisten in Harburg-Wilhelmsburg 1918–1933, Christian Gotthardt, Hamburg: VSA-Verlag, 2007 // Historical Materialism. 2009. Vol. 17. S. 197.

Безусловно, историки интересуются и другими периодами деятельности КПГ и Коминтерна. Например, Вебер считает, что большевики пренебрежительно относились к лидерам Баварской Советской республики, существовавшей с апреля по май 1919 г.¹ По крайней мере, следует отметить, что руководство РСФСР и Коминтерна было больше заинтересовано в этот период в стабилизации положения на фронтах Гражданской войны, поэтому Баварской республике не была оказана даже какая-либо финансовая поддержка, несмотря на достаточно значительный бюджет III Интернационала [6, с. 43].

В статье Й. Шрёдера рассматриваются взаимоотношения коммунистических партий Германии и Франции (ФКП). Историк пишет, что в 1921 г. в ФКП обрело серьёзным политическим авторитетом правое крыло, представители которого критиковали Коминтерн даже в газетах. Для того чтобы снизить влияние «правых» в 1922 г., во Францию был отправлен член КПГ А. Тальгеймер, однако это не только не способствовало устранению их «вредного влияния», но и испортило взаимоотношения между этими коммунистическими партиями². А. Виршинг, сравнивая процессы «сталинизации» в КПГ и ФКП, приходит к выводу, что в 1921–1922 гг. Коминтерн впервые серьёзно вмешался в дела этих партий (это повлекло за собой исключение П. Леви из КПГ и отставку Л. Фроссара из ФКП), а сама «сталинизация» началась в 1924 г. и осуществлялась параллельно с подавлением Сталина оппозиции внутри РКП(б), закончившись назначением в руководство КПГ и ФКП

нужных Сталину людей – Э. Тельмана и М. Тореза³. Если говорить про 1922 г., то на IV конгрессе Коминтерна (5 ноября – 5 декабря 1922 г.) по инициативе делегации РКП(б) была вынесена «Политическая резолюция по французскому вопросу», в которой ФКП была обвинена в нерешительной, колеблющейся, выжидательной политике в отношении единого фронта, в результате чего на Национальном совете ФКП в январе 1923 г. практически полностью было обновлено её руководство [2, с. 52–53]. Исполкому Коминтерна (ИККИ) конгрессом были предоставлены полномочия исключать из Коминтерна и из национальных секций отдельных лиц и целые группы [4, с. 88–90]. О Тельмане упоминают Г. Винклер и М. Буа, отмечая, что при его руководстве ни одна партия не проявляла такого упорства в борьбе с социал-фашизмом, как КПГ в конце 1920-х – начале 1930-х гг.⁴, став в это время инструментом советской внешней политики⁵.

Ф. Штальманн в статье, посвящённой социал-демократу Э. Дёмигу, который в 1920–1921 гг. входил в руководство КПГ, утверждает, что партия попала под растущее влияние ИККИ после Мартовского восстания 1921 г. (вооружённые выступления коммунистов 22 марта – 1 апреля 1921 г. в Средней Германии). Также он пишет, что это восстание серьёзно сказалось на численности КПГ, которая к концу 1921 г. снизилась более чем в 2 раза по сравнению с началом года⁶. М. Шмейц-

¹ Weber H. Zum Verhältnis von Komintern, Sowjetstaat und KPD // Deutschland, Russland, Komintern: Vol. I. Überblicke, Analysen, Diskussionen. Redaktion: Bernhard H. Bayerlein und Gleb J. Albert. Berlin: De Gruyter, 2014. S. 26.

² Schröder J. Internationalismus nach Versailles. Die Beziehungen zwischen PCF und KPD bis zum Beginn des Ruhrkampfes // Jahrbuch für historische Kommunismusforschung. Berlin: Metropol Verlag, 2000/2001. S. 151–153.

³ Wirsching A. The Impact of 'Bolshevization' and 'Stalinization' on French and German Communism: A Comparative View // Bolshevism, Stalinism and the Comintern. Perspectives on Stalinization, 1917–53. Edited by Norman LaPorte, Kevin Morgan and Matthew Worley. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008. P. 94–96.

⁴ Winkler H. A. The Age of Catastrophe. A History of the West, 1914–1945. New Haven: Yale University Press, 2015. P. 390.

⁵ Bois M. Kommunisten gegen Hitler und Stalin. Die linke Opposition der KPD in der Weimarer Republik. Essen: Klartext Verlag, 2014. S. 12.

⁶ Stalman V. Parteivorsitzender für drei Monate: Ernst Däumig (1866–1922) und das Räteystem // Jahrbuch

нер, изучая биографию немецкого коммуниста К. Гейера, исключенного из КПП в 1921 г., также называет этот год переломным моментом в истории партии¹. В. Мюллер считает «чистки» в КПП в 1921 г. первой стадией «большевизации»²; по мнению К. Хармана, к декабрю 1921 г. массовой партии, существовавшей 12 месяцев назад, уже не было. Непродуманные махинации Г. Зиновьева, К. Радека и Б. Куна не только привели к потере почти половины состава и изгнанию наиболее способного руководителя, но и создали гнетущую атмосферу в партии³. К. Киннер и Ф. Уайльд приходят к выводу, что до мартовской акции благодаря П. Леви существовал широкий альянс рабочих партий⁴.

Г. Вебер и О. Венцель пишут о негативном влиянии «немецкого Октября» 1923 г. на КПП, из-за которого не только резко снизилось её членство. Историки считают, что именно тогда явно начал осуществляться процесс вмешательства Коминтерна во внутренние дела партии⁵.

für Historische Kommunismusforschung. Berlin: Metropol Verlag, 2018. S. 23, 34–38.

- ¹ Schmeitzner M. Proletarische Diktatur oder freiheitliche Demokratie? Die Wandlungen des Curt Geyer // *Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung*. Berlin: Metropol Verlag, 2008. S. 286.
- ² Müller W. Kontinuität und Wandel im deutschen Kommunismus // *Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung*. Berlin: Metropol Verlag, 2008. S. 269.
- ³ Harman C. *The Lost Revolution. Germany 1918 to 1923*. Chicago: Haymarket Books, 2017. P. 94.
- ⁴ Kinner K. *Der deutsche Kommunismus. Bd.1. Die Weimarer Zeit*. Berlin: Dietz, 1999. S. 33-35; Wilde F. «Diskussionsfreiheit ist innerhalb unserer Partei absolut notwendig» – Das Verhältnis des KPD-Vorsitzenden Ernst Meyer zur innerparteilichen Demokratie 1921/22 // *Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung*. Berlin: Metropol Verlag, 2006. S. 181–182; Wilde F. *Ernst Meyer (1887–1930) – vergessene Führungsfigur des deutschen Kommunismus. Eine politische Biographie*. Phil. Diss. Hamburg, 2013. P. 172–178.
- ⁵ Weber H. Vorwort // *Deutscher Oktober 1923. Ein Revolutionsplan und sein Scheitern*. Herausgegeben von Bernhard H. Bayerlein, Leonid G. Babichenko, Fridrich I. Firsov und Aleksandr Ju. Vatlin. Berlin: Aufbau-Verlag, 2003. S. 29–32; Weber H. *Zum Verhältnis von Komintern, Sowjetstaat und KPD // Deutschland, Russland, Komintern: Vol. I. Überblicke, Analysen, Diskussionen*. Redaktion: Bernhard H. Bayerlein und

При этом Вебер вполне справедливо отмечает, что даже после этих событий оппозиция в КПП ещё имела право выражать свою волю и создавать платформы⁶. Х. Йенч соглашается с Вебером относительно негативного влияния на партию октябрьских вооружённых выступлений, при этом отмечая, что сами большевики, несмотря на фактическое подталкивание немецких коммунистов на это восстание, не выполнили ряд договоренностей: к концу октября только 7 из 25 военных специалистов по запросу Г. Брандлера (председателя КПП) приехали в Германию; К. Радек и Г. Пятаков, отправленные в Германию в качестве политических советников, прибыли в Саксонию лишь тогда, когда дело было практически решено⁷.

Й. Беккер и Х. Йенч, изучая биографию Г. Брандлера, отмечают, что до момента его отставки с поста председателя КПП в 1924 г., партия сохраняла автономию во внутривнутриполитических решениях от Коммунистического Интернационала⁸. К схожим выводам относительно взаимоотношений КПП и Коминтерна приводит М. Кесслер⁹. К. Харман считает, что действия Коминтерна по подготовке октябрьского вооруженного выступления говорят о том, что его лидеры действительно рассчитывали на революцию¹⁰. Од-

Gleb J. Albert. Berlin: De Gruyter, 2014. S. 18; Wenzel O. 1923. *Die gescheiterte deutsche Oktoberrevolution*, Münster: Lit Verlag, 2003. S. 25.

- ⁶ Weber H. *Die Stalinisierung der KPD – Alte und neue Einschätzungen // Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung*. Berlin: Metropol Verlag, 2007. S. 239.
- ⁷ Jentsch H. *The Hamburg Uprising as Part of the “German October,” 1923 // The Global Impacts of Russia’s Great War and Revolution. Book 1: The Arc of Revolution, 1917–24*. Edited by Alexander Marshall, John W. Steinberg, Steven Sabol. Bloomington: Slavica Publishers, 2019. P. 244.
- ⁸ Becker J., Jentsch H. *Heinrich Brandler – biographische Skizze bis 1924 // Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung*. Berlin: Metropol Verlag, 1995. S. 273.
- ⁹ Mario Kessler: *Ruth Fischer. Ein Leben mit und gegen Kommunisten (1895–1961)*. Wien/Köln/Weimar: Böhlau Verlag 2013. S. 245.
- ¹⁰ Harman C. *The Lost Revolution. Germany 1918 to 1923*. Chicago: Haymarket Books, 2017. P. 110.

нако это не вполне так: помимо указанных выше аргументов Х. Йенча следует заметить, что помимо К. Радека, дни которого в Коминтерне уже были практически сочтены из-за участия во внутривнутрипартийной дискуссии на стороне Л. Троцкого, в Германию были отправлены абсолютно не связанные с Коминтерном политики; из самой Германии сообщалось, что твёрдой и безоговорочной веры в революцию нет даже в широких партийных массах, не говоря уже о рабочей массе [6, с. 44–45], а также не проводилось ширококомасштабных военных приготовлений для её поддержки [3, с. 168].

М. Кесслер, изучая биографию Р. Фишер (председатель КПГ в 1924–1925 гг.), высказывает мнение, что её ошибка заключалась в полной недооценке И. Сталина и сталинистов. Фишер не осознавала, что Сталину нужны были такие партийные активисты, как она, только для того, чтобы убрать своих критиков из КПГ. После того как Р. Фишер выполнила свой долг, она стала для него бесполезной. Большевизация означала разрушение внутривнутрипартийной демократии; сталинизация – рабское подчинение партии краткосрочным потребностям сталинской политики. Р. Фишер оказалась подходящим инструментом большевизации, но совершенно не годилась для задач, связанных со сталинизацией. Её вместе с окружением заменили другими. Победа Э. Тельмана зафиксировала доминирование Сталина над КПГ после его собственной победы над Зиновьевым в Советском Союзе¹ (Тельман стал председателем КПГ 1 сентября 1925 г.).

Б. Байерляйн и ещё ряд историков упоминает, что при участии Коминтерна были организованы Международная красная помощь, Международная помощь трудящимся, Лига против импе-

риализма, Интернационал моряков и портовых рабочих, Международный комитет профсоюзов чернокожих рабочих, созданные для борьбы с империализмом, колониализмом и фашизмом². Историк также пишет, что первоначально III Интернационал привлёк не только рабочих, но и большое количество интеллектуалов. Однако постепенно он превратился в рупор СССР, который должен был служить лишь влиянию на различные правительства. Стратегия «класс против класса» ввергла коммунистические партии в тщетную борьбу, углубив их кризис и ещё сильнее ударив по организациям в колониальных и полуколониальных странах; ни одна из коммунистических партий не добилась ни антиколониальной революции, ни успешного восстания в отдельной стране³.

В исследовании М. Буа отмечается, что между 1924 и 1929 г. в КПГ было порядка 12 групп и фракций, выступавших за демократизацию партии, среди которых значительным влиянием обладала т. н. «Веддингская оппозиция», члены которой выражали поддержку оппозиции в ВКП(б). В 1926 г. под лозунгом «назад к Ленину» была подписана декларация, которую подписали в т. ч. 2 члена ЦК, часть оппозиционеров оставалась в партии до 1928 г.⁴ Более 20 000 членов КПГ считали себя частью этих оппозиционных групп⁵.

² Bayerlein B., Braskén K., Weiss H. Transnational and Global Perspectives on International Communist Solidarity Organisations // International Communism and Transnational Solidarity. Radical Networks, Mass Movements and Global Politics, 1919–1939 / ed. by H. Weiss. Leiden: Brill, 2017. P. 1.

³ Bayerlein B. The “Cultural International” as the Comintern’s Intermediate Empire: International Mass and Sympathizing Organisations beyond Parties // Ibid. P. 30, 64.

⁴ Bois M. Vergessene Kommunisten. Die «Wedding Opposition» der KPD // Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung. Berlin: Metropol Verlag, 2008. S. 58–64.

⁵ Bois M. Opposing Hitler and Stalin: Left Wing Communists after Expulsion from the KPD // Weimar Communism as Mass Movement: 1918–1933. Edited by Ralf Hoffrogge and Norman LaPorte. London: Lawrence and Wishart, 2017. P. 150.

¹ Kessler M. Resisting Moscow? Ruth Fischer and the KPD, 1923–1926 // Weimar Communism as Mass Movement: 1918–1933. Edited by Ralf Hoffrogge and Norman LaPorte. London: Lawrence and Wishart, 2017. P. 123.

Т. Леймбах приходит к выводу, что далеко не везде большинство коммунистов поддержали в 1928 г. линию Коминтерна. Например, в парламенте Тюрингии 5 из 8 депутатов от КПГ высказались против тактики «класс против класса», инициировали раскол во фракции и перешли в Коммунистическую партию (оппозицию)¹.

Р. Мюллер изучает не самый известный судебный процесс «антикоминтерновского блока» 1937 г. (среди отечественных историков его достаточно масштабно исследовал лишь А. Ю. Ватлин [1]) и отмечает, что по данному делу было осуждено в т. ч. 6 немецких коммунистов, только один из которых был освобожден – В. Розе-Розенке². А. Хербст констатирует, что сталинские репрессии коснулись немецких студентов Международной ленинской школы: из 121 студента из Германии 9 были репрессированы³.

По мнению К.-Г. Ригеля, на I конгрессе Коминтерна среди иностранных делегатов за исключением Г. Эберлейна и К. Штейнгарда были только «политические беженцы или ссыльные из-за границы, которые в настоящее время жили в Советском Союзе»⁴. Действительно, ряд делегатов, представлявших зарубежные партии, находились в Москве, но они оставались иностранцами, причём достаточно известными в международном рабочем движении. Например, на конгрессе присутствовали Ф. Платтен и Л. Кашер

(Швейцария), А. Гильбо и Ж. Садуль (оба – Франция), О. Куусинен (Финляндия) и др. Из-за рубежа также прибыли Э. Станг (Норвегия) и О. Гримлунд (Швеция). 17 из 52 делегатов I конгресса были представителями зарубежного коммунистического и социал-демократического движения, что делало его достаточно представительным форумом [5, с. 93].

П. Хубер, анализируя кадровый состав руководящих органов Коминтерна, констатирует, что доля интеллигенции в руководстве Коминтерна постоянно снижалась: в 1920 г. – 63%, к 1937 г. – 37%, при этом росла доля рабочих, что историк связывает с большевизацией и сталинизацией⁵.

Г. Альбертом с помощью документов из РГАСПИ предпринимается попытка выяснить влияние Коминтерна на советское общество. На основании ряда примеров он делает вывод, что жители Советской России часто смотрели на Коминтерн как на арбитра и обращались к нему в поисках справедливости. Например, 24-летняя жительница Тулы помимо жалоб на условия жизни, в своём письме выражала негодование, почему Троцкому как члену Коминтерна не дают слово на партийных и коминтерновских собраниях. Украинский крестьянин спрашивал, почему Крестинтерн не налаживает связи с крестьянством разных стран и констатировал, что он в 1927 г. «умер естественной смертью»⁶.

В. Хеделер, изучая дневник Г. Димитрова, хотя напрямую не упоминает Сталина, но всё же пишет, что дневниковые записи изначально были достаточно лич-

¹ Leimbach T. *Parlamentarische Integration versus Stalinisierung? Die KPD-Fraktion im Landtag von Thüringen 1920–1932* // *Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung*. Berlin: Metropol Verlag, 2018. S. 44.

² Müller R. *Der Fall des "Antikomintern-Blocks" - Ein vierter Moskauer Schauprozeß? // Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung*. Berlin: Metropol Verlag, 1995. S. 214.

³ Herbst A. *Unteroffiziere der Revolution. Zum Schicksal von Kursanten der M-Schule der Kommunistischen Internationale // Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung*. Berlin: Metropol Verlag, 2008. S. 342.

⁴ Riegel K.-G. *Der Gründungskongress der Kommunistischen Internationale als Propagandacoup Lenins // Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung*. Berlin: Metropol Verlag, 2010. S. 364.

⁵ Huber P. *Das Führungskoops der Komintern. Ein soziobiographischer Querschnitt // Biographisches Handbuch zur Geschichte der Kommunistischen Internationale. Ein deutsch-russisches Forschungsprojekt*. Herausgegeben von Michael Buckmiller und Klaus Meschkat. Berlin: Akademie Verlag, 2007. S. 212–213.

⁶ Albert G. J. *“Verehrte Komintern!”: Die Dritte Internationale als politisches Symbol und charismatische Institution im frühen Sowjetstaat // Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung*. Berlin: Metropol Verlag, 2013. S. 35–36.

ными, во второй же половине 1930-х гг. дневник стал всё более и более походить на рабочий журнал. Это было вызвано опасениями Димитрова, что он окажется в руках «органов». Также в дневнике есть пробелы, свидетельствующие об уничтожении ряда страниц, за 1935 г. (год, когда он был назначен генеральным секретарем ИККИ) записей почти нет¹.

Х. Рихтер, изучавший историю Греции, ряд своих публикаций посвятил анализу взаимоотношений Коммунистической партии Греции с Коминтерном. Он пишет, что процесс исключения из этой компартии несогласных с линией III Интернационала начался ещё в 1923 г. для чего туда был специально отправлен эмиссар Коминтерна С. С. Пестковский. Только в 1931 г. масштаб партийных «чисток» был значительно сокращён, генеральным секретарем партии был избран приспешник Сталина Н. Захариадис, однако к этому времени греческая компартия уже не представляла из себя серьёзной политической силы: коммунисты не участвовали в попытке переворота в 1935 г. и в забастовках 1936 г.² Х. Плас в статье про Коммунистическую партию Южной Африки делает вывод, что кампании против «левых», «правых» и «троцкистов» значительно ослабили партию, которая смогла частично восстановить свои силы только в середине 1930-х гг.³

Также достаточно часто немецкие исследователи отмечают факт того, что фашисты пришли к власти в Германии в

т. ч. из-за их недооценки членами КПГ и политики Коминтерна, руководители которого были далеки от объективной картины на местах⁴.

С другой стороны, ряд исследователей (М. Буа и Ф. Уайльд) считают, что в первой половине 1920-х гг. в КПГ существовала ярко выраженная внутривнутрипартийная демократия и свобода дискуссий⁵.

К.-М. Мальманн и вовсе утверждает, что процессы исключений из КПГ были инициированы «изнутри», а немецкий коммунизм никогда не был демократическим проектом⁶. Он критикует КПГ (вместе с Ш. Хайнцем) за разрыв с сою-

⁴ Gilensen V. Die Komintern und die "paramilitärischen Formationen" der Kommunistischen Partei Deutschlands (1926–1932) // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2001. Vol. 5. Nr. 1. S. 15; Weber H. Die Stalinisierung der KPD – Alte und neue Einschätzungen // Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung. Berlin: Metropol Verlag, 2007. S. 222; Bayerlein B. Deutscher Kommunismus und globaler Stalinismus – Komintern, KPD und die Sowjetunion (1929–1943) // Deutschland, Russland, Komintern: Vol. I. Überblicke, Analysen, Diskussionen. Redaktion: Bernhard H. Bayerlein und Gleb J. Albert. Berlin: De Gruyter, 2014. S. 262, 270; Bayerlein B. The Entangled Catastrophe: Hitler's 1933 'Seizure of Power' and the Power Triangle – New Evidence on the Historic Failure of the KPD, the Comintern, and the Soviet Union // Weimar Communism as Mass Movement: 1918–1933 / ed. by R. Hoffrogge and N. LaPorte. London: Lawrence and Wishart, 2017. P. 265–266; Harman C. The Lost Revolution. Germany 1918 to 1923. Chicago: Haymarket Books, 2017. P. 123.

⁵ Bois M. Kommunisten gegen Hitler und Stalin. Die linke Opposition der KPD in der Weimarer Republik. Essen: Klartext Verlag, 2014. S. 92; Bois M., Wilde F. "Modell für den künftigen Umgang mit innerparteilicher Diskussion"? Der Heidelberger Parteitag der KPD 1919 // Jahrbuch für Forschungen zur Geschichte der Arbeiterbewegung. 2007. Vol. 6. Nr. 2. S. 33–46; Wilde F. "Diskussionsfreiheit ist innerhalb unserer Partei absolut notwendig" – Das Verhältnis des KPD-Vorsitzenden Ernst Meyer zur innerparteilichen Demokratie 1921/22 // Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung. Berlin: Metropol Verlag, 2006. S. 168–184; Schönwald M. Demokratische Anfänge? Die frühe KPD und die falsche Prämisse der Stalinisierungsthese // Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung. Berlin: Metropol Verlag, 2018. S. 180.

⁶ Mallmann K.-M. Kommunisten in der Weimarer Republik. Sozialgeschichte einer revolutionären Bewegung. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1996. S. 67.

¹ Hedeler W. Zur Vorgeschichte einer Fälschung. Die Veröffentlichung von Georgi Dimitroffs Gefängnisstagebuch in der «Rundschau» zum 5. Jahrestag des Reichstagsbrandprozesses 1938 // Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung. Berlin: Metropol Verlag, 2000/2001. S. 324.

² Richter H. Economic and social conditions of the development of the Greek Communist movement // Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung. Berlin: Metropol Verlag, 2002. S. 122–133.

³ Plass H. Von Südafrika über Europa hinaus? Die South African Communist Party während der Apartheid, 1948–1990 // Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung. Berlin: Metropol Verlag, 2019. S. 126–127.

зом берлинских металлистов «Единство» в рамках их ультралево-коммунистической тактики конца 1920 – начала 1930-х гг.¹ Ф. Уайльд отмечает, что тенденции к централизации партии были продуктами развития немецкого коммунизма². К подобным выводам приходит Р. Хоффрогге, утверждая, что один из лидеров КПГ В. Шолем призывал к «большевизации» КПГ ещё до принятия этого лозунга на V конгрессе Коминтерна³; а также К. Готтхардт, высказавший мнение, что «большевизация» была необходима для приспособления к немецким политическим реалиям⁴. При этом Хоффрогге не отрицает, что сталинизация при Тельмане помешала созданию широкого фронта «общественных интеллектуалов» в Германии в начале 1930-х гг.⁵

Ряд историков приходят к выводу, что на местах в это время имело место сотрудничество коммунистов и социал-демократов: в 1931 г. члены КПГ и СДПГ в нескольких муниципалитетах Вюртемберга баллотировались в местные законодательные органы власти по единым

спискам⁶; в июле 1932 г. председатель баденской СДПГ предложил коммунистам «партийное перемирие»⁷; подобное предложение к социал-демократам прозвучало от коммунистов Тюбингена⁸; в целом «было много коммунистов, которые хотели объединиться с социал-демократами в борьбе против фашизма»⁹.

Заключение

Таким образом, предпринимаются попытки «отдалить» Коминтерн от ультралево-коммунистической политики КПГ, а также на примерах некоторых областей Германии доказать, что даже в годы реализации тактики «класс против класса» КПГ предпринимала ряд мер, не согласовывая их с Коминтерном. При этом доминирующим остаётся направление традиционалистов: историки, изучив новые документы, как из российских, так и из немецких архивов, дают новые оценки событиям марта 1921 г., октября 1923 г., тактике «большевизации» и «сталинизации», споря в т. ч. о том, когда в эти процессы была вовлечена КПГ и какие это повлекло за собой последствия.

Изучаются и «белые пятна» в историографии: биографии немецких коммунистов, внутривластная оппозиция в КПГ, судебные процессы в СССР с участием немецких коммунистов.

¹ Ibid. S. 304–394; Heinz S. Moskaus Söldner? Der 'Einheitsverband der Metallarbeiter Berlins': Entwicklung und Scheitern einer kommunistischen Gewerkschaft. Hamburg: VSA, 2010. S. 178–285; Heinz S. The 'Red Unions' and their Resistance to National Socialism: The Unity Union of the Berlin Metal Workers, 1930–1935 // Weimar Communism as Mass Movement: 1918–1933. Edited by Ralf Hoffrogge and Norman LaPorte. London: Lawrence and Wishart, 2017. P. 199.

² Wilde F. "Diskussionsfreiheit ist innerhalb unserer Partei absolut notwendig" – Das Verhältnis des KPD-Vorsitzenden Ernst Meyer zur innerparteilichen Demokratie 1921/22 // Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung. Berlin: Metropol Verlag, 2006. S. 184.

³ Hoffrogge R. Werner Scholem. Eine politische Biographie (1895–1940). Konstanz: UVK Verlagsgesellschaft, 2014. S. 268.

⁴ Gotthardt C. Die radikale Linke als Massenbewegung. Kommunisten in Harburg-Wilhelmsburg 1918–1933. Hamburg: VSA-Verlag, 2007. S. 73.

⁵ Hoffrogge R., LaPorte N. Weimar Communism as Mass Movement: An Introduction // Weimar Communism as Mass Movement: 1918–1933. Edited by Ralf Hoffrogge and Norman LaPorte. London: Lawrence and Wishart, 2017. P. 17; Hoffrogge R. Class against Class: the 'Ultra-left' Berlin Opposition, 1921–1923 // Ibid. P. 103.

⁶ Mallmann K.-M. Kommunisten in der Weimarer Republik. Sozialgeschichte einer revolutionären Bewegung, Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1996. S. 373.

⁷ Kurz T. Feindliche Brüder im deutschen Südwesten. Sozialdemokraten und Kommunisten in Baden und Württemberg von 1928 bis 1933. Berlin: Duncker & Humblot, 1996. S. 394.

⁸ Bois M. Opposing Hitler and Stalin: Left Wing Communists after Expulsion from the KPD // Weimar Communism as Mass Movement: 1918–1933. Edited by Ralf Hoffrogge and Norman LaPorte. London: Lawrence and Wishart, 2017. P. 161.

⁹ Petzold J. SPD und KPD in der Endphase der Weimarer Republik: Unüberwindbare Hindernisse oder ungenutzte Möglichkeiten? // Die deutsche Staatskrise 1930–1933. Heinrich August Winkler (ed.). Handlungsspielräume und Alternativen. Munich: Oldenbourg, 1992. S. 94.

В целом, немецкие исследователи в изучении Коминтерна главным образом сосредоточены на рассмотрении его отношений с КПГ, лишь изредка анализируя связи III Интернационала с другими коммунистическими партиями.

Дата поступления в редакцию 17.05.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Ватлин А. Ю. «Ну и нечисть». Немецкая операция НКВД в Москве и Московской области 1936–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2012. 341 с.
2. Кеткова И. В. «Частичная стабилизация» капитализма и позиция Коминтерна // Коммунисты и социально-политические процессы современности / отв. ред. З. Х. Саралиева. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 1990. С. 47–57.
3. Мельтюхов М. И. Красная Армия и несостоявшаяся революция в Германии. М.: АИРОXXI, 2013. 216 с.
4. Суздальцев И. А. IV конгресс Коминтерна: особенности проведения и освещение в коммунистической прессе // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2022. № 2. С. 85–96.
5. Суздальцев И. А. Когда же состоялось подлинное основание Коминтерна? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия История и политические науки. 2021. № 3. С. 91–99.
6. Суздальцев И. А. Нужна ли была большевикам мировая революция? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 4. С. 39–50.
7. Duhnke H. Die KPD von 1933 bis 1945. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1972. 605 p.
8. Flechtheim O. K. Die KPD in der Weimarer Republik, Hamburg: Junius, 1986. 334 p.
9. Weber H. Die Wandlung des deutschen Kommunismus. Die Stalinisierung der KPD in der Weimarer Republik. Frankfurt/M: Europäische Verlagsanstalt, 1969. 427 p.
10. Wohlgemuth H. Die Entstehung der Kommunistischen Partei Deutschlands. Frankfurt/M: Marxistische Blatte, 1978. 308 p.

REFERENCES

1. Vatlin A. Yu. «Nu i nechist». *Nemetskaya operatsiya NKVD v Moskve i Moskovskoy oblasti 1936–1941 gg.* ["Well, what evil spirits." The German operation of the NKVD in Moscow and the Moscow region 1936–1941]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012. 341 p.
2. Ketkova I. V. ["Partial stabilization" of capitalism and the position of the Comintern]. In: Saraliev Z. Kh., ed. *Kommunisty i sotsialno-politicheskiye protsessy sovremennosti* [Communists and the socio-political processes of our time]. N. Novgorod, Izd-vo Nizhegor. gos. un-ta Publ., 1990, pp. 47–57.
3. Meltyukhov M. I. *Krasnaya Armiya i nesostoyavshayasya revolyutsiya v Germanii* [The Red Army and the failed revolution in Germany]. Moscow, AIROXXI Publ., 2013. 216 p.
4. Suzdaltsev I. A. [IV Congress of the Comintern: features of the conduct and coverage in the communist press]. In: *Vestnik MGPU. Seriya: Istoricheskiye nauki* [MCU Journal of Historical Studies], 2022, no. 2, pp. 85–96.
5. Suzdaltsev I. A. [When was Comintern Actually Founded?]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskaya nauka* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2021, no. 3, pp. 91–99.
6. Suzdaltsev I. A. [Did the Bolsheviks Need a World Revolution?]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskaya nauka* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2022, no. 4, pp. 39–50.
7. Duhnke H. *Die KPD von 1933 bis 1945*. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1972. 605 p.
8. Flechtheim O. K. *Die KPD in der Weimarer Republik*. Hamburg: Junius, 1986. 334 p.
9. Weber H. *Die Wandlung des deutschen Kommunismus. Die Stalinisierung der KPD in der Weimarer Republik*. Frankfurt/M: Europäische Verlagsanstalt, 1969. 427 p.
10. Wohlgemuth H. *Die Entstehung der Kommunistischen Partei Deutschlands*. Frankfurt/M: Marxistische Blatte, 1978. 308 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Суздальцев Илья Алексеевич – кандидат исторических наук, учитель истории ГБОУ Школа №1381;
e-mail: ialoko90@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilya A. Suzdaltsev – Cand. Sci. (History), teacher of history, GBOU School № 1381;
e-mail: ialoko90@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Суздальцев И. А. Современная немецкая историография Коминтерна // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 4. С. 117–126.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-4-117-126

FOR CITATION

Suzdaltsev I. A. Modern German historiography of the Comintern. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 4, pp. 117–126.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-4-117-126

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ / МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 327.33

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-4-127-137

РОЛЬ ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Инь Мэньюань

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Доказать и подтвердить на примерах тематических годов важную роль российско-китайского гуманитарного сотрудничества и проследить перспективные направления его развития.

Процедура и методы. Для раскрытия темы использовался метод сравнительного анализа официальных документов, мнений экспертов, материалов СМИ и социологических опросов общественного мнения по вопросам гуманитарного сотрудничества РФ и КНР.

Результаты. Сделан вывод, что проведение гуманитарных мероприятий – культурные обмены в рамках тематических годов Китая и России – способствуют формированию положительно-го имиджа государств, установлению взаимного доверия народов и развитию гуманитарной дипломатии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в изучение российско-китайской гуманитарной дипломатии. С практической точки зрения исследование помогает уточнить эффективные меры по сближению народов, созданию положительного имиджа государств и повышению «мягкой силы».

Ключевые слова: российско-китайские отношения, гуманитарное сотрудничество, имидж государства, культурная идентичность, общественное мнение

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке проекта Молодёжного фонда гуманитарных и общественных наук Министерства образования Китая 2021 года «Исследование категории оценки китайского и российского политического дискурса» (проект № 21YJC740055); проекта фундаментальных исследований Департамента образования провинции Ляонин 2021 года «Исследование оценочной семантики китайского и российского медийно-дипломатического дискурса» (проект № LJKR0420).

THE ROLE OF HUMANISTIC COOPERATION IN SINO-RUSSIAN RELATIONS AT THE CURRENT STAGE

Yin Mengyuan

Universitetskaya nab. 7-9, St. Petersburg 199034, Russian Federation

Abstract

Aim. To prove and confirm the important role of Sino-Russian humanistic cooperation on the examples of thematic years and to trace promising directions of its development.

Methodology. The study is based on comparative analysis of official documents, experts' opinions, media materials and sociological surveys of public opinion on the issues of humanistic cooperation between the Russian Federation and the PRC.

Results. Holding humanistic events, such as cultural exchanges within the Thematic Years of China and Russia, contributes to building a positive image of the states, establishing mutual trust between the peoples and developing humanistic diplomacy.

Research implications. The results of the research contribute to the study of Sino-Russian humanistic diplomacy. From the practical point of view, the results of the conducted analysis are useful in formulating effective policies for bringing peoples closer together, building positive state image and enhancing soft power.

Keywords: Sino-Russian relations, humanistic cooperation, state image, cultural identity, public opinion

Acknowledgments. This research was supported by the 2021 Humanities and Social Sciences Youth Foundation Project of the Ministry of Education of China "Research on the Evaluation Category of Chinese and Russian Political Discourse", project no. 21YJC740055, by the 2021 Fundamental Research Project of the Liaoning Provincial Education Department "Research on the Evaluation Semantics of Chinese and Russian Media-diplomatic discourse", project no. LJKR0420.

Введение

В XXI в. отношения между Китаем и Россией вышли на новый уровень стратегического партнёрства, что нашло отражение в углублении и расширении экономических, научно-технологических и гуманитарных сфер взаимодействия. В этой связи актуально рассмотреть новые формы гуманитарного сотрудничества, что определяется важностью развития коммуникационных возможностей для сближения народов двух стран в области культуры, образования и туризма. Важно подчеркнуть, что в современную информационную эпоху сильное воздействие на общественное мнение оказывают медиа-ресурсы и лидеры мнений. Следовательно, Россия и Китай нуждаются в глубокой проработке государственной политики в сфере гуманитарных связей.

С повышением статуса гуманитарного сотрудничества на международной арене русские и китайские учёные также обращают всё большее внимание на гуманитарные обмены и исследуют роль культурных мероприятий и их влияние на «мягкую силу», которая включает культурную идентичность, взаимное доверие, государственный имидж и т. д. Например, китайские учёные Гуань Вэньху (2006), Ду Нини (2015) Ли Шэн (2020) в своих работах описывали важность культурной идентичности, а Ян Цин (2017) и Чжан Чжэньюй (2020) подчёркивали актуальность создания имиджа двух стран.

Российские учёные П. Е. Юдин (2014) и А. В. Виноградов (2019) в своих работах обратили внимание на важность политической идентичности, которая формируется, например, за счёт создания

взаимного доверия и совместного развития идеи полицентризма. Кроме того, российские учёные также рассматривают достижения сотрудничества России и Китая в образовании, культуре, технологиях и т. п.

Исследователи подчёркивают необходимость развития гуманитарного сотрудничества на уровне регионов. Например, Сунь Ювэй (2021) провёл анализ перспектив гуманитарного сотрудничества в приграничных зонах; Сунь Юйхуа, Пэн Вэньчжао и Лю Хун исследовали пути развития регионов Северо-Востока Китая и Дальнего Востока России (2015). Российские учёные, (например, Л. А. Горобец (2014) и А. Ф. Чернова (2023)) также посвятили свои работы вопросам сотрудничества Дальневосточного региона и регионов «Волги–Янцзы».

Исследования учёных двух стран свидетельствуют о том, что гуманитарное сотрудничество играет важную роль во взаимодействии в рамках макрорегиональных организаций. Китайские и российские учёные, в т. ч. Лю Лиминь (2015), У Сай и Чжан Цзяньхуа (2019), Сунь Чжуанчжи (2023), Е. И. Сафронова (2016), Г. И. Цвык (2018) и В. С. Пакулин (2022), рассматривали вопросы сотрудничества двух стран в рамках макрорегиональных организаций, например, ШОС, «Пояс и Путь», экономический коридор «Китай–Монголия–Россия», АТР и т. п.

Итак, можно заметить, что исследования взаимодействия России и Китая в культурной сфере являются злободневной темой для учёных обеих стран.

Цели данного исследования:

1. определить роль дипломатических концепций двух сторон в реализации гуманитарных мер;

2. обобщить и проанализировать достижения гуманитарных обменов и доказать их роль в формировании культурной идентичности, изменении общественного мнения, улучшении имиджа государств и повышении «мягкой силы» двух сторон;

3. выявить эффективные методы и модели гуманитарного сотрудничества в сближении отношений РФ и КНР в опоре на новые вызовы, разработать ключевые и новые направления сотрудничества.

Для достижения целей исследования были решены следующие задачи:

– анализ теоретической основы сотрудничества между двумя странами;

– определение механизма, мер и результатов гуманитарного сотрудничества двух сторон в XXI в.;

– обобщение масштабов гуманитарных мероприятий в разные тематические годы указанного периода и оценка их положительного влияния на «мягкую силу» и недостатки;

– сбор данных опросов и определение причин и конкретных способов изменения общественного мнения и создания государственного имиджа.

На основе анализа литературы в области дипломатии определены теоретические и политические основы сотрудничества двух стран; рассмотрены результаты сотрудничества за последние 20 лет.

Теоретические основы российско-китайского гуманитарного сотрудничества

Основываясь на общих интересах и потребностях, человечество вступило в эпоху глобализации, в которой сосуществуют и сотрудничество, и конкуренция. В свою очередь, глобализация влияет на трансформацию теорий международных отношений. С развитием идей идеализма и либерализма статус концепции «сотрудничество» повысился, и партнёрство в сфере гуманитарных связей нашло своё развитие и применение в инициативе взаимовыигрышного сотрудничества, разработанного Китаем и Россией. В настоящее время многие политологи, например С. Хантингтон, Дж. Най, Р. Кехейн, сходятся во мнении, что в теории международных отношений всё более значимую роль играют концепции, ха-

рактизирующие возросшее значение гуманитарной сферы мировой политики.

В разных цивилизационных системах концепции и культура сильно отличаются, поэтому с помощью гуманитарных обменов найти сходство людей и создать мост общения является основой идентичности и началом сотрудничества. В этой связи активно дискутируется проблематика национальной идентичности, что отражает стремление народов и отдельных личностей учитывать свои традиционные корни, что во многом привело к возрождению концепции цивилизационного развития. Известна точка зрения С. Хантингтона о конфликте цивилизаций на почве культурной и профессиональной несовместимости, а потому и враждебности [5]. По его мнению, цивилизационное «мы» и вне цивилизационное «они» – константы человеческой истории. Эти различия между внутри- и вне- цивилизационным поведением возникли из-за следующих факторов: чувства превосходства или неполноценности, боязни и отсутствия веры, проблем с языком, недостаточной осведомлённости об общих нормах [5, с. 192].

Снять остроту цивилизационных конфликтов в современном мире возможно, с одной стороны, благодаря развитию электронных информационно-коммуникационных взаимодействий, как на уровне государств, так и на уровне гражданского общества; с другой стороны, благодаря повышению общего уровня образования и культуры народов. Именно для того чтобы создать дружественные отношения между КНР и РФ, проводится множество мероприятий гуманитарного сотрудничества. Тезис С. Хантингтона о важности развития «культуры соседства», «общих ценностей», «доверия» [5, с. 195] находит своё отражение в культурных обменах, открытии языковых институтов, например, Русский центр и Институт Конфуция и пр.

Создатель концепции «мягкой силы» в международных отношениях Дж. Най

утверждает, что «мягкая сила» не является формой идеализма или либерализма. Это просто одна из разновидностей силы – способ добиться желаемых результатов» [3, с. 126]. Теперь почти все страны активно развивают свою «мягкую силу» для повышения международного статуса и репутации, привлечения больших возможностей и расширения влияния на международной арене посредством СМИ, культурных институтов и гуманитарных проектов. Сотрудничество и обмены, в конечном счёте, являются обменами между людьми [7, р. 2].

Именно на этом теоретическом базисе и строится китайская гуманитарная дипломатия, ставшая важной частью дипломатической доктрины Китая. Гуманитарные обмены стали темой, которая часто упоминается в дипломатической деятельности. Например, в инициативе «Пояс и Путь» Си Цзиньпин предложил 5 элементов, в т. ч. и укрепление связей между народами [10, р. 44]. В данном концепте отмечается, что позитивное взаимодействие в международных отношениях зависит от культурной идентичности, которая и является важной теоретической основой выдвинутой китайским правительством идеи построения гармоничного мира.

В 2005 г. Председатель КНР Ху Цзиньтао отметил, что в современную эпоху, когда тенденция многополярности мира и экономической глобализации получает глубокое развитие, народы всех стран мира должны укреплять взаимопонимание и повышать взаимное доверие, чтобы способствовать развитию своих стран и вместе построить гармоничный мир [6, р. 207]. Поэтому в новую эпоху Китай активно развивает дружественные отношения с другими странами, особенно с соседними, среди которых Россия является приоритетной дружественной страной-соседом.

Добрососедство – важная часть дипломатической доктрины Китая и предпосылка идентичности и взаимодоверия

между странами. Задачи гуманитарного сотрудничества именно и состоят в преодолении предрассудков и установлении дружественных коммуникационных мостов; например, с помощью лингвистического образования можно содействовать взаимопониманию, пропагандировать культуру друг друга и учиться уважать чужую культуру.

«Мягкая сила» культурных мостов между Россией и Китаем проявилась уже давно, но в XXI в. эта форма взаимосвязи государств и народов становится одной из приоритетных. Особо нужно отметить значимость совместного проведения национальных Годов России и Китая, когда создаются многообразные формы знакомства дружественных народов с культурой и традициями друг друга¹.

Кроме культурных мероприятий, китайско-российское гуманитарное сотрудничество достигло плодотворных результатов и в других областях, например, совместное создание зарубежных филиалов образовательных учреждений (в т. ч. Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне); приглашение школьников в летние и зимние лагеря; продвижение политики безвизового режима для развития туризма; создание совместного хоккейного клуба Куньлунь и т. д. Гуманитарные обмены двух сторон повышают имидж стран и способствуют продвижению сотрудничества не только в гуманитарной сфере (образование, туризм, молодёжные обмены, научно-техническое сотрудничество), но и в других сферах взаимодействия России и Китая.

Формирование российско-китайского гуманитарного механизма

На современном этапе стратегической задачей внешней политики КНР является построение человеческого сообщества с

единой судьбой², что предполагает углубление доверия между народами, достижение которого возможно и с помощью культурного взаимообогащения. В этой связи гуманитарные обмены рассматриваются председателем КНР Си Цзиньпином как важнейшая составляющая в реализации Концепции сообщества единой судьбы [9, р. 14]. Её реализации во многом способствует развитие гуманитарного сотрудничества Китая и России в рамках БРИКС. В 7-ой встрече министров культуры стран БРИКС китайский министр культуры отметил, что гуманитарный обмен является третьим столпом сотрудничества с Россией и другими странами БРИКС. На встрече министры обсудили дальнейшее гуманитарное сотрудничество и подписали соглашение в области культуры³.

Практика проведения Китаем тематических годов сотрудничества в гуманитарной сфере не ограничивается только Россией и странами БРИКС. Так, например, в 2024 г. состоялась церемония открытия Года гуманитарных обменов между Китаем и странами АСЕАН, что свидетельствует о стремлении Китая расширить рамки своей гуманитарной дипломатии в регионе АТР.

Важно подчеркнуть, что и российская сторона уделяет гуманитарной дипломатии и сотрудничеству с Китаем первостепенное значение, что нашло своё отражение в последней редакции «Концепции внешней политики Российской Федерации» (2023). В Концепции обосновывается идея о том, что для тесного взаимодействия с дружественным китай-

¹ Проведение национальных Годов России и Китая – беспрецедентный проект [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/2006-0831/53345171.html> (дата обращения: 05.04.2024).

² 中国外交政策/Внешняя политика Китая [Электронный ресурс] // 中华人民共和国外交部. URL: http://newyork.fmprc.gov.cn/wjb_673085/zfxgk_674865/gknrlb/tywj/zcwj/200608/t20060824_9868937.shtml?eqid=d789b3bb001c238900000046446a161 (дата обращения: 05.04.2024).

³ Представители стран БРИКС обсудили синергию культур [Электронный ресурс] // Министерство культуры Российской Федерации. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-05/25/content_5692293.htm (дата обращения: 05.12.2023).

ским народом важно развивать практику культурных обменов, в т. ч. в области образования и изучения русского языка. Язык и образование являются основными ресурсами публичной и культурной дипломатии и главными инструментами усиления «мягкой силы» [4, с. 32]. Поэтому в Концепции отмечена необходимость развития новых форм публичной дипломатии: формирование имиджа России на международной арене путём развития системы Русских центров, использование русского языка как инструмента пропаганды культуры и ценностей РФ¹.

Начиная с 2003 г. Россия начала активно проводить политику открытия филиалов музеев и других культурных институтов за рубежом. Цель этой гуманитарной дипломатии – изменить отрицательные стереотипы и негативный имидж России, используя культурное богатство страны, что является «прекрасным мостом сотрудничества между странами»². Первым проектом стал «Русский музей: виртуальный филиал» (2003), а в 2010 г. Русский музей открыл уже не виртуальный, а реальный филиал в Пекине. Таким образом, гуманитарные взаимосвязи РФ и КНР в новую эпоху стали важной частью внешней политики двух стран.

Особо нужно отметить тот факт, что российско-китайское гуманитарное сотрудничество представляет собой важный способ противостояния попыткам монополизации глобального информационного пространства западными СМИ, которые стремятся внедрить негативные имиджевые характеристики

России и Китая в мировое общественное мнение. В этих условиях особое значение приобретают взаимные усилия двух стран по развитию наступательной политики в области культурной коммуникации в глобальном масштабе.

В 2000 г. на межгосударственном уровне была создана Китайско-российская комиссия по гуманитарному сотрудничеству, в рамках которой появился ряд подкомиссий для формирования институциональной основы долгосрочного сотрудничества двух стран, например: подкомиссии по культуре, по сотрудничеству в области архивов, образования, СМИ, туризма, спорта и т. д. Под руководством подкомиссий страны достигли больших успехов, провели встречи, подписали взаимовыгодные договоры. В частности, подкомиссия по культурному сотрудничеству провела 23 заседания³, подкомиссия по сотрудничеству в области туризма – 20 заседаний⁴, подкомиссия по сотрудничеству в области СМИ – 16⁵.

Все эти мероприятия свидетельствуют о том, что одним из самых значительных достижений российско-китайского гуманитарного сотрудничества является совершенствование гуманитарного механизма, а именно работа Комиссии по гуманитарному сотрудничеству КНР–РФ [8].

С целью углубления взаимного доверия и добрососедства . 27 сентября 2010 г. в соответствии с «Соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном учреждении культурных центров» (2009) был открыт

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 05.12.2023).

² Проект создания филиала Русского музея в Республике Куба обсудили в Министерстве культуры РФ // Министерство культуры Российской Федерации: [сайт]. URL: https://culture.gov.ru/press/news/vozobnovlyen_proekt_sozdaniya_filiala_russkogo_muzeya_v_respublike_kuba/ (дата обращения: 05.12.2023).

³ Россия и Китай укрепят культурные связи // Победа РФ: [сайт]. URL: <https://pobedarf.ru/2023/06/22/rossiya-i-kitaj-ukrepyat-kulturnye-svyazi/> (дата обращения: 05.12.2023).

⁴ В Минэкономразвития рассказали об организации безвизовых поездок с Китаем // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20230621/kitay-1879484688.html> (дата обращения: 05.12.2023).

⁵ О сотрудничестве России и Китая в медиасфере // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/47428/> (дата обращения: 05.12.2023).

Российский культурный центр (РКЦ) в Пекине¹.

В настоящее время количество Русских центров в Китае и Институтов Конфуция в России постоянно увеличивается. По официальным данным на сегодняшний день в России существует 23 института и центра Конфуция². Дальневосточный федеральный университет планировал в 2023 г. открыть 3 новых центра русского языка и культуры в Китае³.

В «Совместному коммюнике по итогам 17-й регулярной встречи глав правительств России и Китая» (2012) отмечалось, что за прошедшие годы Комиссии была очень эффективна в проведении мероприятий в рамках тематических годов, а потому был принят Комплексный план действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере⁴.

Были созданы правовые и финансовые основы для развития сотрудничества в сфере образования, культуры, здравоохранения, спорта и т. д. Например, Соглашение между Министерством образования и науки РФ и Министерством образования КНР о сотрудничестве в области образования, Меморандум о реализации Плана действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере. Финансовые фонды включают стипендию китайского и российского правительств, стипендию Университета ШОС и пр. При поддержке правительств 2 стран в период с 2012 по

2022 г. количество китайских студентов, обучающихся в РФ, выросло с 16,5 тыс. до 32,6 тыс. [2, с. 201–202], и, соответственно, количество русских студентов, обучающихся в КНР, с 2012 по 2019 г. выросло с 15 тыс. до 20 тыс.⁵

Таким образом, можно констатировать, что активная политика 2 стран по развитию гуманитарного сотрудничества дала хорошие результаты. Несмотря на то, что Китай и Россия имеют существенные различия в историко-культурных традициях, ментальных представлениях, успехи гуманитарного сотрудничества доказывают возможность эффективного межцивилизационного диалога [6, р. 208].

Результаты российско-китайского гуманитарного сотрудничества

Взаимное проведение тематических годов стало символическим событием в гуманитарных обменах и сотрудничестве Китая и России. В ходе тематических годов были организованы тысячи мероприятий, охватывающие многочисленные отрасли: политику, экономику и торговлю, культуру, военное дело, образование, науку и технику, здравоохранение, СМИ, локальные обмены и др. Все это содействует непрерывному углублению и развитию дружбы и сотрудничеству⁶.

Проекты Национального года и Года языка оказались важными формами в продвижении национальной культуры и углублении взаимопонимания между народами Китая и России. В 2006 г. «Год России» проводился в Китае, а в 2007 г. – «Год Китая» в России. С тех пор обе страны ежегодно проводят различные тематические мероприятия с очень разнообразной тематикой.

⁵ Россия и Китай достигли уровня академической мобильности в 100 тысяч человек // Минобрнауки: [сайт]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/26080/> (дата обращения: 05.12.2023).

⁶ Взаимное проведение «тематических годов» создает историю дружбы Китая и России // партнеры. URL: <https://russian.dbw.cn/system/2018/02/06/001253744.shtml> (дата обращения: 05.12.2023).

¹ Культурный центр // Посольство России в Китае: [сайт]. URL: https://beijing.mid.ru/ru/embassy/kulturnyy_tsentr/ (дата обращения: 05.12.2023).

² Институт Конфуция: [сайт] URL: <https://confucius.nstu.ru/pages/institut-konfucija> (дата обращения: 05.12.2023).

³ ДВФУ откроет новые центры русского языка и культуры в КНР // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20230328/dvfu-1861106565.html> (дата обращения: 05.12.2023).

⁴ Совместное коммюнике по итогам 17-й регулярной встречи глав правительств России и Китая // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499014859> (дата обращения: 05.12.2023).

Так, например, 2020–2021 гг. прошли под лозунгом «Годы китайско-российского научно-технического и инновационного сотрудничества»; стороны разработали Дорожную карту китайско-российского сотрудничества в области науки, технологий и инноваций на период 2020–2025 гг. (утв. Министерством науки и высшего образования РФ 26 августа 2020 г.). В процессе реализации сотрудничества особое развитие получили обмен специалистами между научными институтами и разработка совместных проектов в инновационных областях технологического сектора экономики.

С 2006 г. регулярно проводятся фестивали китайской и русской культуры, в которых принимают участие артисты и художники. Во время фестиваля гости имеют возможность познакомиться с различными традициями: народными песнями, классическими танцами, музыкой, прикладным искусством и национальными костюмами. В 2023 г. состоялся Фестиваль китайской культуры в России, а Фестиваль российской культуры пройдет в Китае в 2024 г. Фестиваль культуры уже стал традиционной и важной площадкой для культурного обмена между двумя государствами.

В Годы языков (2009–2010) началось транслирование государственного телевизионного канала CCTV на русском языке, а в 2016 г. официально сформировался телеканал «CGTN-Русский», что важно для популяризации русского языка в китайском обществе [1, с. 27]. Телеканал «Китай-ТВ» также с 2017 г. официально транслирует телепрограммы о Китае в России¹. Страны не только открыли языковые каналы, направили друг к другу студентов и преподавателей для дальнейшего обучения, но и увеличили количество китайских, российских и других СМИ для улучшения дискурсивной силы культурной коммуникации. Обмены в областях СМИ, молодёжи, туризма

ещё больше сблизили отношения Китая и России.

2024–2025 гг. определены как годы Культуры России и Китая. Представители Китайско-российской подкомиссии по сотрудничеству в области культуры договорились о плотном взаимодействии в реализации общих культурных инициатив. Спектр будущих мероприятий очень широк: различные фестивали, выставочные проекты, конкурсы и т. д., например: Шанхайский международный фестиваль искусств, Международная культурная выставка «Шелковый путь» (Дуньхуан), Международный Дальневосточный фестиваль «Мариинский», Санкт-Петербургский международный культурный форум. Кроме того, первый Китайско-российский библиотечный форум прошёл в Москве 24–25 июля 2023 г.

Важно подчеркнуть, что стратегическая идея гуманитарного сотрудничества предполагает не только культурные мероприятия между Китаем и Россией, но и включение в орбиту гуманитарного диалога дружественных стран, входящих в ШОС, БРИКС, СНГ, ЕАЭС, Большую двадцатку². Именно гуманитарная «мягкая сила» является важным потенциалом укрепления взаимопонимания и доверия народов «мирового большинства» и эффективным способом построения сообщества единой судьбы человечества.

В свою очередь необходимо отметить влияние гуманитарного сотрудничества на позитивные перемены в восприятии имиджа Китая и, соответственно, имиджа России в общественном мнении двух стран. Сравнительный анализ онлайн-анкетирования, проведённого ВЦИОМ (Всероссийским центром изучения общественного мнения) и ФОМ (Фондом «Общественное мнение»), показывает,

¹ Компания.TV: [сайт]. URL: <https://chntv.ru/company/> (дата обращения: 05.12.2023).

² Россия и Китай обсудили совместные мероприятия в рамках культурного сотрудничества // Посольство России в Китае: [сайт]. URL: https://beijing.mid.ru/ru/news/rossiya_i_kitay_obsudili_sovmestnye_meropriyatiya_v_ramkakh_kulturnogo_sotrudnichestva/ (дата обращения: 05.12.2023).

что образ Китая в сознании российской публики значительно изменился с начала XXI в. по настоящее время, что свидетельствует о достижениях обеих стран в области публичной дипломатии.

Результаты опроса ВЦИОМ показывают, что с годами общественное мнение о Китае ощутимо улучшилось. Перелом в восприятии друг друга произошёл в 2014 г. Доля россиян, которые считают Китай экономическим и политическим соперником, снизилась с 21–24% (2000 г.) до 8% (2014 г.). Если в 2005 и 2009 гг. в ответах россиян доминировали нейтральные оценки («нормальные, спокойные отношения» – 40% и 39%), то сегодня доминируют позитивные оценки («дружественные» – 38%, «хорошие, добрососедские» – 26%)¹.

По данным социологического опроса ВЦИОМ можно сделать вывод, что предубеждение к китайскому народу постепенно снижается среди российских граждан, что может указывать на значительное повышение уровня взаимопонимания и информированности.

Данные другого социологического опроса ФОМ также подтверждают такой вывод. С 2004 г. всё больше россиян верят, что Китай – дружественная страна, в 2006 г. 30% опрошенных считали Китай недружественным, а в 2023 г. только 9% опрошенных высказали такое мнение². В 2023 г. общественное мнение достигло своего наивысшего положительного уровня. Это также означает, что дипломатические усилия обеих стран завоевали признание российских и китайских народов.

В XXI в. доверие россиян к Китаю продолжает расти. В 2004 г. 47% опрошенных, а 2023 г. – уже 78% полагали, что преимущества российско-китайских

дружественных отношений перевешивают недостатки³. Таким образом, результаты социологического опроса ФОМ также свидетельствуют о том, что с 2004 по 2023 г. отношение россиян к Китаю постепенно становится дружелюбным, а уровень доверия к Китаю постепенно возрастает.

Таким образом, имиджевые характеристики двух стран в общественном сознании населения явно имеют позитивную динамику изменений и отражают достижения Китая и России в установлении взаимного доверия и продвижении идеи взаимной выгоды и взаимного выигрыша, а также подтверждают важную роль гуманитарного сотрудничества в общественной дипломатии.

Заключение

Важным фактором развития двухстороннего и многостороннего сотрудничества является совпадение стратегических курсов и подходов во внешней политике.

Гуманитарное сотрудничество способствует развитию теоретического базиса российско-китайского дипломатического сотрудничества, а дружественные обмены между двумя странами являются частью строительства «сообщества единой судьбы человечества», а также проявлением идеи «многополярного мира». Достижения гуманитарного сотрудничества опровергают понимание концепции «национальный интерес», с точки зрения политического реализма, и дополняют новую концепцию о взаимовыгодных и беспроигрышных интересах.

В практическом отношении гуманитарное сотрудничество является одним из способов решения вопросов общественного мнения и имиджа России и Китая на международной арене, а механизм гуманитарного сотрудничества обеспечивает реализацию взаимодействия двух сторон.

¹ Россия и Китай: мониторинг // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/rossija-i-kitai-monitoring> (дата обращения: 05.12.2023).

² Россия и Китай [Электронный ресурс] // ФОМ. URL: <https://fom.ru/Mir/14860> (дата обращения: 05.12.2023).

³ Так же.

Важной частью внешней политики России и Китая стало повышение культурной привлекательности в мире, формирование позитивного национального имиджа, улучшение международного статуса двух стран в глобальном информационном пространстве посредством гуманитарного сотрудничества. Российско-китайское гуманитарное сотрудничество достигло больших успехов в усилении «мягкой силы» гуманитарной дипломатии, которая является основой

для сближения двух стран и углубления сотрудничества.

России и Китаю необходимо расширять масштабы культурных обменов, продолжать развитие гуманитарного сотрудничества в рамках «Пояс и Путь», ШОС и БРИКС, и одновременно привлекать больше стран к участию во взаимовыгодном сотрудничестве, что не только поможет повысить статус государств, но и поспособствует формированию нового справедливого мирового порядка.

Дата поступления в редакцию 18.12.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Т. Л., Керн К. Е. Лингвистический аспект как фактор внешней политики КНР в XXI в. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 25–29.
2. Бай Сюэчунь, Ло Сяоя. Исследование китайско-российского обмена и сотрудничества в области высшего образования во время правления Путина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 5-1. С. 200–207.
3. Наумов А. О. Концепция «мягкой силы» Джозефа Ная в зарубежном научном дискурсе: интерпретация и критика // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 89. С. 122–131.
4. Табаринцева-Романова К. М. Международное гуманитарное сотрудничество: зарубежные подходы к изучению и реализации // Сравнительная политика. 2021. № 12. С. 31–46.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимева, Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003. 603 с.
6. 管文虎. 试论中俄关系中的文化认同 // 电子科技大学学报(社科版), 2006(S1):206-209.
7. 孙壮志. “一带一路”框架内的人文合作:成就与前景 // 欧亚经济, 2023(02):1-13+129.
8. 吴赛,张建华. “一带一路”框架下的中俄人文合作机制:特点、问题与对策 // 北京教育学院学报, 2019, 33(05):35-42.
9. 邢丽菊. 人文交流与人类命运共同体建设 // 国际问题研究, 2019(06):11-24.
10. “一带一路”沿线国家文化交流”课题组. 以人文交流促进与中亚的民心相通 // 西安交通大学学报(社会科学版), 2021,41(03):43-63.

REFERENCES

1. Andreeva T. L., Kern K. E. [Linguistic aspect as a factor of the foreign policy of the People's Republic of China in the 21st century]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2017, no. 417, pp. 25–29.
2. Bai Xuechun, Luo Xiaoxia. [Study of Sino-Russian exchange and cooperation in higher education during Putin's rule]. In: *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i gumanitarnykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 2022, no. 5-1, pp. 200–207.
3. Naumov A. O. [Joseph Nye's concept of soft power in foreign scientific discourse: interpretation and criticism]. In: *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik* [Public administration. Electronic Bulletin], 2021, no. 89, pp. 122–131.
4. Tabarintseva-Romanova K. M. [International humanitarian cooperation: foreign approaches to studying and realisation]. In: *Sravnitel'naya politika* [Comparative politics], 2021, no. 12, pp. 31–46.
5. Huntington S. *The Clash of Civilizations* (Rus. ed.: Velimeev T., Novikov Yu., transl. *Stolknoveniye tsivilizatsiy*. Moscow, AST Publ., 2003. 603 p.)
6. 管文虎. 试论中俄关系中的文化认同 // 电子科技大学学报(社科版), 2006(S1):206-209.
7. 孙壮志. “一带一路”框架内的人文合作:成就与前景 // 欧亚经济, 2023(02):1-13+129.

8. 吴赛,张建华. “一带一路”框架下的中俄人文合作机制:特点、问题与对策 // 北京教育学院学报, 2019, 33(05):35–42.
9. 邢丽菊. 人文交流与人类命运共同体建设 // 国际问题研究, 2019(06):11–24.
10. “一带一路”沿线国家文化交流”课题组. 以人文交流促进与中亚的民心相通 // 西安交通大学学报(社会科学版), 2021,41(03):43–63.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Инь Мэньюань – аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета;

e-mail: 2827983446@qq.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yin Mengyuan – Postgraduate student, Faculty of International Relations, Saint-Petersburg State University;

e-mail: 2827983446@qq.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Инь Мэньюань. Роль гуманитарного сотрудничества в российско-китайских отношениях на современном этапе // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 4. С. 127–137.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-4-127-137

FOR CITATION

Yin Mengyuan. The role of humanistic cooperation in Sino-Russian relations at the current stage. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 4, pp. 127–137.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-4-127-137

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 008.2 + 304.2 + 321.011.1 + 321.011.5 + 321.015 + 321.022 + 321.728 + 323.213 + 328.181 + 352/354-1+ 353.1 + 394.21 + 504.75 + 930.1 + 930.85.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-4-138-148

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПО ДИСЦИПЛИНЕ ДЛЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ / В. М. МАРАСАНОВА, В. Э. БАГДАСАРЯН, Ю. Ю. ИЕРУСАЛИМСКИЙ, Л. Г. ТИТОВА, С. А. КУДРИНА. М.: ИД «ДЕЛО» РАНХИГС, 2023. 212 С.

Ланской Г. Н.¹, Реснянский С. И.², Хазанов А. М.³

¹ *Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6, Российская Федерация*

² *Государственный университет просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

³ *Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова
150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14, Российская Федерация*

BOOK REVIEW:

BASIC POINTS OF RUSSIAN STATE SYSTEM: MARASANOVA V. M., BAGDASARYAN V. E., IYERUSALIMSKIY YU. YU., TITOVA L. G., KUDRINA S. A. EDUCATIONAL AND METHODICAL COMPLEX ON DISCIPLINE FOR EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF HIGH EDUCATION / . MOSCOW, ID «DELO» RANKHIGS PUBL., 2023. 212 P.

G. Lansky¹, S. Resnyansky², A. Khazanov³

¹ *Russian State University for the Humanities
Miousskaya pl. 6, Moscow 125047, Russian Federation*

² *Federal State University of Education
ul. Radio 10A, Moscow 105005, Russian Federation*

³ *P. G. Demidov Yaroslavl State University
ul. Sovetskaya 14, Yaroslavl 150003, Russian Federation*

Изучение пространственных, социальных, институциональных, этнокультурных и философско-идеологических основ формирования и продолжающегося на протяжении более 11 столетий развития основ российской государствен-

ности является одновременно научным, дидактическим и культурно-просветительским процессом. Его осуществление можно считать особенно важным именно для тех, кто начинает в первом семестре первого курса осваивать любые образовательные программы именно в высших учебных заведениях, по двум причинам.

Первой из них является важность обобщения знаний об обществе, государстве и социальных процессах, полученных в школе в рамках курсов истории и обществознания, для последующего перехода к более углубленной по содержанию, а также практической и интеллектуальной направленности профессиональной подготовке. Вторая, непосредственно связанная с ней причина, заключается в формировании теоретического фундамента в виде знания понятий и смысловых категорий, без которых не может в дальнейшем дополняться не только социальное и гуманитарное, но и в целом социокультурное знание в широком понимании его предметной области. Помимо необходимых для дальнейшей профессиональной подготовки и созидательной деятельности сведений, он включает в себя такие необходимые элементы мировоззрения, как знания, убеждения и ценности.

Изучение основ российской государственности является значимым стимулирующим фактором не только для обучающихся, но и педагогов – второй необходимой группы участников образовательных отношений. Готовясь к проведению лекционных встреч и семинарских занятий, они возвращаются к новому осмыслению или в необходимых случаях выявляют в разнообразных источниках различной жанрово-видовой принадлежности сведения о пространственных, духовных, институциональных, социально-практических элементах феномена России. При этом важно, что обобщаемые ими в данном функционально-тематическом направлении знания представляют собой не просто частные по значимости

познаваемые фрагменты, а целостную совокупность сведений, ориентированных на научно обоснованные представления о едином объекте – основах российской государственности. Её наличие значимо как в интеллектуальном, так и в социально-практическом значении, поскольку получение разносторонних знаний о своей Родине наряду с навыками общественно полезной деятельности, усвоенными в процессе внешнего, а также собственного внутреннего воспитания, способно сформировать в будущем выпускнике высшего учебного заведения истинный гражданский, а не поверхностный, покрытый демагогическими суждениями патриотизм. Актуальность этой задачи, имеющей не только образовательный, но и воспитательный характер, не может вызывать сомнений в условиях, когда в настоящее время происходит последовательное решение задачи отстаивания практическими и духовными средствами суверенитета России как самобытного государства, имеющего свою, сформированную столетиями достижениями и испытаний цивилизационную миссию в мировом пространстве.

Уникальность процесса преподавания и освоения курса основ российской государственности, представленная в изложенных выше структурных, функциональных и семантических аспектах, чётко определена в рамках вводного раздела к составленному для его дидактического обеспечения пособию. Его авторы определяют её следующим образом: «Целью преподавания дисциплины “Основы российской государственности” является формирование у обучающихся системы знаний, навыков и компетенций, а также ценностей, правил и норм поведения, связанных с осознанием принадлежности к российскому обществу, развитием чувства патриотизма и гражданственности, формированием духовно-нравственного и культурного фундамента развитой и цельной личности, осознающей особенности исторического пути развития

Российского государства, самобытность его политической организации и сопряжение индивидуального достоинства и успеха с общественным прогрессом и политической стабильностью своей Родины» [с. 6]. Таким образом, преподавание и, соответственно, изучение основ российской государственности направлено на решение не только образовательных, но и воспитательных задач.

Содержание общей концепции, заложенной в учебно-методическом комплексе и проявляемой во всех её разделах, определяется по отношению к другим философско-теоретическим и одновременно дидактическим направлениям творческой деятельности системой понятий и соответствующих им определений. Исходя из состава формируемых в процессе преподавания знаний, а также их референтной направленности, данные понятия и определения можно разделить на 2 группы.

В первую группу входят те элементы понятийного аппарата, которые образуют объектно-предметную сущность курса. Так, при определении «государственности» и обоснованно отделяемого от него понятия «государства» авторы учебно-методического комплекса следуют от общепризнанного в социологии понимания «общества» как «совокупности всех форм и способов взаимодействия и объединения людей». Его формирование и укрепление вначале на кровнородственном, а затем на более широком, определяемом различными направлениями коллективной деятельности уровне становится фактором, благодаря которому происходит имеющее, таким образом, внутренний потенциал создание территориально-политических объектов интегративного типа.

Первым из них является «государственность», которая, в соответствии с отстаиваемой разработчиками учебно-методического комплекса концепцией, «рассматривается как состояние развития общественного образования (этно-

са, нации, группы народностей, народа), создавшего собственное государство, национальную правовую систему или сумевшего восстановить эти институты, утраченные в прошлом» [с. 35–36]. Соответственно, исходя из данной трактовки содержания этого термина, имеющего для преподавания курса главенствующее значение, «государство» идентифицируется как формальное историческое выражение государственности. Использование данной системы социально-правовых норм даёт возможность сформировать логическое восприятие общественной (гражданской) и политической истории России как диалектически почти непрерывавшегося процесса внутреннего объединения для решения суверенных задач и отстаивания, таким образом, патриотических ценностей или восстановления данного единства после кризисных периодов.

При этом для понимания специфики восприятия понятия «государственность» в избранном авторами учебно-методического комплекса социологическом контексте существенно учитывать его иное понимание специалистами, исследующими историю и организацию государственного аппарата. Руководствуясь на методологическом уровне системной моделью из правоведения, теории менеджмента и политической истории, они определяют данное понятие как сформированную и развивающуюся систему органов власти в государстве, а также их функций и доктринальных организационных установок. Таким образом, ими используется институциональный подход, который при безусловной практической значимости, например, для изучения происхождения, организации хранения и практического использования делопроизводственных и иных исторических документов, не даёт возможность константного выявления и экспертно-научного исследования государства в качестве не структурно-функционального, а именно цивилизационного явления.

Во вторую группу понятий и определений, которую в качестве основы используют разработчики учебно-методического комплекса, входят те из них, которые относятся к получающему знания и воспитываемому этими знаниями субъекту. Руководствуясь приобретенными в условиях современного межкультурного противостояния западного и русского «миров» особую актуальность задачами социализации и мотивации к совершению созидательных просоциальных действий, они вполне закономерно отходят от нередко встречающегося и в современных сочинениях по теории дидактики так называемого либерального восприятия феномена «личности».

Согласно ему данная типологическая категория обозначает совокупность индивидуальных духовных и практических качеств, которая изначально заложена в человеке и нуждается в последующем раскрытии различными группами и институтами общества. Сущность педагогического процесса на любых квалификационных уровнях заключается в соответствии с данной трактовкой в адаптации учебного процесса к индивидуальным способностям адресатов оказания образовательных услуг. Вспомогательный характер в рамках либеральной модели восприятия личности имеет и предоставление статуса гражданина. Оно рассматривается в качестве процесса, предоставляющего человеку дополнительные возможности реализации своего потенциала и выполняющего, таким образом, поддерживающую функцию.

Изучение и преподавание основ российской государственности имеет в рассматриваемом методологическом контексте не феноменологическую, а позитивистскую направленность. Оно нацелено на формирование у человека способности к совершению полезных действий и практическому отстаиванию тех ценностей, которые имеют положительное значение для страны в её глобальных и по крайней мере примени-

тельно к начальным поступкам локальных пределах; социального окружения от уровня семьи до любых последующих расширяющихся масштабов и в итоге для своего совершенствования.

В частности, поэтому содержание первой главы учебно-методического комплекса и соответственно первого раздела курса (с. 11–30) ориентировано на конкретное, обеспеченное многочисленными и чётко систематизированными примерами обоснование того, что «Россия – многонациональная и многоконфессиональная страна с огромной территорией, разнообразными географическими, природно-климатическими и экономическими условиями производства и жизни населения» (с. 11). В этом же комплексном ракурсе она представлена как многообразное этнокультурное пространство, наполненное самобытными памятниками и прославленное выдающимися представителями различных профессиональных областей (с. 17–27). Содержание данного раздела курса напрямую ориентировано на восприятие личности как человека, решающего на основе полученных базовых и затем прикладных профессиональных знаний задачу сохранения и расширения тех благ, благодаря наличию которых российская государственность и формирующее её общество могут успешно развиваться в настоящем и будущем. При этом, по причине очевидно доказываемого авторами концепции курса безусловного приоритета значимости духовного начала над материальным, уже в его вступительном разделе (с. 8) определены 5 ценностных принципов, которые должны быть на конкретных примерах сформированы у каждого обучающегося в системно реализуемых, неразрывно связанных между собой рамках воспитания, образования и социализации.

Статус гражданина, так же как и в рамках либеральной концепции, при этом рассматривается как средство, помогающее человеку реализовать свой потенци-

ал. Однако при этом разработчики учебно-методического комплекса убедительно на концептуальном уровне указывают на то, что его получение становится основанием не только и не столько для приобретения новых прав, но и на получение обязанностей. Именно данная функциональная направленность определяет сущность «гражданственности» как осознания и практического воплощения вклада полезной обществу личности в развитие страны, государства и общества.

Понятие «культуры» идентифицируется и в наиболее доступной для обучающихся исторической форме рассматривается разработчиками учебно-методического комплекса как совокупность всех результатов целенаправленной творческой деятельности людей. Именно в данном понимании оно наиболее органично сочетается с обоснованием оптимальной возможности применения цивилизационного подхода к изучению сущности, а также институциональных и духовных проявлений российской государственности. Выбор и воплощение данной методологической направленности с использованием, с одной стороны, исторических фактов и, с другой стороны, репрезентативно подобранных примеров взглядов русских философов, социологов, представителей других областей научного знания можно считать несомненным достижением авторов учебно-методического комплекса.

В качестве исходного понятия для последующего изложения дидактического материала они вполне обоснованно выбирают понятие «цивилизационной идентичности». Ими констатируется, что она «выражает определённый тип сопряжения личностных траекторий человеческого развития и различных форм социальной организации (от общины или сообщества до государственности)» (с. 34). Формирование культурно-исторического облика российской цивилизации рассматривается в контексте данного определения как результат действий лю-

дей в составе организованных объединений, который, как правило, особенно в ситуациях обострения внешних геополитических вызовов был конструктивным для развития российской государственности и государства как её формального отражения. Поэтому даже период Смутного времени может, согласно концепции авторов учебно-методического комплекса (с. 37), рассматриваться только как непродолжительный сбой в рамках развития России на протяжении XVI–XVII вв., быстро обернувшийся новым восстановительным процессом в условиях стабильно существовавшей модели сословно-представительной (соборной) монархии.

Одним из источников, являвшихся достоянием и опорой российского государства на всём его протяжении с включением советской и постсоветской эпох, безусловно, являлась и остаётся реализуемая, несмотря на возникающие трудности, задача наднационального управления, сплачивающего интересы различных народов на основе решения общих жизненных задач и следования значительному числу ценностных идеалов. Определение данного индикатора, имеющего легко выявляемые ещё с периода последовательного собирания территории русского централизованного государства в конце XV–XVI вв. фактические примеры, позволило авторам учебно-методического комплекса решить непростую не только в методическом, но и в научно-теоретическом отношении задачу дифференциации признаков, отличающих широко встречающихся на геополитической карте мира «государств-наций» от «государств-цивилизаций», имеющих меньшее распространение и обладающих высоким уровнем самобытности развития. Итоги проведённой ими экспертно-аналитической работы представлены, в частности, в рамках следующего вывода: «Государство-нация исходит из суверенности всей гражданской общности. И нация развивается лишь в рамках

суверенного государства: государственные институты, объединив различные этнические группы в границах общего государства, формируют из них нацию» (с. 41).

Таким образом, для формирования более глобального восприятия, с одной стороны, суверенного российского и, с другой стороны, мирового исторического процесса авторы учебно-методического комплекса проводят вполне убедительное противопоставление моделей зачастую навязываемого (например, в формате внедрения новых либеральных ценностей) «плавильного котла» и гармоничной, основанной на принципах соборности и служения общим нравственным идеалам форме межкультурной интеграции. Данный инновационный подход, потребовавший широкого применения сравнительного метода к изучению государств с различными по продолжительности традициями развития, имеет принципиально важное значение для эффективной интеграции преподавания и изучения основ российской государственности в остальную часть базового содержания образовательных программ. В частности, он способствует, с одной стороны, более глубокому и, с другой стороны, сочетающемуся с другими областями профессиональных знаний пониманию истории развития стран Европы, Северной и Южной Америки, Азии и, конечно, России.

Рассмотренное концептуальное содержание второй главы учебно-методического комплекса логически сочетается и находит фактическое продолжение в рамках четвертой главы (с. 102–125). Основное место в ней занимают изложение основ конституционного строя Российской Федерации и презентация системы действующих на её территории органов государственной власти федерального, регионального и местного уровней. Данные чётко систематизированные сведения предваряются изложением тех признаков, которыми должно обладать сформиро-

ванное в рамках единой социально-политической системы государство.

Авторам удалось выявить и дидактически представить не только потенциально известные обучающимся по программе среднего образования данные из области истории и обществознания, но и ориентировать их в более масштабную плоскость понимания логики и целей развития российской государственности. С одной стороны, в сочетании с предшествующими главами ими показана особенность той суверенной модели территориально-политического функционирования, которая была запланирована в условиях распада советского союзного государства и успешно реализована уже в XXI в. после преодоления преимущественно демократическими и социально-ориентированными методами ряда дезинтеграционных процессов. С другой стороны, на основе законодательных и подзаконных актов, принятых в первой половине 2020-х гг., авторы учебно-методического комплекса сконцентрировали внимание на таком ключевом направлении развития современной России, как формирование и реализация программ стратегического планирования. Определяя цель их изучения (с. 121–122) и называя на основании содержания подписанного 7 мая 2018 г. Президентом Российской Федерации указа «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» их отраслевые направления, они далее (с. 125–172) представляют в чётко систематизированной форме те задачи и проблемы, для решения которых данные программы реализуются в настоящее время.

Большим достижением авторов учебно-методического комплекса является то, что им удалось выйти за рамки простого, ограничиваемого комментированными названиями перечисления актуальных задач материального и духовного развития народов России и стран остального мира. В качестве избранного им исходно-

го замысла можно определить формирование научной футурологической модели. Безусловным является то, что эта модель необходима не только для прогнозирования будущих трансформационных процессов и объяснения в исторической перспективе окружающих явлений в природе, обществе, жизни конкретного человека, но и для формирования у обучающихся и преподавателей значимых элементов рационального мировоззрения.

Следуя избранной концепции курса в целом, авторы учебно-методического комплекса чётко представляют своё видение особой миссии социально и духовно активных представителей российского государства в сфере предложения эффективных проектов решения глобальных проблем и адекватного ответа на угрожающие мировому развитию выводы. Совокупность идей и рекомендаций, имеющих идеологический и одновременно вполне конкретный характер, авторы формулируют следующим образом: «Для успешного развития современных мировых цивилизаций Россия предлагает миру свой планетарный проект. Этот проект состоит в том, что сила каждой цивилизации заключается в опоре на её традиционные духовно-нравственные ценности. Сохранение и развитие традиционных ценностей всех цивилизаций (эти ценности во многом совпадают, но есть и присущие только определённой цивилизации) позволит сберечь уникальность каждой из них и объединит их в противоборстве с антиценностями глобализма, на которые перешла бывшая англосаксонская цивилизация» (с. 131).

Таким образом, параллельно с признанием уникальной и имеющей благодаря сочетанию традиционных и инновационных по происхождению ценностных ориентиров модели российской цивилизации авторы учебно-методического комплекса вполне закономерно констатируют наличие элементов упадка и даже распада многих элементов западной цивилизации, которые во многих современ-

ных источниках ассоциируются с «англосаксонским миром». Для демонстрации глубины и очевидности этих кризисных процессов они, наряду с существующими на протяжении десятилетий проблемными трендами в области экологии, демографии, неравенства доступа к жизненно необходимым благам, межэтнического экстремизма, тоталитаризма, выявляют и подробно описывают такие новые пагубные для человечества явления, как тренды «обострения ценностных противоречий» (с. 139), «экономики “мыльного пузыря”» (с. 141), «десуверенизации» (с. 144), «индивидуализации и самовыражения в ценностных ориентирах молодёжи» (с. 145). Перечисленные тенденции (тренды) развития логично соотнесены с глобальными проблемами, наличие которых не может обойти практически ни один проживающий в настоящее время народ и, следовательно, должно учитываться в траекториях развития всех, существующих в современном мире государств.

Безусловно, положительным можно считать тот факт, что в пособии отдельно определены вызовы развития, адресуемые современной России со стороны её активизировавшихся геополитических конкурентов (с. 155–156). Значение данного методического подхода заключается в том, что его применение позволяет преодолеть характерную для многих (не только молодого, но и других поколений) идеализацию и в целом ряде случаев эволюционную абсолютизацию евроцентристского подхода к определению эталонной модели развития обществ и государств в любых странах мира. Поэтому с учётом особенностей восприятия личностной ориентации в понимании основ российской государственности и позитивного применения знаний о них особенно значимой является определение авторами учебно-методического комплекса поведенческой и ценностной модели «деятельного патриотизма» в качестве необходимого компетентностного

результата на практическом и интеллектуальном уровне. Определяя её сущность и значимость, они, в частности, пишут: «Деятельный патриотизм также является составной частью понятия служения Отечеству. Служение – это жертвенное явление, проявление любви, и уже одним этим оно вступает в конфликт с глобализмом, в котором такая жертва понимается негативно. Совсем иначе жертвенность понимается в культурной традиции народов России. Отсюда и патриотизм как служение народам Российской Федерации, любовь к своей большой и малой Родине».

Таким образом, в рамках концепции изучения основ российской государственности предусматривается необходимая для осуществления просветительской деятельности, сочетающей в себе познавательный и воспитательный компоненты, логическая схема движения формируемой творческой личности от знаний через убеждения и ценностные установки к социально полезным действиям. Это движение может быть реализовано в любом пространственном масштабе, поскольку одним из главных результатов обучения является создание духовных оснований и конструктивных ориентиров деятельности человека практически на всём протяжении его жизни.

Преподаванию и соответственно освоению структуры мировоззрения и системы ценностей, относимых к составу цивилизационных оснований российской государственности, посвящена третья глава учебно-методического комплекса (с. 54–101). Её содержание обеспечивает методологически значимую связь между понятиями «государственности», «государства», «общества», которым обоснованно посвящена основная часть курса, и механизмом восприятия каждым конкретным человеком представляемых ему в процессе просвещения и воспитания ценностных ориентиров.

В отличие от предусмотренных учебными планами курсов философии и дру-

гих областей социально-гуманитарного цикла рецензируемый учебно-методический комплекс ориентирует концепцию объяснения сложных аксиологических и когнитивных понятий в область созидательной деятельности, обеспечивающей практическую реализацию чувств гражданственности и патриотизма. Поэтому систематизированное изложение дидактического материала о структуре и уровнях мировоззрения предваряется следующим методологически значимым тезисом о том, для какой значимой в социально-историческом отношении цели педагоги и под их руководством обучающиеся должны воспринять относящиеся к этой предметной области сведения: «Цивилизационное сплочение и формирование крупных наднациональных (многонациональных) сообществ неизбежно приводят к формированию общих ценностных и мировоззренческих принципов и ориентиров; более того, можно смело утверждать, что без таких принципов и ориентиров и, в свою очередь, их культурного влияния невозможны устойчивое воспроизводство цивилизации, передача её смыслов новым поколениям граждан» (с. 54). Теоретические знания о мировоззрении и ценностях, которые могут предстать в сознании обучающихся излишне абстрагированными от их повседневной жизни и привести по этой причине к созданию психологических барьеров, приобретают благодаря такому методологическому подходу, имеющему широкую межкультурную направленность, отчётливое позитивное значение. Оно заключается в приобретаемой компетенции выбрать идеологические установки и ценностные ориентиры для внесения каждым человеком собственного творческого вклада в сохранение и преумножение цивилизационного богатства того народа, представителем которого он является и служению которому ему предстоит посвятить свою жизнь.

Представляя значительный по объёму массив исторических и теоретико-

философских сведений, авторы учебно-методического комплекса подводят его концептуальное и одновременно дидактическое содержание к рассмотрению актуальной, широко обсуждаемой в настоящее время в России проблемы формирования единой, общегосударственной и наднациональной идеологии. Её конструктивное решение, предусматривающее достижение конкретного доктринального результата, является необходимым в контексте исходного представления об особом цивилизационном типе, свойственном российской государственности и имеющем глубокое самобытное содержание.

Необходимо подчеркнуть, что представленные в третьей, так же как и в других главах учебно-методического комплекса, выводы и наблюдения не являются декларативными и отобранный его авторами фактический материал позволяет педагогам и обучающимся прийти к базовым для освоения курса выводам или, как минимум, принять их в качестве основы собственных дальнейших размышлений и выводов. Каждый комплекс сведений, отнесённых к происхождению, структуре, содержанию, распространению ценностных оснований российской цивилизации в её внутренних рамках и на внешнем – глобальном – уровне, чётко изложен и имеет самостоятельное значение.

В исторической плоскости он восходит к временной консолидации восточнославянского государства под руководством Ярослава Мудрого и затем к периоду конца XV – первой трети XVI вв., когда правители и ведущие общественные деятели с созидательным воодушевлением стали реализовывать проект продвижения России в качестве территориально-политического и духовного центра, являющегося преемником Восточной Римской империи. В области философских знаний авторы проводят чёткую последовательную линию развития, с одной стороны, историко-политической и, с другой стороны, социально-этической мысли от

произведений славянофилов до исследований авторов русско-национального и евразийского направлений. При этом, следуя цели презентации цивилизационной специфики и миссии России и её интеллектуально активных представителей, они обоснованно и с большим методическим искусством интегрируют в комплекс освещаемых источников произведения с различной жанрово-видовой направленностью, но с общим направлением отражённых в них духовных исканий. В сферах социологии и – в широком понимании данного термина – гуманитаристики авторы учебно-методического комплекса показывают его читателям и пользователям пример реального использования междисциплинарного подхода, демонстрируют образцы диахронического анализа значимых исторических явлений в различных странах мира.

Несомненным достижением представленной ими концепции курса является реализованное во всех его разделах научное отношение к понятию идеологии. В условиях вызванного не критическим отношением к западноевропейской и англосаксонской версиям духовного и практического либерализма во многих слоях российского общества сформировалось основанное на упрощённых логических конструкциях и поверхностных фактических наблюдениях негативное понимание значения идеологии и её внедрения различными, вполне гуманистическими средствами. Справедливо определяя её как совокупность значимых для мировоззрения каждого человека знаний и интеллектуальных ориентиров, они чётко обосновывают и объясняют необходимость формирования консенсуальных идеологических установок для обеспечения созидательного единства людей и устойчивости государственно-политического строя.

Завершая очерк истории осмысления российскими философами и другими общественными деятелями развития нашей страны и значимых, основанных на

патриотизме форм сопричастного отношения к нему, авторы учебно-методического комплекса приходят к следующему актуальному и не вызывающему сомнений выводу: «Задача заключается в создании идеи, наделяющей население России смыслами, определяющими устройство, организацию всей жизни и действительном движении к будущему с учётом складывающихся внутренних и внешних отношений. Это означает необходимость государства, способного защитить себя от внешних и внутренних врагов, преодолевающего сопротивление всех, чьи интересы противоречат целостности страны. Сложная социальная, конфессиональная, этническая структура, создающая риски внутренних конфликтов, требует выстраивания особой политики идентификации» (с. 70). Данный вывод, так же, как и содержание всех глав учебно-методического комплекса, формирует у читателей обоснованное представление о том, что в рамках избранной авторами концепции преподавание и изучение основ российской государственности не только имеет самодостаточное дидакти-

ческое значение, но и способствует на духовном и практическом уровнях решению задач, значимых для развития государства и общества.

Помимо насыщенного, обоснованного значительным теоретическим и фактическим материалом содержания рецензируемое пособие имеет все необходимые элементы для его широкого использования в учреждениях высшего образования. В их число входят структура и тематический план занятий в соответствии с рекомендованным на государственном уровне объёмом академических часов на освоение курса; планируемые результаты его изучения, фонды оценочных средств, методические рекомендации для преподавателей и обучающихся (с. 173–207). Самостоятельное теоретическое значение имеет глоссарий (с. 208–210), содержащий вполне чёткие определения значимых для осмысления основ российской государственности понятий. На высоком техническом уровне созданы иллюстрации, придающие последовательно излагаемому материалу наглядный и репрезентативный характер.

Дата поступления в редакцию 15.07.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ланской Григорий Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: gri_lanskoi@list.ru

Реснянский Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: s-r44@yandex.ru

Хазанов Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник научно-образовательной лаборатории «Россия и Европа: сравнительное изучение доиндустриальных обществ» Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова;
e-mail: belka160666@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Grigoriy N. Lansky – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Foreign Policy and Regional Studies, Russian State University for the Humanities;
e-mail: gri_lanskoi@list.ru

Sergey I. Resnyansky – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Russian History, Federal State University of Education;
e-mail: s-r44@yandex.ru

Anatoly M. Khazanov – Dr. Sci. (History), Prof., Leading Researcher, Scientific and Educational Laboratory “Russia and Europe: Comparative study of pre-industrial societies”, P. G. Demidov Yaroslavl State University;
e-mail: belka160666@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ланской Г. Н., Реснянский С. И., Хазанов А. М. Рецензия на книгу: Основы российской государственности: учебно-методический комплекс по дисциплине для образовательных организаций высшего образования / В. М. Марасанова, В. Э. Багдасарян, Ю. Ю. Иерусалимский, Л. Г. Титова, С. А. Кудрина. М.: Издательский дом «Дело» РАНХИГС, 2023. 212 с.

// Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 4. С. 138–148.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-4-138-148

FOR CITATION

Lanskoy G. N., Resnyansky S. I., Khazanov A. M. Book review: Marasanova V. M., Bagdasaryan V. E., Iyerusalimskiy Yu. Yu., Titova L. G., Kudrin S. A Basic points of Russian state system: educational and methodological complex on discipline for educational organizations of higher education. Mosco, ID "Delo" RANHIGS, 2023. 212 p. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 4, pp. 138–148.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-4-138-148

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2024. № 4

Над номером работали:
Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик А. Ю. Назарова
Компьютерная вёрстка А. В. Тетерин
Корректор А. А. Глазунова

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.istpolitmgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 9,5, уч.-изд. л. 13,25.
Подписано в печать: 31.10.2024 г. Дата выхода в свет: 23.12.2024 г. Заказ № 2024/10-10.
Отпечатано в ГУП
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А